The Elder Scrolls.

АДСКИЙ ГОРОД

Грег Киз

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вот уже сорок лет государства и народы Тамриэля оправляются от небывалых разрушений, причиненных вторжением из Обливиона армий принцев-дейдра. Император Титус Мид собирает по кусочку расколотые войной земли. Неожиданно у берегов континента появляется летающий остров, уничтожающий все живое на своем пути.

Противостоять ему и спасти мир решаются немногие. В их числе принц Аттребус Мид, чье имя окутано романтическими легендами. Данмер Сул, волшебник и воин, разыскивающий давнего врага. Сыщик Колин, который потянул за ниточку опаснейшего заговора. Юная девушка по имени Аннаиг, чьи способности к алхимии оценили даже обитатели Адского города — Умбриэля.

Грег Киз — очень известный и талантливый писатель, работающий в жанре фэнтези. Его книги завоевали миллионы читательских сердец и вошли в список мировых бестселлеров. Роман «Адский город» основан на вселенной суперпопулярной компьютерной ролевой игры «The Elder Scrolls».

- Грег Киз
  - Благодарности
  - Пролог
  - Часть первая
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
  - Часть вторая
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
    - Глава девятая

- Часть третья
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
- Эпилог
- Комментарии от переводчика
- Глоссарий

Грег Киз
«Адский город»

Моей дочери Дороти Нелл Джойс Киз

Благодарности

Для начала я хотел бы поблагодарить всех, кто увлек меня работой с богатейшим материалом «Древних свитков». Особая благодарность Керту Кульману, Брюсу Несмиту, Питу Хайнсу и Тодду Говарду за их разъяснения и подсказки. Я был бы невежливым, если бы забыл упомянуть веб-сайт «The Imperial Library» («Имперская библиотека»), послуживший неоценимым подспорьем при работе над этой книгой.

Как всегда, выражаю благодарность моему агенту — Ричарду Кертису. Спасибо и моей подруге, чье имя вошло в эту книгу, — Аннаиг Хэснард не рассердилась на меня за такую вольность.

Благодарю и моего издателя Тришу Нарвани, ее заместителя Майка Брефа, литературного редактора Питера Вейсмана, менеджера по производству Эрин Бековьес, верстальщика Шону Мак-Картни, агента по сбыту Эли Т. Кокмен, рекламного агента Дэвида Монча и, конечно, издателя Скотта Шеннона. За замечательную обложку отдельная благодарность художнику Полу Юллу и дизайнеру Дрю Пеннингтону-Макнейлу.

Пролог

Ощутив, как задрожало море, Иффек сразу заподозрил неладное. Ветер с шелестом скользнул в снастях и такелаже, слух моряка уловил последний слабый шорох — и все безжизненно застыло. Небо всегда чувствует беду раньше, а медлительное море от него отстает.

Вода снова вздрогнула, или, вернее сказать, море заворочалось под килем судна. Отчаянно закричал Ким — толчок выбросил его из «вороньего гнезда», словно слепого котенка; Иффек видел, каким неимоверным усилием кэтей-рат извернулся в полете и зацепился когтями за ванты.

— Стендарр! — воскликнула Грайне, растягивая звуки, как все уроженцы Южного Нибена. — Что это было? Цунами?

Она вглядывалась в сумрак, но тщетно: человеческое зрение ни в какое сравнение не идет с каджитским.

— Нет, — пробормотал Иффек. — Когда море попыталось поглотить Саммерсетские острова, я находился поблизости и помню, как одна такая волна прошла под нами. И еще однажды, когда молодым был, наблюдал то же у берегов Морровинда. На глубокой воде цунами незаметно — а здесь глубина порядочная.

— Тогда что же это? — Она откинула серо-серебряную челку с глаз, не сумевших ей помочь.

Иффек дернул плечами, пытаясь подражать человеческому жесту неведения, и пригладил когтями вздыбившийся мех на руке.

В воздухе разливался сладковатый запах гниения.

— Ким! Ты что-нибудь видишь? — крикнул каджит.

— Свою смерть! — ответил кот-неквиналец, и его голос прозвучал гулко, будто корабль окружали стены. Ловким движением гибкого тела он забросил себя обратно в «воронье гнездо». Огляделся. — Море чистое!

— Может, что-то в глубине? — поежилась Грайне.

Иффек покачал головой.

— Ветер!

И вдруг увидел, что на юге сгустился мрак и уже вздыбился, словно грозовая туча; в нем сверкали зеленые молнии.

— Берегитесь! — закричал он.

Грянул гром… Нет, грохот во стократ сильнее, чем бывает при самой жестокой грозе. Ветер ударил тугим кулаком; грот-мачта сломалась, и Кима выбросило за борт — прямо в объятия той самой смерти, которую он только что видел. А затем наступила тишина, нарушаемая лишь звоном в ушах.

— О боги! Что же это такое? — послышался слабый голос Грайне.

— Дело не в море… — прошептал Иффек, глядя на приближающееся черное облако.

Он быстро осмотрел корабль: мачты сломаны, такелаж порван и по меньшей мере половина команды погибла.

— А в чем?

— Не многие каджиты рискуют выходить в море. Да, они вынуждены торговать, поставлять жаждущим скуму, но мало кто из них любит море. А я люблю! Я восхищаюсь морем, потому что ему наплевать на богов или дейдра. Оно живет своей жизнью по своим правилам.

— О чем ты?

— Я не знаю… — вздохнул Иффек. — Я чувствую, но не знаю наверняка. Попытайся тоже почувствовать…

Он не договорил — в этом больше не было нужды.

Грайне охнула, увидев тучу.

— Теперь вижу и я! — воскликнула она.

— Да! Это оно!

— Однажды я видела разверзшиеся Врата Обливиона. Мой отец тогда служил в Лейавине. Но после жертвы Мартина считается, что это больше невозможно. И это совсем не похоже на Врата!

Иффек сам уже видел, что и на тучу это не похоже — скорее на плотную воронку, направленную острием вниз.

Задул сильный ветер, несущий смрад грязи и смерти.

— Уже не имеет значения, что это, — сказал капитан. — По крайней мере, для нас.

Спустя несколько мгновений их накрыло…

Сул орал, срывая голос. Все его тело покрылось липким холодным потом, грудь вздымалась, а руки и ноги дрожали. Открыв глаза, он поднял голову и огляделся.

В дверном проеме стоял человек с обнаженным мечом. Его синие глаза удивленно смотрели из-под всклокоченных волос цвета спелого ячменя. Зарычав проклятие, Сул потянулся к собственному оружию, висевшему на спинке кровати.

— Нет-нет, не беспокойтесь! — поспешно сказал парень. — Просто вы так кричали! Я хотел убедиться, что с вами все в порядке…

Кошмар медленно отступал, к Сулу возвращалась способность здраво оценивать обстановку. Если бы его хотели убить, то не стали бы раздумывать и медлить.

— Где я? — Он все-таки подтащил поближе свой длинный

меч — на всякий случай.

— В гостинице «Тощий парень», — ответил синеглазый. И после паузы добавил: — В Корроле.

«Коррол? Да, все верно…»

— С вами все хорошо, господин?

— Да, все в порядке. Тебя это не касается.

— И еще… — Человек с мечом выглядел смущенным. — Этот ваш… гм… крик всякий раз…

— Сегодня же вечером я уберусь отсюда, — заверил его Сул. — Я еду дальше.

— Я не хотел вас оскорбить…

— Ты никого не оскорбил.

— Завтрак ждет вас внизу… За счет заведения.

— Спасибо! И оставь меня в покое наконец!

Когда синеглазый убрался, Сул сел и принялся растирать морщинистый лоб.

— Азура… — пробормотал он. Сул всегда распознавал ее прикосновение, даже совсем легкое — но на сей раз его никак нельзя было назвать легким.

Данмер закрыл глаза и попытался вновь почувствовать дрожь морской глади под ногами, услышать слова старого капитана-каджита, увидеть мир его глазами. Эта необъяснимая сущность, что появилась в небе, ощутимо отдавала Обливионом. Проведя там двадцать лет, Сул запомнил этот смрад на всю жизнь.

— Вуон… — вздохнул он. — Это можешь быть только ты, Вуон, я не сомневаюсь. Почему богиня послала мне это видение? Неужели она хочет предупредить меня, намекнуть на что-то?

Само собой, никто не ответил.

Некоторые видения, пришедшие уже после смерти капитана-каджита, Сулу удалось вспомнить. Он видел Илзевен — такой, какой запомнил ее, бледной и безжизненной; видел искореженную пустошь, в которую превратился Морровинд. Они всегда были в его снах, неважно — посылала их Азура или нет. Но в этот раз появилось нечто новое: лицо молодого человека, коловианца, если судить по слегка крючковатому носу. Он казался странно знакомым, будто бы они уже встречались.

— И это все, что я знаю? — спросил данмер. — Я даже не смог определить, в каком океане искать…

Обращаясь к Азуре, он понимал, что ответа не дождется, и убедил себя, что узнать даже такую малость, как удалось ему, само по себе удача. Выбросив мускулистое серокожее тело из кровати, Сул подошел к умывальнику, поплескал водой в лицо и красными глазами уставился на отражение в зеркале. К своему удивлению, позади себя, на полке, бывшей до того пустой, он

заметил несколько книг. Данмер повернулся и, подойдя к полке, взял в руки один из томов.

«Рассказы о Южных водах» — значилось на переплете. Покачав головой, он снял второй и увидел: «Интереснейшие и весьма поучительные приключения принца Аттребуса». Ниже надписи красовалось изображение горбоносого молодого человека.

Впервые за долгие годы отвыкший от веселья Сул хрипло рассмеялся.

— Отлично! Значит, вы идете, мой принц! Прошу простить, что сомневался в вас.

Через час, облачившись в доспехи и не забыв прихватить оружие, данмер гнал коня на юго-восток — навстречу возмездию, безумию, смертельной опасности. Он успел позабыть, что такое счастье, но сейчас ему казалось, что он наконец-то счастлив.

Часть первая
ПРИБЫТИЕ

Глава первая

На высоком парапете некогда роскошного, а ныне запущенного особняка на окраине Лилмота, также широко известного как «гнилая жемчужина» Чернотопья, сидели двое: белокожая девушка с длинными локонами цвета эбенового дерева и аргонианин с грязно-зеленой чешуей и шоколадным спинным гребнем.

— Нет, похоже, ты в самом деле хочешь моей смерти, — задумчиво проговорил ящер.

— Не все опасное убивает нас, — ответила девушка, поправляя тугие завитки волос. Потерла нос, немного напоминающий соколиный, и устремила взгляд серо-зеленых глаз к обширной площади, раскинувшейся ниже.

— А я так не считаю… — прошипел аргонианин.

— Давай же, Светло-Глаз! — горячо воскликнула Аннаиг, падая в любимое кресло отца — огромное, кожаное — и закидывая ладони за голову. — Мы не можем поступить иначе!

— О! А мне кажется, что можем. Очень даже можем, — отозвался скучающий ящер.

Сидя на низкой банкетке, обитой тканью, одной рукой он постукивал по кипарисовому столу, сработанному по росту сидящего каджита. На фоне белых занавесей, драпировавших эркер и защищавших комнату от яркого света, аргонианин казался черным силуэтом. На стене дрожала его тень, сильно отличающаяся от человеческой.

— Вместо опасного приключения мы можем заняться чем-нибудь гораздо более приятным. Например, — он выбросил один коготь на полированную столешницу, — посидеть в особняке твоего отца и выпить вина. — Появился второй коготь. — Захватить немного вина к пристани и выпить там. — Третий коготь. — Выпить немного здесь и немного у моря…

— Глаз! Когда у нас последний раз было настоящее приключение?!

Ленивый, но цепкий взгляд рептилии скользнул по лицу Аннаиг.

— Если под приключением ты подразумеваешь утомительную и опасную прогулку, то не так уж и давно. Как по мне, совсем недавно. — Он пошевелил пальцами обеих рук, будто пытаясь стряхнуть с них нечто липкое, что для уроженца Лилмота служило признаком крайнего волнения. Перепонки его приняли ярко-зеленый цвет. — Ты опять читала?

В голосе ящера звучали обвиняющие нотки, словно он

приравнивал чтение к греху такому же страшному, как, скажем, детоубийство.

— Немножко… — согласилась девушка. — А чем мне еще заняться? Здесь так скучно. Ничего никогда не происходит.

— Ты прилагаешь все усилия, чтобы разогнать скуку, — заметил Светло-Глаз. — Когда я поддался на твои уговоры в прошлый раз и мы отправились искать приключений, как ты это называешь, нас едва не арестовали.

— Да! И разве ты не чувствовал себя полным жизни?

— Мне не нужно чувствовать себя полным жизни, — возразил аргонианин. — Я и так жив. И предпочитаю оставаться живым и невредимым как можно дольше.

— Ну, ты же знаешь, что я имею в виду.

— Хуфф… Смелое утверждение…

— Я смелая девочка, — Аннаиг подалась вперед. — Давай, Глаз! Он же веркрок! Я уверена! И мы это докажем!

— Прежде всего… — покачал головой Светло-Глаз. — Прежде всего, я никогда не слышал о веркроках. А во-вторых, зачем нам что-то доказывать? Для чего?

— Как это для чего? Людям нужно знать! Мы все разузнаем и расскажем. Ведь он опасен. В том месте постоянно исчезают люди.

— В Загнилище? Конечно. Там всегда кто-то исчезает. Это не квартал, а выгребная яма. Хуже места в городе я не знаю.

— Но послушай! Там находили трупы, перекушенные пополам! Кто мог так убивать?!

— Обычный крокодил. Да и не только он. Если постараться, и я могу… — Ящер взволнованно потряс руками. — Послушай, если ты так уверена, что там обитает чудовище, поговори с отцом — пусть посоветует помощнику капитана стражи Эттену направить туда несколько подчиненных.

— А если я ошибаюсь? Тогда мой отец будет выглядеть, мягко говоря, глупо… Глаз! Я вот что тебе толкую: нам нужно убедиться самим, найти какие-то доказательства, а уж потом… Ты знаешь, я за ним следила.

— Что?! — Аргонианин распахнул рот от изумления.

— Да. Он выглядит совсем как человек! Но по каналам передвигается, как аргонианин, под водой. Потому-то я и обратила на него внимание. Я осмотрела место, где он выходил из воды. Ошибки быть не может — первые несколько следов крокодильи, а дальше — человеческие.

Светло-Глаз захлопнул челюсти и покачал головой.

— Человек мог идти по крокодильим следам. Запросто. И давно придуманы зелья и амулеты, позволяющие даже таким

слабакам, как вы, дышать под водой.

— Но это не совпадение! Он все время так поступает! Глаз, помоги мне убедиться.

Аргонианин со свистом выдохнул.

— А потом мы сможем выпить вина?

— Если мой отец не прикончил последнее.

— Договорились!

— Чудесно! — Аннаиг захлопала в ладоши. — Я выяснила его распорядок дня, если можно так сказать. Он не вернется в логово до наступления ночи. А если так, то нам пора выдвигаться.

— Логово?

— Ну он же должен где-то жить? Я назвала это логовом.

— Ну ладно… Логово так логово. Пойдем…

«Вот мы и добрались», — подумала Аннаиг.

Миновав холмы старого имперского квартала, они оказались в древнейшей части Лилмота — Загнилище. В давние времена, когда Империя диктовала волю провинциям и могла обеспечить порядок в подчиненных ей землях, не только ящеры Чернотопья, но и люди строили здесь свои дома, но теперь только самые отчаянные смельчаки или безумцы рисковали искать пристанище в этих местах. Патрулей городской стражи тут днем с огнем не сыскать — лишь нищие, воры и грабители, чудовища… А еще противники главенствующей партии Ай-Зайлиля, преследуемые за их политические убеждения.

Логово нашлось довольно быстро: в здании, настолько старом, что первый этаж погрузился в густой ил по самые окна, они обнаружили обжитой угол. В остальных комнатах царили разруха и запустение, что вовсе не удивительно для Загнилища, мебель превратилась в груду обломков, за исключением, пожалуй, парочки кресел и кровати. Странно, что заброшенное жилище не кишело крысами — из-под ног выскочила всего одна.

Едва им удалось оглядеться, как со стороны улицы послышались приглушенные голоса. Единственный путь оказался отрезан. Аннаиг и Светло-Глаз отступили в угол, к каменной стене. Здесь они нашли старую лестницу, которая вела на второй этаж, а потом принялись карабкаться еще выше по ветхим деревянным стойкам каркаса, пока не достигли стропил. Девушка удивилась — что же за древесина может так долго сопротивляться сырости и гнили?

Но лучшего убежища все равно не найти…

Глаз жестом приказал ей молчать и не шевелиться — люди, вошедшие на первый этаж, осмотрелись по сторонам и даже взглянули вверх.

Аннаиг украдкой вытащила из кармана куртки глиняную бутылочку, откупорила и выпила одним глотком. На вкус зелье напоминало дыню, но сильно горчило. Почти сразу в груди стало теснить, а мышцы пронизала легкая дрожь. Сердце забилось часто-часто, но вовсе не от страха. Слабые звуки на первом этаже вдруг стали слышны так хорошо, как если бы она находилась рядом с говорящими.

— Где он? — спросил один из зашедших. Тусклый свет не позволял разглядеть его лицо, но он казался более смуглым, нежели остальные, — возможно, данмер.

— Скоро будет здесь, — отвечал второй — или вторая, чья кошачья грация в движениях выдавала каджита.

— Он уже пришел, — добавил третий.

К незнакомцам неспешно приблизился еще один, и Аннаиг узнала человека, за которым следила в течение нескольких истекших дней. Тьма скрывала его лицо, но, увидев горбатую спину, девушка ясно представила грубые черты и патлы нечесаных волос.

— Ты принес? — спросил каджит.

— Конечно. Под водой протащил.

— Это, должно быть, нелегкая работенка. — В голосе каджита послышались нотки уважения. — Меня всегда удивляло: почему ты возишься сам? Не проще ли нанять ящериц?

— Я им не доверяю. А кроме того, у стражников есть угри, нарочно натасканные, чтобы охотиться на аргониан. Они запустили их во внешний канал. Но я намазываюсь слизью угря, и рыбы принимают меня за своего.

— Какая мерзость! Почему ты не бросишь эту работу?

— Мне за нее неплохо платят.

Человек стянул через голову рубаху, а вместе с ней и горб.

— Погляди-ка, что у меня есть! Можешь даже попробовать, если хочешь.

Аннаиг выругалась, ударяя кулаком по стропилу, на котором сидела:

— Боги и дейдра! Это никакой не веркрок! Это торговец скумой!

— Нет, ты меня погубишь… — прошипел Светло-Глаз.

— Я-то нет, а вот кто-нибудь другой может.

— А мне не все ли равно?

Вот теперь девушка ощутила страх — настоящий, животный ужас.

— Кстати, — заметил каджит вполголоса, — кто те двое наверху?

Человек задрал голову.

— Ха! Откуда мне знать. Не мои — это точно.

— Хочу надеяться, что не твои. Я отправил Патча и Фликса прикончить их.

— А чтоб вас разорвало! — охнула Аннаиг. — Уходим, Глаз!

Но только она пошевелилась, как что-то свистнуло у самой щеки, и девушка пронзительно взвизгнула.

— Я так и знал! — огрызнулся Светло-Глаз.

— Шевелись давай! Нам нужно выбраться на крышу!

Они помчались, перепрыгивая с одного стропила на другое. Позади кто-то кричал, Аннаиг слышала, как преследователи топочут по толстым балкам. Почему же она не услышала их приближения? Или это какая-то магия?

— Сюда! — позвал Светло-Глаз.

Он показал на дыру в скате крыши — черепица давно уже обвалилась, открывая выход наружу. Выбравшись, они полезли вверх, цепляясь за неровности черепицы. Аннаиг чувствовала жар в груди и надеялась, что это одышка, а не воткнувшаяся между ребер стрела или метательный нож.

Вскарабкавшись на конек, они уселись — от земли их отделяло пятьдесят футов. Девушка вытащила из кармана два пузырька и протянула один Светло-Глазу.

— Выпей это, и прыгаем!

— А это что? — с подозрением поинтересовался аргонианин.

— Ну, я до конца не уверена. Но есть надежда, что это зелье даст нам возможность летать.

— Есть надежда? Где ты его взяла?

— Какая тебе разница?

— О Тхтал! Ты сама его сделала? Сама придумала? Не помнишь, что получилось, когда я выпил твое зелье невидимости?

— Помню! Ты стал почти невидимым!

— Невидимым? Моя кожа стала прозрачной! Я был похож на кучу требухи, которая ходит сама по себе!

Аннаиг отпила из бутылочки.

— Нет времени для споров, Глаз! Это наша единственная возможность спастись.

Их преследователи уже выбирались на скат. Девушка вскочила и выпрямилась, мельком подумав: а махать руками нужно? Но гадать оказалось некогда — поскользнувшись, она сорвалась с покатой крыши и с отчаянным криком рухнула вниз.

Вначале она летела камнем, но потом полет постепенно замедлился, будто девушка превратилась в мыльный пузырь. Позади на крыше раздавались удивленные крики людей, а обернувшись, Аннаиг увидела, что Светло-Глаз парит рядом с ней.

— Видишь! — торжествующе воскликнула она. — Действует! Ты должен больше мне доверять!

И едва Аннаиг произнесла последнее слово, как оба рухнули вниз.

На виллу они вернулись уже за полночь — злые, покрытые синяками и ссадинами, провонявшие мусорной кучей, которая очень кстати оказалась внизу и тем самым спасла им жизнь.

Отца Аннаиг они нашли в том самом кресле, где утром сидела девушка. Несколько мгновений она смотрела на его жиденькие седые волосы, на тонкие бледные пальцы, сжимающие бутылку вина, пытаясь вспомнить, каким он был до смерти матери, до того, как «Ан-Зайлиль» прогнала имперцев из Лилмота, разграбив и опустошив их имения.

Она не понимала этого человека.

— Пойдем! — позвала Аннаиг Светло-Глаза.

Захватив из погребка три бутылки, они поднялись на верхний этаж, где удобно устроились на балконе. Девушка зажгла маленький бумажный фонарик, и свет заиграл на гранях хрустальных кубков.

— За нас!

Они выпили.

Внизу расстилался старый имперский Лилмот: стены разрушенных особняков, увитые виноградом, пальмовые сады, заросли бамбука казались вырезанными из черного бархата. Лишь кое-где город подсвечивали парящие в воздухе желтые светлячки и бледно-зеленая плесень, дальняя родственница смертельно опасных болотных огоньков.

— Ну, как? — спросила Аннаиг, вновь наполняя кубки. — Теперь ты чувствуешь себя полным жизни?

Ящер неторопливо моргнул и ответил:

— Могу сказать одно — теперь я еще лучше чувствую разницу между жизнью и смертью.

— И это только начало, — усмехнулась она.

Помолчав немного, Глаз задумчиво проговорил:

— Нам просто повезло…

— Я знаю. Но…

— Что — но?

— Ладно, я согласна — это был не веркрок. И даже не просто крокодил. Зато мы можем доложить стражникам о торговцах скумой.

— И что? Торговцы легко найдут другой канал поставки. Даже если стражникам удастся поймать эту шайку, сколько их еще останется? Торговлю скумой уничтожить невозможно.

— Само собой, невозможно, — проворчала Аннаиг. — Особенно если не пытаться. Не обижайся, пожалуйста, Глаз, но мне часто хочется, чтобы мы все еще жили под властью Империи.

— Я и не сомневался. Если бы все оставалось по-старому, твой отец был бы богатым и уважаемым человеком, а не мелким чиновником на службе у «Ан-Зайлиль».

— Я не об этом… Понимаешь… Во времена Империи существовала законность. Были понятия о чести…

— Ты тогда еще не родилась. Откуда тебе знать?

— Я читаю, Светло-Глаз.

— А кто пишет книги? Бретоны? Имперцы?

— Это пропаганда «Ан-Зайлиль». Империя возрождается. Император Титус Мид начал восстанавливать державу, и его сын Аттребус идет по стопам отца. Они стремятся вернуть равновесие в наш мир, восстановить порядок, а мы… Мы здесь просто сидим и ждем, когда все наладится само собой.

Аргонианин пожал плечами.

— Я знаю места, где жить тяжелее, чем в Лилмоте.

— Да, но есть и места, где живется лучше! Мы можем там побывать и собственными глазами оценить разницу.

— Ты снова об Имперском городе? Поверь, Ан, мне тут нравится. Лилмот — моя родина. Мы знакомы с тех пор, как я вылупился из яйца, можем беседовать о чем угодно, у нас нет тайн друг от друга. Знаешь, я не хочу покидать Чернотопье. И не надо меня уговаривать. Даже не пытайся.

— Но неужели тебе не хочется новых впечатлений?

— У меня есть еда, выпивка, приятное безделье… Что еще в жизни нужно? Это людей постоянно тянет куда-то, им не сидится на месте, хочется путешествовать, оценивать разницу. А из-за этого, между прочим, все неприятности и беды. Люди почему-то думают, что все знают лучше, чем прочие. Уверены, будто понимают потребности всех остальных рас, но никогда не дают себе труда задуматься — чего же на самом деле желают другие? Вот и Титус Мид наверняка пытается всем навязать свое видение мира. Что, скажешь, не так?

— Но существуют же добро и зло, правда и кривда. Согласись, Глаз.

— Может быть. Поверю тебе на слово.

— Принц Аттребус спас множество твоих сородичей от рабства. Разве это не стоит хоть какой-то благодарности?

— В доброй старой Империи моих сородичей продавали в рабство.

— Это было, когда открывались Врата Обливиона, но те времена миновали. Послушай, представь только, что было бы,

если бы Мехрун Дагон победил, если бы Мартин не уничтожил его!

— Мартин и Империя не сражались с Обливионом в Чернотопье, — чуть громче, чем следовало, возразил Светло-Глаз. — А «Ан-Зайлиль» сражалась. Когда открылись врата, мы, аргониане, бились с такой яростью, отчаянием и силой, что военачальники Дагона испугались и закрыли дорогу в Обливион.

Аннаиг поняла, что еще чуть-чуть — и она поссорится со своим лучшим другом. Слишком далеко зашла их беседа. Она медленно вздохнула и согласилась, немного успокоившись:

— Да. Твой народ сражался, не жалея жизни. Но без самопожертвования Мартина Мехрун Дагон мог бы захватить весь мир, и Чернотопье тоже. Тогда он творил бы здесь, что хотел.

Глаз протянул ей кубок, и девушка немедленно налила ему еще вина.

— Я не хочу об этом спорить, — сказал он. — Мне кажется, это не важно.

— Но твои слова звучали так, будто для тебя это очень важно, мой старый друг. Мне показалось, что я услышала гнев и волнение в твоем голосе. И выглядел ты так, будто готов в бой прямо сейчас.

— Это всего-навсего вино, — отмахнулся Светло-Глаз. — И последствия сегодняшних приключений. Оставшуюся часть ночи мы можем праздновать твой успех с микстурой. Все-таки состав не вполне безнадежный?

Аннаиг чувствовала разливающееся по телу тепло — вино делало свое дело.

— Ну хорошо, — улыбнулась она. — Мое зелье стоит парочки тостов.

Они выпили еще. Глаз посмотрел на нее искоса.

— Так или иначе… — начал он, но потом замолчал.

— Что?

Ящер усмехнулся и покачал головой.

— Может, не стоит тебе рассказывать? Довольно с нас неприятностей… Но то, что я слышал, касается всех нас.

— О чем ты, Глаз?

— «Оракул ветра» вернулся сегодня в порт.

— Это фелука твоего кузена Изтак-Нэша?

— Ага… Он говорит, что видел кое-что в открытом море — нечто, движущееся по направлению к нам, к Чернотопью.

— И что же?

— Это бред какой-то… Мне трудно ему поверить. Он утверждал, что по воздуху летит остров с городом наверху.

— Дрейфующий остров? Не отмеченный на карте?

— Если бы… Летающий остров. Он парит в воздухе. Как облако.

Аннаиг нахмурилась, покрутила кубок и погрозила пальцем приятелю:

— Это не смешно, Глаз. Ты меня разыгрываешь.

— Я не собирался ничего рассказывать, но вино развязывает язык… Это все вино.

— Значит, ты серьезно? — Девушка выпрямилась. — Остров летит по направлению к нам?

— Кузен так говорил. И он не шутил.

— Ха! — воскликнула она, откидываясь на спинку стула и поднося ко рту кубок. — Мне нужно подумать. Летающий город. Это похоже на чудо. В эру Меретик подобное было возможно — я об этом и слышала, и читала в книгах. Но сейчас… — Губы Аннаиг помимо ее воли растянулись в широкой улыбке. — Это интригует. Завтра я обязательно схожу к Хекуа, повидаю старуху…

За разговором они прикончили первую бутылку и откупорили вторую. Время летело незаметно. Ближе к утру на Лилмот обрушился дождь. Шевелящийся занавес сильных струй, поблескивающих в свете первых солнечных лучей, принес свежесть и чистоту, смывая с городских улиц смрад разложения и гнили.

Глава вторая

Когда-то Колин слышал историю о мальчике, который родился с ножом вместо правой руки. Его мать изнасиловали и хотели убить, но она выжила и всем сердцем желала смерти своим обидчикам. Она радостно смеялась, когда сын разрезал ее живот изнутри и вышел на свободу, чтобы уничтожить тех, кто причинил зло его матери, а заодно и многих других, попросту подвернувшихся под руку. Когда его жертвы кричали от боли, захлебываясь собственной кровью, они спрашивали убийцу: «Кто ты?» Мальчик отвечал просто: «Зовите меня Далк». В старые времена на языках северных народов это слово обозначало нож.

Легенда гласила, что произошло это в Скайриме, но история нравилась наемным убийцам всех держав. Частенько молодые дерзкие парни, вступая на скользкий путь преступления, брали кличку Далк, в глубине души мечтая однажды ответить врагам словами парнишки из преданий.

Но у Колина вовсе не было ощущения, будто нож — часть его тела. Рукоять казалась то скользкой, то липкой, а вися на боку, клинок все время выпирал из-под плаща, словно был слишком большим, и Колин напрасно пытался прикрыть его.

Почему этот человек его не заметил? Не повернулся даже — просто стоял, опираясь на перила моста, и глядел в сторону маяка. Каждый лоредас он отправлялся проведать стоящего в городских конюшнях жеребца, а после приходил сюда; иногда перебрасывался с кем-нибудь парой слов, но никогда не разговаривал с одним и тем же человеком дважды.

Колин приблизился к одинокому незнакомцу. По мосту шагали люди — в основном торговцы из Вейе, толкая перед собой тачки с товаром, который не успели распродать за день, да еще несколько влюбленных парочек пытались найти укромное местечко.

Все это не в счет. Можно сказать, что на мосту они были вдвоем.

— Кто там? — внезапно спросил мужчина.

Темнота не позволяла Колину рассмотреть собеседника, но парень и без того прекрасно знал, как тот выглядит: вытянутое костлявое лицо, черные волосы с легкой сединой и поразительно синие глаза.

— Это я, — ответил Колин.

— Подойди поближе.

Колин приблизился на пару шагов и поравнялся с незнакомцем. Несколько студентов из Колледжа Ворожбы

приближались к ним, оживленно болтая и хохоча.

— Мне нравится это место, — сказал мужчина. — Я люблю слушать, как на кораблях бьют склянки, смотреть на их огни. Это напоминает мне о море. Ты бывал в море?

«Заткнись! — мысленно заорал Колин. — Нечего со мной болтать!»

Гуляющие студенты взволнованно переговаривались, указывая пальцами на северо-запад, где высились горы.

— Я из Энвила, — сказал парень, не в силах ничего выдумать, а потому вынужденный говорить правду.

— Знаю! Энвил — хороший город. Помню, там есть один кабачок с замечательным темным пивом.

— «Андертоу».

— Точно! — улыбнулся мужчина и повторил: — Мне нравится это место. — Он вздохнул, пригладил ладонью волосы. — Что там говорить… Когда-то у меня было красивое поместье на мысе около залива моря Топал. А еще маленькая лодка с парусом — не для открытого моря, только для прогулок вдоль побережья. — Он махнул рукой. — Но ведь ты приехал сюда не из пустого любопытства, а по делам?

Студенты наконец-то растворились в полумраке — теперь о них напоминали лишь доносящиеся обрывки фраз на непонятном языке.

— Надеюсь, что так, — согласился Колин, нащупывая рукоять ножа.

Человек улыбнулся.

— Ну конечно. По-другому и быть не может. Если кто-нибудь спросит тебя, скажи, что ни изысканная еда, ни дорогое вино, ни поцелуй любимой женщины не могут быть столь прекрасны, как ветер свободы…

— Что? — удивился парень.

— Книга «Асторие», том третий, глава… А что ты там держишь?!

«Как глупо», — подумал Колин, глянув на высунувшийся из складок плаща нож. Лезвие поблескивало в свете звезд. Трудно не заметить…

Их глаза встретились.

Человек понял все.

— Нет! — закричал он, отшатываясь.

Колин ударил его. По крайней мере, попытался ударить. Мужчина заслонился ладонями, удержав запястье убийцы. Парень левой рукой сбил захват и пырнул острием снова. На этот раз клинок вспорол жертве предплечье.

— Не надо, пожалуйста! — задыхаясь, воскликнул

мужчина. — Давай поговорим! Погоди!

Нож Колина поднырнул под беспорядочно мечущиеся руки и воткнулся чуть пониже солнечного сплетения. Раненый отшатнулся, навалившись на перила, и с ужасом уставился на пронзившее его плоть оружие.

— За что? — только и сумел выдохнуть он, сползая на настил моста.

Парень шагнул к нему.

— Не надо… — прохрипел мужчина.

— Я должен, — ответил Колин.

Он оттолкнул теряющие силу руки и перерезал горло.

Труп застыл в сидячем положении. Колин опустился рядом, поглядывая в том направлении, куда ушли студенты и откуда все еще доносились их голоса. Он не вполне осознал, что же случилось.

Со стороны города к нему быстрым шагом приближались двое. Колин обнял еще теплого мертвеца за плечи, словно подгулявшего товарища, чтобы случайные прохожие не заподозрили неладного. И лишь потом понял, что поторопился. Он знал этих ночных прохожих. Один — высокий, лысый и немного нескладный человек, а второй — светлый, почти белый каджит. Их звали Аркус и Кэша.

— Труп в воду, — сказал Аркус.

— Сейчас, сэр. Только отдышусь, сэр.

— Я все видел. Выполнено из рук вон плохо… Кажется, тебя просили разрезать ему горло вдоль?

— Да, но… Он… Он сопротивлялся!

— Ты сработал очень небрежно.

— В первый раз всегда так, Аркус, — вступился за парня Кэша, шевеля бакенбардами и нетерпеливо подергивая хвостом. — Вспомни себя. Давайте избавимся от трупа и пойдем отсюда.

— Хорошо, — кивнул лысый. — Вставай, инспектор!

Колин не двигался. Аркус потряс его за плечо.

— Эй!

— Сэр?! — удивился парень. — Сэр, вы обращаетесь ко мне?

— К тебе, к тебе… Да, дело сделано не блестяще, но ведь сделано. Значит, ты теперь один из нас.

Не помня себя от радости, Колин вскочил, схватил мертвеца за ноги, в то время как лысый взялся за плечи. Вместе они перевалили труп через перила — тот плюхнулся в воду, однако не утонул, а медленно поплыл, не сводя пустого взгляда с Колина. Но парню было все равно.

Инспектор! Три года он ждал, когда же его так назовут. И что

теперь? Все просто и обыденно. Пустой звук.

— Накинь это. — Кэша протянул ему свернутый плащ. — Ты забрызгался кровью, и не надо лишний раз пугать обывателей.

— Хорошо, — безучастно ответил парень.

Все необходимые бумаги ему выправили на следующий день. Их вручил управляющий Маралл — круглолицый потеющий мужчина с короткой жесткой бородой.

— Жить будешь в Телхолле. Все оплачено, — сказал Маралл. — Я думаю, у них уже есть задание для тебя. — Он отложил перо и внимательно посмотрел на Колина. — Эй, сынок! Ты в порядке? Выглядишь измученным.

— Я не спал всю ночь, сэр.

Управляющий кивнул.

— Кем он был, сэр? — Парень наконец-то решился задать давно мучивший его вопрос. — Что он сделал?

— Тебе не нужно это знать, сынок. И я советую тебе не пытаться выяснять.

— Но, сэр…

— Скажи, сынок, это имеет значение? — нахмурился Маралл. — Если я отвечу, что он повинен в похищении и убийстве шестнадцати младенцев, ты испытаешь прилив счастья?

— Нет, сэр.

— А если он отпустил изменническую шутку о бедрах ее императорского величества?

Колин моргнул.

— Не могу вообразить, сэр…

— Правильно. Предполагается изначально, что воображать ты не будешь. Ты не властен над жизнью и смертью. Решения принимаются выше нас. В основном они исходят от императора. Само собой, причина есть всегда. И это хорошо. Но эта причина нас с тобой не касается. Тебе не полагается воображать или размышлять, а полагается лишь выполнять приказы.

— Но ведь меня обучали всяким тонкостям. В конторе меня учили думать.

— Да, учили. И у тебя неплохо получается. Все ваши преподаватели заявляют об этом в один голос. Иначе «Зрящие в корень» не обратили бы на тебя внимания. Ты отлично зарекомендовал себя. Но думать тоже надо с умом. Если тебе приказали найти шпиона, затесавшегося в охрану императорского дворца, ты просто обязан воспользоваться логикой и приложить все усилия разума. Если тебе потребуется доподлинно выяснить, кто из дочерей графа Каросского отравил гостей, опять же ты должен для расследования использовать ум, наблюдательность и

умение делать выводы. Но если ты получаешь ясный и четкий приказ похитить что-то, отравить кого-то или зарезать, то думать нужно только о том, как лучше выполнить задание. Ты — надежное и неотразимое орудие Империи.

— Я знаю, сэр!

— По всей видимости, недостаточно хорошо знаешь. Иначе не задал бы всех этих вопросов. — Маралл поднялся, нависая над столом. — Ты из Энвила, насколько я помню? Один из городских гвардейцев рекомендовал тебя, просил взять для испытания.

— Переджин Опренус, сэр.

— Без его рекомендации что бы ты сейчас делал?

— Не знаю, сэр!

Колин не мог даже представить себе, кем бы стал, если бы им не заинтересовались «Зрящие в корень». Его отец умер, мать едва сводила концы с концами — прачка зарабатывает немного. Мальчишкой он выучился читать, но вряд ли сумел бы получить более глубокое образование. А если бы и получил каким-то чудом, то до сих пор мучился бы, придумывая, куда его применить. В лучшем случае он работал бы на судоверфи или нанялся на торговое судно матросом. Приглашение от имперской службы оказалось воплощением детской мечты и могло дать все, чего он желал подростком.

И что совсем немаловажно — заработок. Из нового жалованья, положенного ему как инспектору, он мог посылать деньги матери, чтобы ей не пришлось до самой смерти стирать чужое белье.

— Это была проверка? — спросил парень. — Я имею в виду, не вчера вечером, а сегодня, сейчас.

Управляющий улыбнулся.

— Проверка была и вчера, и сегодня. И это не последние, сынок. Просто дальше тебя будут испытывать не служащие нашей конторы, а сама жизнь. На нашей работе каждый день жизнь бросает новый вызов, подсовывает новые загадки. Если ты не готов к этому, то лучше откажись сразу, пока не поздно.

— Я готов, сэр!

— Очень хорошо, инспектор, очень хорошо. Оставшуюся часть дня можешь отдыхать и заниматься своими делами. Разъяснение по новым обязанностям получишь завтра.

Колин кивнул, попрощался с Мараллом и ушел. Ему не терпелось посмотреть новое жилье.

Глава третья

Когда Аннаиг проснулась, Светло-Глаз еще храпел, растянувшись на полу.

— О… — пробормотала девушка.

Едва она попыталась подняться, как голову сжала тупая ноющая боль, в желудке всколыхнулся противный липкий ком. Сколько же вина они вчера выпили?

Придерживаясь за стену, она медленно направилась в сторону кухни, щурясь всякий раз, когда яркий дневной свет острым ножом резал глаза. С трудом добравшись до печи, развела огонь, а потом открыла дверь в кладовку. Здесь в полумраке висели связки колбас, длинные тушки соленой рыбы-сабли, стояли корзины с мукой, солью, сахаром, рисом, пожухлыми, а потому жалкими овощами. На полочке лежали яйца, еще теплые — значит, Тай-Тай недавно приходил… А еще в кладовке находился обитый кожей сундучок для специй, в котором прятались семьдесят восемь баночек, бутылочек и мешочков со всевозможными семенами и сушеными травами.

Вот они-то ей и нужны.

Вскоре рубленый чеснок и красный перец отправились в разогретое масло; острый и щекочущий ноздри запах распространился по дому, и на кухню явился Светло-Глаз.

— Есть не буду — я совсем больной, — решительно заявил он с порога.

— А придется, — отрезала Аннаиг. — Ничего, тебе понравится! Старый Тенни раньше готовил такое для папы — еще когда мы могли позволить себе держать повара.

— Почему ты всегда готовишь по-разному? — недоверчиво поинтересовался аргонианин. — В прошлый раз я видел на сковородке арахис и солонину, а сейчас — перец и чеснок.

— Солонины я сегодня не нашла. — Девушка пожала плечами. — Понимаешь, состав значения не имеет, компоненты можно менять от случая к случаю. Важно другое — соблюсти баланс сущностей: ароматов, масел, трав…

Болтая с приятелем, Аннаиг пересыпала в горшок специи, которые до того толкла пестиком в каменной ступке: кориандр, кардамон, тмин и имбирь. Добавила две горсти сушеного риса, залила на палец выше кокосовым молоком и поставила томиться в печь. Когда каша разварилась, девушка разлила ее по тарелкам, отрезала по ломтику от оленьего окорока и ветчины, рядом положила соленую арбузную корочку.

— Это выглядит отвратительно. — Светло-Глаз пошевелил

ноздрями.

— Не бойся, это будет вкусно и полезно, — Аннаиг разбила в каждую тарелку по яйцу.

— Гусиные? — приободрился ящер и даже облизнулся.

— Угу…

— Может быть, я попробую.

Когда девушка поставила перед ним тарелку, аргонианин осторожно попробовал, подумал и начал уписывать за обе щеки. Аннаиг с улыбкой посмотрела на него и зачерпнула ложкой из своей тарелки.

— Я уже чувствую себя лучше! — воскликнул Светло-Глаз.

— Вот видишь!

— Да-да, лучше!

— Расскажи мне еще об этом парящем городе, — попросила Аннаиг, отправив в рот вторую ложку. — Как ты думаешь, когда он появится здесь, в Лилмоте?

— Изтак говорил, что их корабль опередил его дня на три. Но прежде чем они поймали ветер, чтобы уклониться в сторону, остров ни разу не менял курс. Он идет строго по прямой, а значит, прибудет сюда самое позднее завтра утром.

— Он рассказывал, на что это похоже больше всего?

— На оторванную и перевернутую верхушку горы. Сверху он плоский — моряки заметили постройки. Но команде «Ловящего ветер» остров очень не понравился. Очень! Представь себе, они вошли в порт, высадились на сушу и, не медля ни дня, верхом на лошадях уехали прочь, в глубь материка.

— Что им показалось неправильным?

— По словам Изтака, неправильным показалось все. Ни один из его магиков ничего не почувствовал и не смог дать никаких пояснений. Они сходились лишь в одном: летающий остров вонял смертью.

— И никто из них не пожаловался в «Организм»? — вдруг послышался сзади негромкий вкрадчивый голос. — Никогда не могу понять вашу болтовню, когда вы вдвоем…

Аннаиг обернулась и увидела отца, стоящего в дверях.

— Отлично пахнет, — улыбнулся он. — Осталось хоть чуть-чуть для меня?

— Конечно, Тайг, — ответила девушка и подала ему полную тарелку. — Я приготовила достаточно.

Отец взял ложку, пригубил и блаженно закрыл глаза.

— Это даже вкуснее, чем удавалось Тенитару, — восхищенно проговорил он. — Не зря ты, помнится, все время крутилась на кухне — теперь ты повар не хуже его.

— Ты слышал что-нибудь? — немного нетерпеливо спросила

Аннаиг.

Разговаривая с отцом, она всегда испытывала неловкость и беспокойство и при этом знала, что не права, но от этого беспокойство только возрастало. Его дух казался настолько ослабевшим, будто его большая часть потерялась.

— Я не шутил, — ответил Тайг. — Вы очень напоминали детей. Я и услыхал-то всего пару слов…

— Разве я об этом? — Девушка не дала сбить себя с толку. — Я имею в виду несущий смерть город, который, как предполагается, летит к нам. О нем ты слышал что-нибудь?

— Слышал некую историю… — вздохнул Тайг, выбирая кусочки мяса. — Все это идет от Урувена…

— А, этот сумасшедший старый пси-маг, — Аннаиг закатила глаза. — Или священник — они себя по-разному называют.

— Да, — кивнул отец. — Он всем говорил, будто выявил в открытом море некую движущуюся сущность. Он, скорее всего, безумен и подчас несет такую чушь… В «Ан-Зайлиль» недовольны слухами, которые он распускает среди населения. Особенно капитан стражи Кваджалил, которого из-за него уволили со службы. Но когда появились сообщения об угрозе, надвигающейся с моря, «Организм» не остался в стороне. Они отправили несколько судов на разведку.

— И?

— И ничего. Суда все еще не вернулись — по всей видимости, гоняются за призраком. Трудно найти то, чего нет и быть не может.

— Корабль моего кузена вышел из Энвила три недели назад. Его люди не могли видеться и говорить с Урувеном, — вставил Светло-Глаз.

Аннаиг заметила, как напряглось лицо отца — будто бы он пытается что-то скрыть.

— Тайг! — настойчиво сказала она.

— Нет, ничего. — Он потряс головой. — Ничего, о чем стоило бы волноваться. Если что-то будет нам угрожать, «Ан-Зайлиль» отразит угрозу так же решительно и яростно, как изгнала Империю из Чернотопья и данмеров из Морровинда. Что летающий город может сделать с Лилмотом?

— А что говорят Хист? — внезапно спросила Аннаиг.

Ложка дрогнула у самых губ отца, но он быстро взял себя в руки. Неторопливо прожевал, проглотил.

— Тайг!

— Городское дерево сказало, что волноваться не о чем.

Светло-Глаз с присвистом вдохнул, зашипел, прикрывая глаза третьим веком.

— Что ты имеешь в виду? Городское дерево? — настаивала Аннаиг.

Тайг колебался, чувствуя, что сболтнул лишнего.

— Частички Лорхана, Глаз! — воскликнула девушка. — Мы же здесь не гости, в конце концов.

Аргонианин кивнул. Девушке никогда не нравилось поведение друга, если речь заходила о святынях его народа: он становился совсем иным, не похожим на себя.

— Это всего лишь Хист. Я знаю, что они связаны между собой. Общий разум и все такое… Итак, папа, почему ты упомянул городское дерево?

Она пристально посмотрела на Тайга. Тот помялся немного, а потом вздохнул и объяснил:

— Люди «Ан-Зайлиль» в Лилмоте разговаривают только с городским деревом.

— Почему? Светло-Глаз говорил, что все Хист связаны. Значит, тот, кто общается с городским деревом, имеет связь со всеми деревьями.

— А может, и нет… — сказал аргонианин, сохраняя каменно-неподвижное выражение лица.

— Что ты имеешь в виду?

— Аннаиг… — начал отец неуверенным тоном. Голос его дрожал от волнения.

— Что, Тайг? — подбодрила его девушка.

— Я вот подумал… Почему бы тебе не съездить в Лейавин? Ты же давно хотела повидать свою тетю. И я подумал, что не должен препятствовать. Почему бы мне не помочь моей девочке? Я отложил немного денег. Хватит как раз, чтобы оплатить каюту на судне. А тут как раз корабль подвернулся. Выходит завтра утром и следует прямиком до Лейавина.

— Ты меня поражаешь, Тайг. Тут явно что-то не так. Кажется, ты хочешь попросту отослать меня подальше.

— Ты — все, что у меня осталось в этой жизни. Все, что для меня еще важно. — Старик шагнул к ней, раскидывая руки, словно намеревался обнять, но почему-то упорно отводил глаза. — Даже если опасность совсем невелика… — Вдруг его лоб разгладился, он замер на мгновение, а потом проговорил, но уже деловито: — Мне нужно идти. Меня вызывает «Организм». К вечеру я вернусь, и мы еще раз обсудим мое предложение. Ты могла бы тем временем собрать вещи. Я очень рекомендую морское путешествие…

Аннаиг задумалась. Лейавин находился довольно далеко от Лилмота, зато оттуда рукой подать до Имперского города. Даже если придется идти пешком, добраться до столицы не составит

труда. Почему бы и нет?

— Светло-Глаз может поехать со мной?

— К сожалению, денег хватит на проезд только одного, — развел руками отец.

— А я и не хочу никуда уезжать! — вмешался ящер.

— Вот и хорошо, — согласился Тайг. — Аннаиг, к обеду меня не жди. Я перекушу у Кокуины. И ужин можешь тоже не готовить. Просто посидим и поговорим.

— Хорошо, — кивнула девушка.

Как только старик скрылся из виду, она решительно нацелила палец в грудь Светло-Глазу.

— Ты сейчас же пойдешь в доки, отыщешь сумасшедшего священника и выяснишь все, что касается летающего города. Как хочешь, так и выспрашивай! Понял? А я иду к Хекуа.

— К Хекуа? Зачем?

— Мне нужно кое-что уточнить в новом рецепте снадобья.

— Ты хочешь сказать, в микстуре для полетов?

— Именно! Заметь, что эта микстура, как ты говоришь, спасла нас.

— Ну, можно сказать и так, — нехотя согласился Светло-Глаз. — Но во имя гнилых омутов! Почему тебя интересует зелье для полетов? Заняться больше нечем?

— А как ты собираешься попасть на летающий остров? Катапультой себя забросить?

— О-о-о… — горестно вздохнул аргонианин. — О нет…

— Посмотри мне в глаза, — приказала Аннаиг.

Медленно, неохотно ящер подчинился.

— Пойми, Глаз, ты — мой старинный друг. Ты очень мне дорог. Я предпочла бы, чтобы в этом рискованном путешествии ты был со мной. Но если не хочешь, ничего страшного, не буду заставлять или уговаривать. Но для себя я уже все решила. Хоп?

Он посмотрел на нее, вздохнул и кивнул:

— Хоп.

— Встречаемся здесь же в полдень.

Спускаясь по улицам Лилмота к узкой бухте, называемой имперцами Олиис, Светло-Глаз необычайно тонко ощущал близость неба, подернутого облаками и низко нависавшего над деревьями, древними каменными стенами, горожанами. Аргонианин размышлял и поэтому освободил разум, позволив мыслям не принимать словесную форму, а существовать в чистом виде.

Мысли, оформленные в слова, — будто заключенные в клетки птицы или прикованные цепями рабы. Джель — язык его предков

— был гораздо ближе к мыслям, чем речь любой другой расы. Аннаиг выучила совсем малую часть Джеля, которой не могло хватить для полноценного общения: с одной стороны, человеческое горло не в силах воспроизвести звуки, привычные для ящеров, а с другой стороны, Светло-Глаз не мог перевести в слова очень многие понятия, существующие как мысли и образы.

Сам он порой чувствовал, что в нем уживаются четыре различных существа. Разговаривая на имперском наречии, он был аргонианином Светло-Глазом. Общаясь с матерью или родными братьями — Витилулом Саксхлилом. Когда доводилось беседовать с Саксхлил из большого леса или с представителем «Ан-Зайлиль», он ощущал себя Лукайул, или «подчинившимся», поскольку его семья очень долго жила под властью Империи. А находясь рядом с Аннаиг, он становился кем-то еще. Не таким, как предыдущие, а совсем другим, более простым и понятным существом.

Но даже все вместе наречия, на которых говорили составлявшие его четыре личности, не могли сравниться с истинной, чистой мыслью.

Истинная мысль близка к основе, к источнику.

Деревьев Хист насчитывалось много, и в то же время они являлись одним целым. Их корни, проникая глубоко в жирную почву и мягкие белые скалы Чернотопья, соединялись, связывая всех Саксхлил, всех аргониан. Хист дали им человекоподобный облик и наделили их существование смыслом и целью. Деревья предвидели чужеродный прорыв сквозь Врата Обливиона, подняли всех жителей болот на борьбу с ним, вдохнули силы, чтобы победить армии Мехруна Дагона, а потом сбросить в море Империю и нанести поражение давним врагам в Морровинде.

Все Хист составляли единый разум, но так же, как Светло-Глаз мог ощущать себя четырьмя разными существами, сознание деревьев могло разделяться: одни отгораживались от других. Раньше такое уже случалось, и теперь, похоже, вновь происходило нечто подобное.

Если городское дерево отделило себя и «Ан-Зайлиль»… Что же это означало?

И почему он, Светло-Глаз, выполняет поручение Аннаиг вместо того, чтобы бросить все и попробовать разобраться в причинах такого странного поведения дерева, которому обязан жизнью? Что им движет?

Аргонианин остановился и посмотрел в выпученные глаза каменной статуи Рыбака Зон-Мехла, некогда главного божества Лилмота. Сейчас же от огромной каменной фигуры остались только голова и шея — прочее ушло в ил и мягкую землю, на

которой стоял город. Впрочем, ничего удивительного. Большинство старых построек постепенно погружались в грязь, так что желающему посмотреть перепончатые лапы Зон-Мехла пришлось бы основательно перелопатить землю, а потом еще нырять в мутную гнилую воду.

Позади монумента возвышалась величественная пирамида Изтаз-тститил-мехт. Совсем недавно из ила торчала только самая верхушка, но аргониане Лилмота под руководством «Ан-Зайлиль» раскопали ее, комнату за комнатой очистили от грязи и мусора, откачали воду и привлекли магиков, чтобы те наложили заклинания, не пускающие воду обратно. Точно хотели вернуть древнее славное прошлое — что-то тянуло их к седой старине Лилмота.

Светло-Глаз остановился, внезапно осознав, что продолжает шагать, но не туда, куда намеревался изначально. Ноги, послушные неосознанным размышлениям, понесли его в другую сторону. К дереву.

Старшие утверждали, что городскому дереву ни много ни мало — триста лет. Его корни проникали глубоко под Лилмот, пронизывая всю почву тоненькими усиками, но около комля они не уступали по толщине бедру взрослого аргонианина, без труда раскалывая каменные плиты. Светло-Глаз приблизился к стволу и приложил ладонь с перепончатыми пальцами к грубой коре. Чувства обострились. Мир заиграл яркими красками…

Исчезли старые, полуразрушенные имперские склады. Вместо них в небо врезались верхушки грандиозных зиккуратов, возвышались огромные статуи, свидетельства великой славы и древнего безумия. Он чувствовал дрожь земли, обонял анис и корицу, слышал пение на старинных наречиях. Его сердце тревожно забилось при виде двух лун, что поднимались из клубов дыма и тумана, стелющихся по земле, заполняющих улицы и языками стекающих на гладь бухты.

Его разум растворялся во всеобщем разуме.

Светло-Глаз не знал, сколько простоял вот так, прежде чем пришел в сознание, но его ладонь по-прежнему касалась ствола городского дерева. Он шагнул назад, а потом, несколько раз глубоко вдохнув, повернулся и побрел прочь — понурившись, не обращая внимания на остатки строений вокруг. Видения неохотно таяли и отступали, уходили далеко-далеко. Аргонианин чувствовал, что он теперь вне Лилмота, где появился на свет и прожил всю жизнь.

Не понимая еще разумом, он знал на уровне ощущений, что отторгнут «Ан-Зайлиль», что дерево отрезало его от видений, лишило доступа ко всеобщему сознанию его народа. Это внушало

беспокойство.

Чайки копошились, словно крысы, на улицах города и вдоль береговой линии. От жадности птицы отупели настолько, что утратили чувство самосохранения и даже не пытались взлететь из-под ног. Они с криками расклевывали дохлую рыбу, крабов, тающих под лучами солнца медуз и гниющие водоросли. Ракушки облепили основание домов. Эта часть города заливалась в прилив так, что море плескалось на улицах, захлестывая нижние этажи.

Доки лениво покачивались на волнах, привязанные к длинному каменному причалу, который пришлось в прошлом году наращивать новым слоем известняка, поскольку старая постройка просела и погрузилась в землю.

С тех пор как «Ан-Зайлиль» запретила иноземным купцам торговать в черте города, здесь, на причалах, возник стихийный рынок, шумный и суетливый. Торговцы горланили у корзин, заполненных рыбой с серебряной чешуей. Под длинной линией навесов, украшенных вывесками коловианских торговцев, продавались безделушки и амулеты, кухонные горшки, ножи и ложки, бутыли с вином и отрезы ткани. Светло-Глаз пару лет назад тоже работал здесь, помогая кузенам по материнской линии продавать тейлул — крепкое вино, сделанное из перегнанной патоки сахарного тростника. На самом деле они начали с торговли тростником, но, так как жили в двадцати милях от города, вскоре поняли, что везти несколько ящиков вина проще, чем плоскодонки, груженные тростником. И гораздо выгоднее.

Молодой аргонианин знал, где разыскать Урувена — на правой стороне причала, поодаль от толпы.

Вопреки обыкновению, пси-маг не вопил, а тихонько сидел, поглядывая поверх людских голов на цветастые паруса спешащих на юг судов, которые столпились у входа в бухту. Его светлая, не знающая загара кожа казалась еще бледнее, чем всегда, но цепкие глаза блестели молодым задором. Он сразу заметил приближающегося Светло-Глаза.

— Ты хочешь познать истину?

Аргонианин несколько мгновений помедлил с ответом: общение с деревом занимало слишком много места в его разуме. Но, сделав над собой усилие, он позволил мыслям облекаться в слова.

— Мой кузен говорил, что видел в открытом море нечто…

— Да! Он приближается! Он почти уже здесь!

— Что приближается?

Старый священник пожал плечами.

— Ты что-нибудь слышал о моем ордене?

— Не слишком много…

— Немудрено, немногие знают о нас. Мы не проповедуем свое учение среди существ, населяющих Тамриэль. Мы только даем советы тем, кто нуждается в них. Мы помогаем.

— Чем помогаете?

— Преображение!

Светло-Глаз непонимающе моргнул.

— Преображение неизбежно! — продолжал вещать Урувен. — Это священное действо! Но оно должно быть управляемым! Я прибыл сюда, чтобы служить проводником преображения. Но «Ан-Зайлиль» и городской совет, называемый здесь, у вас, «Организмом», не желают меня слушать!

— Они слушают городское дерево — Хист.

— Да! Дерево готовит их к изменению, но не тому, которое должно быть, не к истинному преображению! Я говорил им, но меня никто не слушает. Я пытаюсь открыть им истину, но напрасно! Никто не хочет ее знать, но я не отступаю. Каждый день я прихожу сюда и стараюсь убедить…

— Что к нам приближается? — напрямую спросил Светло-Глаз.

— Ты слышал об Артеуме? — пошевелил бровями старик.

— Это остров. Ваш остров, откуда приходят пси-маги.

— Ты знаешь, что однажды он был выброшен из этого мира?

— Нет…

— Так бывает. — Священник покивал, соглашаясь не столько со Светло-Глазом, сколько с самим собой.

— То, что летит к нам, выброшено из нашего мира?

— Нет. — Урувен понизил голос, бросая украдкой взгляды по сторонам. — Нечто было выброшено из чужого мира! И попало в наш!

— Что оно делает?

— Не знаю… Но думаю, явно не добро. Всем нам скоро станет очень плохо…

— Но почему?

— Это слишком сложно, чтобы суметь тебе объяснить. — Старик вздохнул. — Даже если бы ты понял мои слова, то кому это поможет? Знаешь ли ты, что мир Мундуса очень хрупок? Только определенные правила не дают ему разрушиться и обратиться в ничто…

— Ничего не понимаю… — потряс головой аргонианин.

Пси-маг махнул рукой.

— Лодки, которые мы видим в заливе, плывут не сами по себе. У них есть мачты, такелаж, паруса. Парусами управляют люди, которые их поднимают, когда хотят отправиться в путь,

поворачивают реи, когда меняется ветер. А когда надвигается шторм, паруса убирают, потому что буря может изорвать их в мелкие клочья… — Он покачал головой. — Я чувствую, что веревки, которыми управляются паруса нашего мира, дрожат от напряжения. Они натянуты, но ловят не тот ветер, не под тем углом, что надо. И это плохо. Именно так было в дни перед тем, как Драконье Пламя все сожгло…

— Вы говорите об Обливионе? Я думал, это не может повториться. Обливион не может снова вторгнуться в наш мир. Ведь император Мартин….

— Да-да… Врата Обливиона закрыты и запечатаны. Но никакая защита не бывает совершенно надежной — всегда найдется лазейка. Особенно если ее старательно искать.

— Даже если нет дверей?

Урувен покачал головой, но не ответил.

— Так этот город… — продолжал Светло-Глаз. — Он из Обливиона?

Священник затряс головой столь яростно, что аргонианин испугался — как бы не сломалась тощая шея.

— Нет, нет и еще раз нет! Или — да! Я не могу объяснить. Я не могу… Уходи… Уходи же!

Голова молодого ящера и так уже пухла от высокоученой беседы, так что мудрецу не составило труда его отослать.

Светло-Глаз повернулся и, не прощаясь, отправился восвояси. Больше всего ему сейчас хотелось разыскать кузенов и попросить у них бутылку тейлула. Аннаиг могла чуть-чуть подождать.

Глава четвертая

Взгляд единственного глаза Хекуа неторопливо прополз по списку компонентов, принесенному Аннаиг. Ее мохнатая черная бровь выгнулась дугой.

— Надо думать, последняя попытка не удалась?

Аннаиг надула губы и дернула плечом.

— Удалась, но сработало не совсем так, как я хотела.

— У тебя есть способности. — Редгардка покачала головой. — Никакого сомнения. И кое-что ты уже умеешь. Но я никогда не слышала о составе, способном сделать из человека муху. Это невозможно. А список твой похож на случайный набор составляющих, из которых ты надеешься рано или поздно получить желаемое, перетасовывая их по-всякому.

— Я слышала, что Лазарум из Синода нашел способ полететь! — запальчиво возразила девушка.

— Хм… Если бы коллегия Синода собиралась на заседания хотя бы в пределах четырехсот миль отсюда, у тебя была бы надежда добраться до них, а потом, после нескольких лет упорнейшего труда, научиться летать. И хочу заметить, в Синоде, скорее всего, подобрали заклинание, а не снадобье. И если неправильно прочитанное заклинание просто не сработает, то ошибочно составленное зелье может оказаться ядом. Смертельным ядом.

— Да, — кивнула Аннаиг. — Но бояться нечего. Я составляла много разных снадобий, но даже те из них, которые не работали, не могли причинить никакого вреда!

— Мне понадобилась неделя, чтобы вернуть Светло-Глазу его кожу.

— Его кожа никуда не делась! — заметила девушка. — Просто она стала прозрачной. Больно ему не было…

Хекуа презрительно поджала губы.

— С этой молодежью невозможно спорить…

Она еще раз посмотрела в список и принялась выбирать бутылки, коробки и баночки на полках, протянувшихся от пола до потолка.

Аннаиг тем временем бродила вдоль полок, внимательно изучая их содержимое. Она знала, что ей чего-то не хватает, чего-то очень важного. Так бывает в кулинарии: одна какая-то специя придает блюду неповторимый вкус, доводя до совершенства. Но девушка не знала, что же именно ей нужно. И никаких идей…

Кладовая Хекуа размещалась в большом зале, который некогда принадлежал местной Гильдии Волшебников. Трое или

четверо из них все еще пытались ворожить в комнатах на втором этаже, но без особого успеха. Хекуа уважала их труд и былые заслуги, несмотря на то что Гильдия Волшебников прекратила свое существование не только в Лилмоте. «Ан-Зайлиль» не заботилась о них, предпочитая не замечать. И Колледж Ворожбы, и Синод — имперские магические учреждения — отказались замечать существование лилмотской гильдии, которая в итоге осталась брошенной на произвол судьбы.

Девушка открывала пузырьки с дистиллятами, нюхала порошки, но ничто не привлекало ее внимания, пока под руку не подвернулась маленькая круглобокая бутылочка, обернутая в черную бумагу. Прикосновение к ней вызвало легкое покалывание в пальцах, которое распространилось через предплечье до ключицы, а оттуда в гортань.

— Что там? — обернулась Хекуа.

Аннаиг поняла, что ее приглушенный вздох не остался незамеченным, и подняла сосуд.

Старуха подошла поближе и, прищурившись, осмотрела пузырек.

— А, это! — воскликнула она. — Я не уверена, что знаю, откуда это здесь взялось. Оно пылится у меня целую вечность.

— Да? А я раньше не видела ее.

— Наверное, я переставила бутылочку из задних рядов, когда протирала пыль и убирала паутину.

— И ты не знаешь, что это?

— Понятия не имею, — Хекуа пожала плечами. — Один человек приходил сюда много лет назад, вскоре после завершения борьбы с Обливионом. Он был болен, ослабел и нуждался в помощи, но не имел денег даже на самое необходимое. Вот он и оставил мне бутылочку… Он утверждал, что добыл ее в одной из твердынь Обливиона. В те годы мне приносили разные компоненты оттуда. Сердца дейдра, например, или всякие соли, по большей части бесполезные…

— Но он не сказал, что внутри?

Старуха покачала головой.

— Я и не думала, что это чего-то стоит, просто пожалела его.

— И ты никогда не открывала ее?

— Нет, — неохотно ответила Хекуа. — Ты же видишь — обертка цела.

— А мне можно?

— Как хочешь.

Аннаиг подковырнула ногтем большого пальца бумагу и, слегка раскачав, вытащила пробку.

Запах, яркий, как солнечный свет, и холодный, как морской

ветер, вырвался и обрушился на нее с такой силой, что даже в гортани появился привкус эвкалипта и остывшего металла.

— Ух ты… — выдохнула девушка, ошеломленная внезапными ощущениями.

— И что же это? — въедливо поинтересовалась Хекуа. — Ты узнала?

— Нет. Но мне это нужно.

— Аннаиг…

— Я буду осторожна, тетя Хек. Я только хочу выяснить свойства этого снадобья.

— Оно может быть опасным. Незнакомые вещества…

— Я же сказала, что буду осторожна!

Старуха хмыкнула с явным сомнением.

Усадьба, как обычно, пустовала. Аннаиг прошла в маленькую комнату, где хранила алхимическое оборудование, и принялась исследовать содержимое обнаруженной бутылочки. Первая возгонка незнакомого вещества усиливала общее действие любой смеси, куда оно добавлялось, вторая — какое-то одно из свойств состава. Действие третьей и четвертой возгонки выявить не удалось — возможно, для этого требовались более тонкие и тщательные изыскания.

Но она знала, чувствовала спинным мозгом, что права и эта жидкость может быть ей чрезвычайно полезна. Проведя несколько часов около атанора, девушка в конце концов получила вместительную склянку с бледно-янтарной жидкостью, которая очень странно преломляла свет — будто бы лучи проходили через слой толщиной не в несколько дюймов, а в полмили.

— Отлично, — прошептала Аннаиг, осторожно нюхая полученный компонент.

Запах не казался отталкивающим или подозрительным, но о предупреждении Хекуа следовало помнить. Жидкость вполне могла оказаться ядовитой. Но если взять совсем чуть-чуть на кончик языка…

В этот миг на лестнице раздался звук шагов. Девушка напряглась и замерла, прислушиваясь.

— Аннаиг!

Вздох облегчения вырвался из ее груди — это всего лишь отец. Она вспомнила, что он собирался зайти домой, а быстрый взгляд в маленькое окно подтвердил — настало время обеденного перерыва на службе.

— Привет, Тайг! — крикнула она, закупоривая экстракт пробкой и пряча пузырек в карман юбки.

Где же Светло-Глаз? Его нет уже слишком долго, это просто

безобразие.

Девушка подошла к кипарисовому комоду и, вытащив небольшой сверток из гекконовой кожи, осторожно раскрыла его. Внутри обнаружились две маленькие вещицы: медальон на цепочке и искусно выкованная из латуни птичка. На тонких, словно бумага, крыльях и хвосте выделялось каждое перышко, а вместо глаз поблескивали два граната в окантовке из красной меди.

— Эй, Щебетун… — прошептала Аннаиг.

Ее пальцы коснулись птички — и та вздрогнула, пошевелив металлическими крыльями.

Девушка помедлила, взвешивая «за» и «против». Щебетун — единственная ценность, оставшаяся после смерти матери. Все остальное либо пришлось продать, либо стащили нерадивые слуги. Боясь потерять Щебетуна, Аннаиг не слишком часто прибегала к его помощи. Но Светло-Глаз как сквозь землю провалился: этого времени ему хватило бы, чтобы два раза сходить в порт и обратно. Конечно, аргонианин мог повстречать своих кузенов и засидеться за выпивкой в честь столь радостного события, но девушка очень хотела знать, что же сказал пси-маг.

— Отправляйся и разыщи Глаза, — прошептала она птице, вызывая в памяти лицо своего приятеля. — Говори только с ним, слушай только его.

Волшебная игрушка проворковала незатейливую мелодию, взмахнула крыльями и поднялась в воздух. Сделав круг по комнате, она вылетела в открытое окно.

— Аннаиг? — Голос отца раздался совсем близко.

Она вышла в коридор, плотно закрыв за собой дверь.

Тайг стоял на последней ступеньке лестницы. Его лицо раскраснелось то ли от вина, то ли от быстрого подъема, а вероятнее всего, от того и другого вместе.

— Почему ты не позвонил? — спросила девушка. — Я бы спустилась.

— Иногда ты не слышишь колокольчик, — пояснил отец, подвигаясь в сторону. — Прошу, спускайся.

— Что-то срочное?

— Помнишь, мы хотели поговорить?

— О поездке в Лейавин?

— И не только.

От удивления Аннаиг чуть не споткнулась.

— А о чем еще?

— Я был для тебя не слишком заботливым отцом, детка. Не спорь, я это знаю. С тех пор, как умерла твоя мама…

Что-то в голосе родителя задевало ее и причиняло досаду,

как песчинка в туфле.

— Тайг, — девушка ласково улыбнулась, — не надо себя винить. Мне не на что жаловаться.

— Могла бы, если бы захотела… Я это знаю. Конечно, я пытался делать все, что нужно… Старался заработать денег, чтобы мы могли жить, содержать этот дом. — Он вздохнул. — И как выяснилось, все напрасно…

Они миновали один лестничный пролет.

— Напрасно? — переспросила Аннаиг. — Что ты имеешь в виду? Я люблю этот дом.

— Ты думаешь, я ничего о тебе не знаю? А я знаю. Ты тоскуешь здесь, как птица в клетке. Ты мечтаешь уехать в Имперский город, учиться там.

— Но ведь у нас нет денег…

Он кивнул.

— Да. До недавнего времени не было. Но я кое-что продал.

— Как? Что?

— Наш особняк.

— Что?

Девушка застыла на последней ступени. Только сейчас она заметила в прихожей четверых гостей: имперца со сломанным носом, зеленокожего орка, чьи лохматые брови нависали над маленькими глазами, и двух узколицых красавчиков босмеров, по всей видимости близнецов.

Имперца и орка Аннаиг узнала — они служили в Тстачалзан, единственном подразделении стражи, в которое принимали не только аргониан. Их еще называли «Холодные убийцы».

— Что происходит, Тайг? — прошептала она.

Отец мягко положил ладонь ей на плечо.

— Мне очень жаль, что все так быстро заканчивается, — пробормотал он. — Мне очень жаль, что я не могу поехать с тобой. Но… Так будет лучше для всех нас. Твоей тете я скажу, что ты отправилась в Имперский город. У нее есть там друзья…

— Что происходит, Тайг? — повторила девушка. — Ты что-то слышал?

— Не имеет значения, — вздохнул он. — Тебе лучше не знать.

Аннаиг сбросила его руку с плеча.

— Я не поеду в Лейавин! Я не поеду туда без объяснений! Без тебя и без Светло-Глаза!

— Глаз… — Отец вздохнул. На миг его лицо показалось девушке совершенно чужим, незнакомым. — Не волнуйся о Глазе. Ему там делать нечего…

— Что ты имеешь в виду? — воскликнула она, ощущая панику, нахлынувшую подобно липкой холодной волне. —

Отвечай же!

Тайг молчал, понурившись. Аннаиг шагнула к выходу, но орк заступил ей путь.

— Только, пожалуйста, не причините ей боли… — едва слышно проговорил отец.

Девушка круто развернулась и кинулась бегом в сторону кухни, надеясь выскочить из особняка через черный ход, чтобы попробовать сквозь заброшенный сад попасть на улицу. Но не успела она добежать до середины прихожей, как сильные пальцы вцепились ей в плечо.

— Я обещал твоему отцу, — прорычал орк. — А значит, ты пойдешь за мной, девчонка!

Отчаянно дернувшись, Аннаиг попыталась вырваться, но остальные уже окружили их.

Тайг подошел и поцеловал дочку в лоб. От него разило черным рисовым вином.

— Я люблю тебя, детка. Помни об этом. Пройдут годы, и ты поймешь, что я не мог поступить иначе.

Слегка покачиваясь, Светло-Глаз шагал от пристани в старый имперский квартал. Полбутылки тейлула приятно бултыхались в животе. Аргонианин знал, что подруга будет очень недовольна задержкой, но это его мало заботило. Не слишком-то интересно торчать рядом с ней день и ночь, наблюдая за изготовлением вонючих составов и снадобий. В последнее время он редко виделся с сородичами, а теперь, поболтав о том о сем за бутылкой вина, вдруг выяснил, что не он один отрезан от сознания городского дерева. Только «Ан-Зайлиль» и полудикие аргониане с болот могли в полной мере наслаждаться общением с Хист.

Это внушало подозрения — таких совпадений не бывает, и тем более нельзя проявлять беспечность в нынешние трудные времена. И уж если городское дерево начало вести себя странно как раз тогда, когда к Лилмоту приближается летающий остров, это настораживает вдвойне. Хоть на первый взгляд какая тут может быть связь?

Может быть, отец Аннаиг прав? Ведь он работал на «Ан-Зайлиль». Тогда стоит прислушаться к его совету и убраться куда подальше от Лилмота и дерева-обманщика.

Да, но это поможет, только если лжецом стало всего одно дерево. А если в заговор вовлечены все Хист? Тогда придется убраться куда подальше из Чернотопья.

Легкий дождик моросил, оставляя пузырьки на жидкой грязи, заливавшей улицы города. Светло-Глаз шагнул под

выщербленную полуразвалившуюся арку из белого известняка, за которой начинался имперский квартал. Боковым зрением он заметил трепещущие крылья слева от себя и тут же вспомнил древние ужасы. Но, обернувшись, понял, что волновался напрасно. Это не нетопырь-вампир и не мотылек-кровосос, а всего-навсего Щебетун, металлическая птичка Аннаиг, которой, как ему было известно, девушка очень дорожила.

«А ведь она в самом деле разозлилась, раз даже решилась отправить Щебетуна», — подумал Светло-Глаз.

Он смахнул капли воды с лица и щелчком ногтя открыл маленькую дверку на боку птицы, за которой скрывалось зеркальце. Вопреки ожиданию, разгневанного лица подруги ящер не увидел: поверхность зеркала оставалась темной, а это значило, что медальон Аннаиг закрыт.

Зато он уловил слабые звуки, доносящиеся из металлического брюшка. Поднеся птицу ближе к уху, аргонианин услышал прерывистое хриплое дыхание и отдаленные голоса двоих мужчин — настолько тихие, что разобрать слов он не сумел.

И вдруг пронзительно вскрикнула женщина.

Этот голос Светло-Глаз знал, как свой собственный. Кричала Аннаиг.

— Сюда, девчонка! — грубо прорычал мужчина.

— Просто передайте отцу, что повезли меня на корабле! — выкрикнула Аннаиг. — Думаю, ему не все равно!

— Ему, может быть, и не все равно! — ответил грубый голос. — Но его здесь нет! Быстро в лодку, девчонка!

В ответ Аннаиг немедленно разразилась витиеватыми ругательствами, половину которых наверняка придумала на ходу, поскольку Светло-Глаз никогда не слышал от нее ничего подобного. А уж он-то был уверен, что полностью постиг весь ее богатый лексикон. Похоже, напрасно.

С глухим рыком аргонианин повернулся в сторону доков. Выходит, отец его подруги и правда знал что-то особенное, раз устроил похищение собственной дочери, только бы убрать ее подальше из города. Значит, дела обстоят еще хуже, чем кажется на первый взгляд.

Светло-Глаз побежал обратно к морю.

Глава пятая

Аннаиг тешила себя надеждой, что сможет вырваться на свободу, когда окажется на корабле, но головорезы, нанятые ее отцом, — а главное, его деньги — быстро привлекли капитана на свою сторону. Этот аргонианин, настолько старый, что края его чешуек стали прозрачными, приказал доставить девушку и ее вещи в тесную каюту, по размерам не больше уборной, и запер дверь снаружи. При этом он пообещал, что позволит ей свободно перемещаться по судну лишь тогда, когда между кормой и берегом окажется несколько лиг.

Конечно, пленница настойчиво продолжала искать выход. От попытки пролезть в маленькое окошко она отказалась сразу — для этого ей сначала пришлось бы обернуться хорьком или кошкой. Крики тоже принесли мало пользы — на причале царили суета, шум и гам, кто бы обратил внимание на ее приглушенные толстыми переборками призывы? Простукивание стен не дало результата — если там имелись потайные проходы, то спрятанные достаточно надежно, чтобы случайный человек сумел их обнаружить.

Аннаиг еще продолжала напрасные поиски, но из глаз ее хлынули горькие слезы гнева, страха и беспомощности. В глубине сознания билась навязчивая мысль: отец никогда не поступил бы с ней так, если бы не смертельная опасность… Но почему же сам он решил остаться и умереть? И почему сделал выбор, не спрося ее?

На этом громкие рыдания Аннаиг утихли и перешли в более достойные, можно сказать, благовоспитанные всхлипывания. И тут ей показалось, что кто-то окликает ее по имени. Девушка глянула на окно, потом на дверь… Нет, не оттуда. Да и звук тихий-тихий, почти неслышный.

Когда она сообразила, в чем дело, ей захотелось в полный голос обозвать себя дурой! Ну как же можно забыть?!

Аннаиг сняла медальон и раскрыла его. В маленьком зеркальце появилось лицо Светло-Глаза — рот аргонианина был приоткрыт, показывая зубы, что выдавало волнение.

— Глаз… — прошептала она.

— Где ты? — спросил ящер.

— На корабле.

— Как он называется?

— «Тсонашап», по-нашему — «Плывущая лягушка».

Изображение аргонианина повернуло голову.

— Ага! Я его вижу. Он снимается с якоря.

— Я в маленькой каюте на корме. Тут короткий коридор… — Девушка замолчала и прикусила губу. — Глаз, не пытайся сюда попасть. Я думаю… Думаю, наш город ожидает нечто ужасное. Поэтому постарайся как можно скорее убраться подальше из Лилмота. Но не пробуй меня вытаскивать — тебя поймают. Уходи! Уходи из города. И чем дальше, тем лучше! Прямо сейчас!

Светло-Глаз моргнул.

— Прямо сейчас я собираюсь закрыть твою птичку и спрятать ее подальше.

— Глаз!.. — воскликнула она, но изображение уже исчезло.

Вздохнув, Аннаиг закрыла медальон. Она чувствовала себя усталой, разбитой и к тому же очень хотела есть.

Неужели Светло-Глаз попытается ее освободить?

Поначалу она ждала с тревогой, готовясь при первых признаках приближения друга вскочить и перейти к решительным действиям. Но потом услышала, как судно вздрогнуло всем крепким деревянным телом и, медленно покачиваясь на волнах, двинулось в путь. Выглянув в окошко, девушка увидела удаляющиеся огни причала.

— Зут! Вазути! Каос! — в отчаянии выругалась она.

Но фонари, безучастные и равнодушные, продолжали тускнеть и уменьшаться, теряясь в сумраке.

Аннаиг открыла медальон, но он оставался пустым — ни изображения, ни звука.

Послушал ли Светло-Глаз ее совета или полез напролом? Может, он схвачен, ранен, убит? Перед ее внутренним взором пронеслись сменяющие друг друга картины: Глаз со связанными руками, Глаз обезглавленный, Глаз с грузом на ногах, сброшенный за борт…

Неудивительно, что ее сердце замерло, когда по ту сторону дверей послышались шаги и шорох. Аннаиг напряглась, сжимая кулаки, не зная, чего и ожидать.

Дверь приоткрылась, и в тесную каморку заглянула чешуйчатая морда с выпуклыми змеиными буркалами, спрятавшимися в глубоких глазницах.

— Капитан? — произнесла девушка самым холодным тоном, на какой только была способна.

— Мы вышли в открытое море, — проскрипел тот — Не будь дурочкой, не вздумай добраться до берега вплавь. Поблизости кружат морские дракончики, так что я не советую испытывать судьбу.

Аргонианин мельком глянул на ее сжатые кулаки и напоказ пошевелил длиннющими когтями.

— Даже не думай. Я обещал доставить тебя к месту

назначения в целости и сохранности, но есть один морской закон: нельзя нападать на капитана на борту его собственного корабля. Наказание может тебе не понравиться.

— О каком законе ты говоришь?! — возмущенно выкрикнула девушка. — Похищение само по себе противозаконно!

— Тебя никто не похищал. Ты здесь по воле твоего отца. Совершеннолетия ты еще не достигла, значит, он имеет полное право распоряжаться тобой. По крайней мере, может приказать покинуть город. Так что лучше всего для тебя — молча повиноваться и не показывать норов.

О Светло-Глазе капитан ничего не сказал, а спросить она побоялась.

Медленно разжав кулаки, Аннаиг посмотрела ящеру в глаза.

— Я подчиняюсь. Надеюсь, я могу свободно ходить по кораблю?

— В пределах разумного.

С ледяным лицом она протиснулась в дверь мимо опешившего от такой наглости ящера, поднялась по ступенькам и вышла на палубу.

Над головой белой громадой вздымались паруса, наполненные свежим ветром, что набегал с берега. Корабль мчался, оставляя за кормой длинные «усы», а в небе серебром и бронзой сияли две огромные луны. На миг все тревоги и горести отступили перед открывшейся красотой. Не об этом ли она мечтала? Стремительно плыть через море в Империю, к новым приключениям и впечатлениям. Последний подарок ей от отца — и, пожалуй, единственный.

Подойдя к борту, Аннаиг оперлась руками о релинг. Водная гладь завораживала мерцанием лунных бликов. Покидая бухту Лилмота, корабль шел на юг; потом ему предстоит повернуть на запад и вдоль мангрового побережья Чернотопья добраться до моря Топал, а уж дальше следовать на север.

Конечно, она могла прыгнуть за борт и, если удастся избежать зубов морских дракончиков, попробовать достичь берега вплавь. Но во-первых, это почти непосильная задача, а во-вторых, к тому времени, как она доберется до Лилмота, будет уже поздно. Летающий город, по всей видимости, прибудет завтра утром, на рассвете.

И все-таки…

— Задержи дыхание… — прошептал чей-то голос позади, а потом сильные руки обхватили Аннаиг, и она плюхнулась в неожиданно холодную воду.

Девушка забилась, как рыба, заранее ощущая приступ удушья, и отчаянно вцепилась в похитителя, пытаясь

оттолкнуться от его головы и вынырнуть. Но ладонь незнакомца зажимала ей нос и рот, спасая от неосторожного вдоха под водой, а кроме того, не позволяя закричать. Она почувствовала, что ее куда-то волокут. Одежда промокла и облепила тело, сковывая движения. Аннаиг понимала, что дышать нельзя, но легкие начинали гореть огнем. Казалось, за глоток воздуха она готова отдать полжизни.

Наконец похититель сжалился и вытолкнул голову девушки на поверхность. Никогда раньше она не дышала с такой жадностью.

— Тише. Не дергайся. Мы отплыли достаточно далеко, но луны светят ярко, и нас еще можно разглядеть…

— Глаз?

— Да, это я.

— Ты пытаешься меня спасти или хочешь убить?

— Я еще не решил, — ухмыльнулся аргонианин.

— Капитан говорил о морских дракончиках.

— Может, и не врал. Спасибо, что предупредила… Слушай меня внимательно и постарайся делать, как я скажу. Прежде всего хватайся за мои плечи. Держись крепко, но ты должна расслабиться, обмякнуть и не мешать. Не дрыгай ногами, не дави на шею, позволь мне грести за двоих. Постарайся подольше задерживать дыхание. Я буду плыть не слишком глубоко, чтобы ты могла время от времени делать вдох, когда станет совсем невмоготу. Хорошо?

— Хорошо.

— Тогда — вперед!

Светло-Глаз поплыл. Вначале он двигался не слишком быстро, приноравливаясь к тяжести повисшего на нем человека, но после нескольких гребков понесся стремительно и мощно. Аннаиг знала, что и на суше ее друг очень силен, но в воде он казался могучим, как крокодил или дельфин. Первое время она побаивалась непривычной стихии, но когда приноровилась погружаться и выныривать одновременно с ящером, начала даже получать удовольствие. Раньше море всегда казалось ей недружелюбным и она не считала себя хорошей пловчихой, но сейчас почувствовала единение с ним.

Но, как всегда и бывает, избавившись от страха, она потеряла осторожность и едва не соскользнула со спины Светло-Глаза, когда тот вдруг дернулся и поплыл еще быстрее. Зацепившись из последних сил, Аннаиг изрядно хлебнула воды.

Теперь аргонианин мчался так, что море вокруг кипело. Вспенивал волну хвост, размашисто загребали руки и ноги. Они так быстро погружались и выныривали, что девушка не всякий

раз успевала вдохнуть.

В лунном свете она краем глаза заметила огромную черную тушу, которая бесшумно пронеслась мимо них, — что-то вроде огромного крокодила, но с ластами вместо лап.

Морской дракончик? Да это же целый дракон!

Глаз нырнул глубже. Ее легкие сжало железным обручем, в ушах зазвонили колокола.

И вот внезапно спасительный глоток воздуха.

Снова погружение.

Призрачный свет лун, прорывающийся сквозь мутноватую толщу воды.

Острая боль обожгла ногу.

Светло-Глаз сделал новый отчаянный рывок. Что-то сильно ударило Аннаиг по руке. Она закричала, пуская пузыри, поскольку поняла, что пальцы вот-вот разожмутся.

Неожиданно все закончилось. Аргонианин, схватив девушку под мышки, вытащил ее из воды и усадил на чем-то твердом и шершавом. Так она и сидела, задыхаясь и не понимая, что же течет по щекам: слезы или морская вода.

— Ты в порядке? — спросил Глаз.

Аннаиг ощупала ногу и наткнулась на что-то липкое и теплое.

— По-моему, оно меня укусило…

— Нет. — Светло-Глаз присел на корточки, чтобы оглядеть рану. — Если бы морской дракончик тебя укусил, то ноги, пожалуй, не было бы. А это ты просто оцарапалась о риф.

— Риф?

Девушка протерла глаза и осмотрелась. Они сидели на суше — из воды торчал крошечный островок высотой разве что в несколько дюймов. Скорее всего, он появляется только во время отлива, а в прилив здесь гуляют волны.

— Похоже, капитан не шутил насчет морских дракончиков, — сказал аргонианин. — Но ничего… Сюда чудище за нами не полезет — оно слишком большое, застрянет на камнях.

— Мне тоже так кажется.

— Вот и хорошо. Значит, нам нужно волноваться только об акулах.

— Акулы? Просто замечательно! — язвительно воскликнула Аннаиг. — Как кстати у меня течет кровь!

— Ха! По крайней мере, следующая половина мили не покажется нам скучной!

Несмотря на опасения, до берега они добрались без приключений. Если акулы и кружили поблизости, то вкус бретонской крови их не привлек.

Заросли мангровых деревьев встретили их, словно тысяча гигантских пауков, сгрудившихся вдоль кромки моря и сцепившихся многочисленными лапами. Аннаиг любовалась лесом, пока не вспомнила старинное аргонианское предание, что мангровые деревья и были когда-то пауками, но в незапамятные времена прогневали Хист и их превратили в растения.

Светло-Глаз уверенно прокладывал путь через спутанные воздушные корни, и в конце концов они выбрались на старую заброшенную дорогу.

— Как ты думаешь, мы далеко от Лилмота? — спросила девушка.

— Миль десять, как мне кажется. Но я не уверен, что нам туда нужно.

— Там мой отец! И твоя семья тоже!

— Вряд ли мы что-то сможем сделать для них.

— Почему? Скажи мне, что ты знаешь?

— Мне кажется, городское дерево морочит нам головы. Так уже бывало в древние времена. Многие говорят, что оно выросло из маленького кусочка корня, оставшегося после гибели старого дерева более чем триста лет тому назад…

— Морочит головы? Как?

— Оно не разговаривает с нами больше. Только с «Ан-Зайлиль» и дикими. Но я думаю, оно что-то узнало о летающем острове.

— В твоих словах нет никакого смысла…

— Мы ведь не знаем всего до конца.

— И поэтому ты считаешь, что мы должны уйти из города?

Светло-Глаз дернулся, в который раз безуспешно пытаясь изобразить человеческое пожатие плеч.

— Ты же знаешь, я не могу, — вздохнула Аннаиг.

— Я знаю, что ты хочешь быть героем, как те люди, о которых постоянно читаешь в книгах. Как Аттребус Мид и Мартин Септим. Но подумай хорошенько: у нас нет оружия, а если бы и было, мы не умеем сражаться. Что мы можем сделать?

— Хотя бы предупредить горожан.

— Как? Если предположения верны, то летающий город окажется над Лилмотом гораздо раньше, чем мы туда доберемся.

Девушка понурилась и кивнула.

— Да. Ты прав.

Но тут она вспомнила осунувшееся лицо отца и встрепенулась.

— Но мы же не знаем, что произойдет! Может быть, мы попытаемся помочь людям?!

— Но как? — развел руками аргонианин.

— Погоди-ка… — задумалась она. — Остров летит с юга, так ведь?

— Ну, насколько я знаю…

— Нам нужно разыскать высокое дерево или скалу. Чтобы можно было его увидеть.

— А мне кажется, это неблагоразумно.

Аннаиг пристально посмотрела на друга. Он вздохнул.

— Я только что спас тебя, но, похоже, напрасно — ты все-таки решила умереть.

— Тебе виднее… Так мы найдем, откуда посмотреть?

— Найдем. Думаю, я знаю такое место.

Светло-Глаз привел девушку к скале, торчавшей посреди джунглей. Она поднималась футов на сто над самым высоким деревом и на первый взгляд казалась неприступной. Но аргонианин уверенно отыскал вход в пещеру, промытую дождями в мягком известняке, и перед ними открылся проход вверх. Кое-где, на самых трудных участках, виднелись ступени, вырубленные в камне. Поднимаясь, Аннаиг смотрела на стены, украшенные затейливой резьбой, сейчас из-за непогоды и времени почти сгладившейся. Здесь были гирлянды диковинных цветов, клубки змей, фигурки, напоминающие одновременно деревья и людей-ящеров.

— Клянусь чем у годно, ты бывал здесь раньше! — воскликнула девушка.

— Да, — кивнул Светло-Глаз, но больше не проронил ни слова, несмотря на упорные попытки Аннаиг разговорить приятеля.

Когда они миновали последнюю ступеньку, на востоке небо изменило цвет: первые лучи встающего солнца окрасили его розовым. Плоская вершина скалы заросла мхом и низкими разлапистыми папоротниками. Здесь было так красиво и безмятежно, что поневоле возникало ощущение иного мира, далекого и невероятного. Опасности, волнения и беды остались где-то далеко, как дурной сон.

— Зут! — выдохнул аргонианин, глядя в сторону залива.

Там парил в воздухе остров, ярко освещенный выглянувшим из-за горизонта солнцем.

На первый взгляд летающий город напоминал огромную медузу, из темного округлого тела которой высовывались сотни тонких пылающих щупалец. Но, представив себе размер этой оторванной от основания, перевернутой горы, Аннаиг содрогнулась от ужаса.

Ее глазам предстал опрокинутый конус, но не ровный, что

выдавало бы его рукотворное происхождение, а весь испещренный трещинами, грязно-белыми потеками ледников, острыми, торчащими в беспорядке скалами. Складывалось впечатление, что верхушку горы отломали и пустили в воздушное путешествие совсем недавно. Сверху остров выглядел таким же ровным, как и та скала, на которую они только что взобрались. Но на нем виднелись башни, вереницы арок… И еще какое-то странное, непонятное сооружение, свисающее с края площадки. Больше всего оно было похоже на поверхность озера, вздыбленную смерчем необычайной силы и навечно застывшую в таком положении.

Летающий город плыл с юго-запада, приближаясь к побережью быстро и неотвратимо.

Девушка смотрела на него, застыв в недоумении. Что же это? Из каких бездн явилось, чтобы разрушить привычный уклад жизни?

Вскоре ее внимание привлекло едва слышное, но настойчивое жужжание — будто пчелиный рой гудел в отдалении. Аннаиг порылась в кармане платья и вытащила пузырек, круглый бок которого украшала бумажка с нарисованным ухом, после чего откупорила и сделала глоток.

Гул мгновенно усилился, распадаясь на отдельные голоса: невнятные, бессвязные крики, душераздирающие вопли ужаса, слова и фразы, вероятно осмысленные, но произносимые на неизвестных в этой части Тамриэля наречиях. Ледяной озноб пробежал между лопаток девушки.

— Что…

Казалось, голоса доносятся из зарослей у подножия утеса, и Аннаиг, напрягая зрение, принялась всматриваться. Но утренний туман, стелющийся поверх густого сплетения ветвей, не позволял ничего разобрать. Тогда она подняла взгляд к острову и тонким нитям, которые шевелились по его краям, словно паучья сеть, сплетенная из молний. Некоторые из них сверкали ярче, другие казались более тусклыми. И они не просто шевелились! Они двигались целенаправленно и почти осознанно. Высовывались из «подбрюшья» острова, проникали в мангровые заросли, а потом, меняя цвет на белый, втягивались обратно. Одни туда, другие сюда — танец светящихся нитей производил впечатление живой подвижной сети.

А в переплетении нитей мелькали темные крылатые силуэты. Все это было похоже на рой пчел или шершней, только огромных — если принять во внимание разделяющее город и побережье расстояние. Они выныривали из трещин и расщелин в скалах и устремлялись к земле, но на некотором невидимом рубеже над

верхушками деревьев внезапно превращались в клубы черного дыма, а потом втягивались в лес. Обратно они, в отличие от нитей, не возвращались.

— Глаз… — еле слышно прошептала девушка.

Аргонианин не ответил. Обернувшись, она увидела, что ящер вернулся на ступеньки и уже спустился в проход так, что над поверхностью скалы торчали лишь голова и плечи.

— Глаз, я передумала. — Аннаиг старалась говорить потише, но достаточно громко, чтобы приятель ее услышал. — Мы подождем, пока остров подлетит поближе. А потом…

Голова Светло-Глаза скрылась в дыре.

Охваченная испугом девушка кинулась следом. Догнать аргонианина не составило труда — он шагал не спеша, бессмысленно глядя перед собой.

— Глаз, что с тобой?!

— Вернуться, чтобы начаться вновь, — пробормотал он невнятно. Ну, по крайней мере, Аннаиг так его поняла — говорил аргонианин на наречии джель, языке очень неоднозначном и трудном для понимания теми, кто не мог назвать себя коренным уроженцем Чернотопья. Возможно, Светло-Глаз имел в виду: «Вернуться, чтобы родиться вновь»? А можно предположить и десяток других, не менее бессмысленных толкований…

— Происходит что-то неправильное! — воскликнула девушка. — Но что?

— Назад… — безучастно бубнил ящер, не останавливаясь, но и не прибавляя хода.

Ступенек десять Аннаиг просто шла рядом с ним, лихорадочно размышляя: как быть? Крики и вой все усиливались, эхом отражаясь от стен каменного хода. Теперь они доносились из чащобы, окружавшей известняковую скалу.

Неважно, кто издает эти звуки. Значение имеет лишь одно — они уже рядом…

Девушка рывком развернула Светло-Глаза лицом к себе и пощекотала ящера под нижней челюстью. Этот прием всегда удавался ей в детстве, не подвел и сейчас. Рот аргонианина раскрылся в широком зевке, и в тот же миг там оказались полпузырька «полетного» снадобья. Светло-Глаз закашлялся и сглотнул. Аннаиг выпила свою половину. Холодный стальной прут пронзил пищевод и растекся в желудке. Из горла вырвался сухой, болезненный кашель. Мир стремительно завертелся, размазываясь в длинные цветные тени.

Нет, не мир! Это она кружилась в воздухе, в десяти или двадцати футах над вершиной утеса. Аргонианин, безумно вращая глазами, бултыхался рядом. Девушка едва успела

схватить друга за руку, пока воздушные потоки не растащили их в разные стороны.

Это позволило им поддержать равновесие в полете и осмотреться по сторонам. И в то же мгновение Аннаиг осознала, что ее с непреодолимой силой влечет к летучему острову.

— Поворачиваем! Поворачиваем! — закричала она, но без толку.

Неровные, потрескавшиеся скалы росли и становились все четче. Девушка отчаянно пыталась вообразить другое место, куда ей хотелось бы попасть, — отцовский дом, Лилмот. Это сработало, они повернули, но совсем чуть-чуть. И тут Светло-Глаз, проворчав что-то под нос, дернулся, стараясь вырваться. Аннаиг почувствовала, что собственные чары ей уже не подвластны. Остров приблизился рывком — непреодолимая сила тянула аргонианина к летающему городу, а девушка не собиралась бросать друга.

Смирившись с неизбежностью, она отыскала взглядом самую глубокую расселину в леднике и сосредоточилась на ней. Ветер засвистел в ушах — их будто бы втягивало мощным воздушным потоком, словно сухой листок. А затем вдруг черные каменные стены сомкнулись вокруг огромным плащом, неровный пол метнулся навстречу.

Действие снадобья закончилось.

Глава шестая

Аннаиг пошевелилась, пытаясь понять — целы ли кости. Ноги и руки дрожали от слабости.

Под ладонями девушка почувствовала шершавый холодный базальт.

Они сидели на дне глубокой трещины, в которую, собственно, и намеревались попасть. Узкая внизу, на высоте нескольких сот футов она расширялась. В отверстии виднелся кусок синего неба, яркий и играющий сочными красками, будто нарисованный на храмовом своде, и пробивались солнечные лучи.

Аргонианин, распростершийся на камнях неподалеку, слабо пошевелился.

— Глаз… — прошептала девушка, и ее негромкий окрик немедленно подхватило эхо, понесло в каменной теснине, отражая от стен.

— А? — Ящер повернул голову. Взгляд его наконец приобрел осмысленное выражение.

— Ты ничего не сломал?

— Не думаю. — Он неторопливо сел, ощупал себя, потом покачал головой. — А где это мы?

— На летающем острове.

— Как?!

— Ты что, ничего не помнишь?

— Нет… Я… Я помню, как мы забрались на скалу, а что было потом… — Его зрачки расширялись и сжимались, словно он пытался на чем-то сосредоточиться, но ничего не выходило. — Хист… Дерево, — наконец пробормотал аргонианин. — Оно говорило со мной, завладело моим сознанием… Я не мог ни о чем думать, кроме него.

— Да уж… — усмехнулась она. — Видел бы ты себя со стороны.

— Никогда не ощущал ничего подобного, — смущенно оправдывался Светло-Глаз. — Мне казалось, что я не один. Нас объединяло общее желание и вело…

— Куда вело?

— Куда-то…

— Может быть, сюда?

— Не знаю.

— Ну ладно. Теперь мы здесь. И что тебе говорит дерево?

— Ничего, — пробормотал он недоуменно. — Вообще ничего. Такого я тоже никогда не ощущал. Связь с деревом у нас всегда в голове. Ну, о ней не думаешь обычно, но она есть. Как погода. —

Он задрал голову и посмотрел на небо. — Говорят, что, только уехав очень далеко от Чернотопья, перестаешь слышать Хист. Но сейчас я просто отрезан от них. Нет даже слабого шепота.

— Возможно, причина в летающем острове?

— В острове? — повторил Светло-Глаз с таким видом, будто не понимал, как здесь оказался, а потому не знал, что и сказать.

— Мы взлетели сюда, — пояснила девушка.

— Твое снадобье сработало?

— Да. У меня получилось!

— Поздравляю.

— Было бы с чем… — вздохнула она.

— Но ведь ты сама хотела сюда попасть!

— Я передумала. Там, на скале, ты хотел сбежать к подножию, а я — вернуться в Лилмот. Похоже, поэтому мы и попали сюда — наши желания вступили в противоречие, которое разрешилось именно таким образом.

Внезапно позади них раздалось гудение и треск множества крыльев. Обернувшись, они успели разглядеть несколько темных фигур, летящих в теснине ущелья. Крылья бились в воздухе, поднимая ветер. Под толстыми продолговатыми телами висели длинные суставчатые ноги.

Больше всего невиданные летуны напоминали мотыльков, но размером со взрослого человека. Широкие крылья в черных и темно-зеленых разводах казались бархатными, а голова походила на черный блестящий шар с длинной, опасно острой иглой впереди. Шесть согнутых ног возбужденно подрагивали.

Когда стайка летучих существ поравнялась с Аннаиг и Светло-Глазом, одно из них отделилось от остальных и подлетело поближе, будто бы внимательно рассматривая незваных гостей. Хоботок-жало нацелился в лицо девушки, втягивая воздух с низким гудением, подобным мелодии флейты. После летун обнюхал аргонианина.

Аннаиг изо всех сил старалась сдержать охвативший ее страх.

«Мы — ничто, пустое место. Мы не намерены причинить вам зло, — усиленно думала она. — Мы оказались здесь случайно. Мы мирные и безобидные существа…»

Взмахнув крыльями, огромный мотылек отлетел так быстро, что никакая птица за ним не угналась бы. И только сейчас девушка поняла, что все это время простояла, не дыша.

— Разрази меня гром! — прорычал Глаз. — Что это было?

— Понятия не имею, — отвечала она, поднимаясь.

С большим трудом переставляя ноги, Аннаиг поплелась к выходу из трещины, вслед за улетевшими мотыльками. Ящер пошел за ней.

Через несколько шагов они достигли скального выступа около двенадцати футов шириной, торчащего, словно балкон. Дальше базальтовая стена круто уходила вниз, теряясь из виду.

— Мне кажется, мы находимся где-то в нижней трети острова, — проговорила девушка.

Остров плыл над мангровыми зарослями, а над лесом воздух кишел порхающими гигантскими мотыльками, которые кружили в безумном танце. Аннаиг заметила, что на некотором расстоянии от острова летуны постепенно становились полупрозрачными, и поняла: именно их она наблюдала с вершины утеса.

На ее глазах сверкающие нити устремлялись следом за летучими тварями к верхушкам деревьев, замирали на мгновение, а потом бросались вниз, будто хищник, почуявший добычу.

— Что я вижу? — пробормотала она вслух.

— А мне интереснее, чего мы не видим, — отозвался аргонианин. — Что там, под деревьями?

— Боюсь, ты прав.

День вступал в свои права — сияющий, как начищенное серебро. Время от времени недра летающего острова извергали новые и новые стаи летунов. Под пологом леса Аннаиг видела какое-то движение, но плотные кроны не позволяли рассмотреть подробности.

Вскоре — медленно, но неотвратимо — они достигли рисовых полей, раскинувшихся к югу от Лилмота. Мангровые заросли закончились, и перед глазами затаивших дыхание наблюдателей предстала полная картина сражения.

На опушке леса толпились крошечные фигурки, которые Аннаиг вначале приняла за муравьев, потом подумала, что, возможно, это личинки, в которых превращались, достигая земли, летуны. Однако стоило ей напрячь зрение, как она сумела рассмотреть, что на самом деле это аргониане и люди. Да еще рядом ползали выбравшиеся на сушу морские гады — Аннаиг узнала только дреугов, о которых читала в книгах. Иные напоминали огромных, мерзкого вида слизняков со щупальцами и многоногих, покрытых шипами крабов — их названий девушка не знала.

Какая-то их часть неспешно и размеренно двигалась в одном направлении, но находились и такие, кто бесцельно кружил на месте. Куда они стремились? Зачем? Все это оставалось загадкой до тех пор, пока толпа, идущая из леса, не добралась до усадьбы Херегарда — одной из немногих богатых и успешных ферм в округе, которой до сих пор управляли бретоны. Кстати, хозяева готовились обороняться, построив завал из мебели, перевернутых повозок и сломанных изгородей.

К ужасу Аннаиг, люди не успели оказать сопротивление. Волна аргониан и морских чудовищ нахлынула на баррикаду, а с воздуха их поддерживали туманные черно-зеленые мотыльки. Везде, где они пролетали, сверкающие нити падали, ударяя в людские тела, на мгновение присасывались к ним, становясь еще более яркими, а летающая тварь исчезала, разлетаясь туманом.

Беспорядочная толпа прокатилась через усадьбу, оставляя трупы бретонов, и бегом направилась к деревне.

А сразу после этого произошло нечто ужасное и совершенно непредсказуемое. Мертвецы поднялись на ноги и присоединились к нападающим.

Аннаиг скрутил приступ тошноты: она упала на четвереньки, и ее вывернуло наизнанку. Девушка дрожала крупной дрожью и больше не могла заставить себя посмотреть вниз.

— Вот так, — впервые подал голос Светло-Глаз. — Похоже, это именно то, чего хотело добиться дерево.

В голосе друга звучала такая боль, что Аннаиг, несмотря на страх и отвращение, подползла к краю скального выступа и открыла глаза.

Снова первое впечатление подвело ее. Девушка было подумала, что видит армию аргониан, стоящих в тесном строю, плечом к плечу, как в минувшие дни, когда они сокрушили несметные полчища Дагона. И лишь потом сообразила, что же не так.

— Они просто стоят! Они не сражаются! — воскликнула Аннаиг.

— Да, — кивнул Светло-Глаз.

В воздухе кишмя кишели летуны и светящиеся нити.

— Я не понимаю! — закричала девушка. — Почему дерево хочет, чтобы твой народ исчез?!

— Не все, — прошептал ящер. — Только Лукайул. Подчинившиеся. Испорченные. «Ан-Зайлиль» и дикие ушли. Но они вернутся, когда все закончится и последние остатки имперской заразы в Чернотопье будут уничтожены.

— Это безумие… Нужно что-то делать.

— Что? Часа через три в Лилмоте не останется ни единого живого существа. Только мертвецы. Или даже хуже мертвецов…

— Послушай! Мы же здесь, а не там! Мы единственные, кто может попытаться что-то сделать! Нужно хотя бы попробовать!

Тяжело дыша, Светло-Глаз смотрел на резню. Аннаиг даже испугалась, что сейчас он спрыгнет вниз, намереваясь умереть вместе с сородичами. Но все-таки аргонианин взял себя в руки, отступил от края и произнес длинную фразу, состоящую из шипящих и свистящих звуков, а потом повторил сказанное на

общем для Тамриэля наречии:

— Хорошо, давай посмотрим, что мы можем сделать.

Они вернулись в расселину. Отверстия, из которых появлялись летуны, располагались довольно высоко — на вертикальную скалу просто так не заберешься. Но осмотр трещины показал: она уходит глубоко в основание острова, плавно сужаясь. Дневной свет остался позади, напоминая о себе лишь бледным, призрачным сиянием, а вскоре и он проиграл бой кромешной темноте. Аннаиг пожалела, что не озаботилась захватить смесь, позволяющую обрести ночное зрение. Теперь-то, без набора ингредиентов и должного оборудования, зелья не составишь.

Но и несмотря на темноту, продвигаться вперед не составляло труда: достаточно было расставить руки и касаться ладонями стен узкой трещины. К неровному полу они приноровились довольно быстро: споткнулись по паре-тройке раз, а потом научились осторожно ощупывать дорогу ногами.

Аннаиг слышала дыхание Светло-Глаза, но с тех пор, как они покинули скальный выступ, аргонианин не произнес ни слова. Девушка в душе признавала его поведение разумным — она и сама не испытывала ни малейшего желания болтать, боясь привлечь внимание какого-нибудь чудовища или местного жителя.

По ее оценке, они продвинулись на несколько сотен ярдов, когда Аннаиг вновь увидела свет. Вначале она подумала, что это всего-навсего дыра, ведущая на поверхность острова, но вскоре стало ясно — перед ними выход на очередной утес.

На этот раз он выступал не наружу острова, а внутрь, в широкую и высокую пещеру, дна у которой не было и сквозь дыру виднелись развалины Лилмота. Девушка узнала старый имперский квартал, где стоял ее родной дом.

— Тайг… — прошептала она.

— Я надеюсь, он успел уехать, — прошипел в ответ аргонианин. — Твой отец работал на «Ан-Зайлиль». Дерево наверняка предупредило их вовремя.

Аннаиг только головой покачала, неотрывно следя за дождем сверкающих нитей, которые падали вниз сплошной стеной. Сквозь застилающие глаза слезы она проследила, откуда же они выходят, и обнаружила, что паутина выстреливается из каждой трещины в скале, из каждой неровности или выбоины. Камень здесь покрывали округлые коконы, напоминавшие с виду паучьи «яйца», только гораздо больше размером.

— Посмотри, что здесь, — пробормотал Светло-Глаз, о

котором она совсем забыла.

Девушка обернулась. Аргонианин указывал на высеченные в камне ступени.

Конечно, можно было бы вернуться, но совершенно неожиданно сердце Аннаиг наполнилось решимостью. Убегать и даже не попытаться что-либо предпринять? Не лучше ли остаться и узнать, как спасти тех людей, до которых проклятый остров пока еще не добрался? Или вообще прекратить весь этот ужас…

Она решительно направилась к проходу.

Через несколько шагов ступени привели их в другой туннель, слабо освещенный, — он вился внутри скалы, полого поднимаясь. Насколько Аннаиг могла понять, они забрались гораздо выше пещеры, когда проход начал разветвляться. Не имея представления, куда же лучше идти, девушка выбрала поворот влево и через несколько шагов наткнулась на серебристо-белый канат, появляющийся из пола и исчезающий в каменном своде.

— Похоже на те нити… — прошептала она. — Только толще.

— Нет, не толще, — возразил ящер. — Просто их больше.

Приблизившись, Аннаиг поняла, что он имел в виду. Канат состоял из сотен сверкающих нитей, свитых вместе, словно в корабельном швартовочном конце. Девушка протянула руку, чтобы прикоснуться к мерцающей поверхности.

— Не думаю, что это удачная мысль, — остановил ее аргонианин.

— Я знаю. — Она попыталась придать голосу твердость.

И, закрыв глаза, прикоснулась к канату тыльной стороной ладони.

В голове загудело, по всему телу пробежала дрожь. С неожиданной ясностью Аннаиг осознала, что видит больше, чем просто жгут и мрачные стены, высеченные в скале. Ее взор проник сквозь каменную толщу и достиг верхушек мангровых деревьев, где канат расходится на отдельные нити, раскидывая их в разные стороны. Концы «паутинок» уходили в виденные ранее коконы.

— Если мы его перерубим, то кое-чего добьемся, — сказала Аннаиг.

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь «кое-чего»? Что может произойти?

— Они все связаны…

— Ну и что из этого?

— Если мы их перерубим… — Девушка взмахнула рукой.

— Ты думаешь, мы что-то нарушим здесь? И тем самым уничтожим остров?

— А вдруг? Глаз! Мы должны попытаться!

— Рассуждать легко, — вздохнул аргонианин. — А чем мы

будем его рубить?

— У тебя такие когти… Может, попробуешь?

Светло-Глаз прищурился, шагнул вперед и на пробу провел когтями по канату. Вздрогнул, размахнулся получше и вновь ударил — на этот раз с такой силой, что шнур задрожал, издавая низкое, басовитое гудение.

Ни одна нить не лопнула, на канате не осталось ни малейшего следа.

— Будут еще предложения?

— Давай поищем острый обломок камня. — Аннаиг огляделась по сторонам и вдруг напряглась. — Ты слышишь?

— Зут! — кивнул Светло-Глаз.

Где-то в отдалении, приглушенный толщей скал, послышался встревоженный крик. Ему ответили несколько других голосов.

— Нужно поторопиться! — ойкнула девушка и нырнула в ближайшее ответвление туннеля.

Они шли очень быстро, почти бежали, сворачивая в случайно попадавшиеся на пути проходы, но голоса позади становились все громче, и уже не оставалось ни малейшего сомнения — это погоня.

Каждый раз они устремлялись в тот проход, который, казалось бы, должен вести вниз, к основанию скалы, но тем не менее невольно поднимались все выше и выше.

Аннаиг лихорадочно размышляла: что же делать, как выбраться из лабиринта?

И вдруг, словно боги услыхали ее мольбу, туннель внезапно кончился, и они выскочили на узкий скальный выступ посреди обширной пещеры. Девушка резко остановилась, но Светло-Глаз схватил ее за руку, увлекая за собой. Они сорвались с карниза и полетели вниз, скользя по склону. От удивления Аннаиг не могла ни закричать, ни даже попробовать зацепиться за какую-нибудь неровность. Она так бы и свалилась в пропасть, если бы на самом краю аргонианин не толкнул ее в сторону. Упав, девушка ощутила под собой мягкую округлую поверхность.

Они лежали на одном из коконов.

Светло-Глаз, по-прежнему молча и решительно, подтянул Аннаиг ближе к скале, так, что выступ, с которого они спрыгнули, оказался прямо над головой. Там они притаились, стараясь успокоить дыхание.

Наверху раздался голос, говоривший на отдаленно знакомом наречии. Принадлежал он человеку или меру. Ему ответил второй голос, противный и скрипучий. На этот раз Аннаиг сумела разобрать несколько слов. Вне всякого сомнения, говорили на мериш, но весьма искаженном. Девушка закрыла глаза и

прислушалась.

— …они уже мертвецы, я уверен, — словно оправдываясь, произнес первый.

— Мы не можем рисковать! Если другие верхумас их заполучат, нам не сносить головы.

— Разве их еще кто-то ищет?

— Слухи разносятся быстро. Шевелись! Давай посмотрим здесь!

Голоса начали затихать, как если бы неизвестные преследователи удалялись. Когда они окончательно смолкли, Светло-Глаз натужно выдохнул.

— Я надеюсь, ты хоть что-то поняла?

— Помнишь, ты смеялся надо мной, когда я учила старинный эльнофекс?

— Этот мертвый язык? Да? — Его горло раздулось, недвусмысленно показывая неудовольствие. — Они говорили на эльнофексе?

— Не совсем, но похоже. Во всяком случае, достаточно похоже, чтобы я поняла.

— И что?

— Кто-то видел, как мы сюда прилетели. Нас ищут.

— Кто?

— Местные обитатели. Они назвали, но я не поняла слово. Верхумас, кажется. Но я точно знаю, что ищут нас не один и не двое.

— Чудесно! И что будем делать?

Аннаиг задумалась и, к собственному удивлению, поняла, что знает правильный ответ.

Она порылась в карманах и вытащила Щебетуна, которого приятель возвратил ей.

— Лети в Имперский город, — сказала девушка, поражаясь твердости своего голоса. — Найди наследного принца Аттребуса. Говори только с ним, причем без свидетелей. Он поможет нам.

Она представила лицо принца, каким видела на рисунках в книгах, каким воображала его облик, перелистывая страницы.

Щебетун щелкнул, взмахнул крылышками и сорвался в полет. Изящно огибая нити, он исчез в темноте.

— И как, по-твоему, он нам поможет? — едко поинтересовался Светло-Глаз. — Почему Аттребуса должна волновать наша судьба?

— Остров не остановится над Лилмотом, — пояснила Аннаиг. — Он будет лететь через Чернотопье и дальше, через весь Тамриэль. Ты прав, мы не сможем ему воспрепятствовать, ты и я. Скорее всего, мы погибнем или нас возьмут в плен. Но если мы

сумеем продержаться какое-то время, пока Щебетун долетит до Аттребуса…

— И это твой замысел?

— …пока Щебетун долетит до Аттребуса, — продолжила она с нажимом. — Если к этому времени хотя бы один из нас выживет, мы расскажем принцу обо всем. У него есть армия, боевые маги, вся сила Империи. У него нет только знаний о летающем острове.

— У нас их тоже нет. Щебетуну понадобится несколько дней, чтобы добраться до Имперского города и отыскать принца, если он вообще сможет попасть в столицу.

— Тогда мы обязаны продержаться эти несколько дней. Выжить и узнать как можно больше.

— Выжить… Мы даже не знаем, что нам противостоит.

— Так давай узнаем.

— У меня есть идея получше, — сказал Светло-Глаз, показывая на маслянисто поблескивающую черную голову летуна, появившуюся из одного кокона. — Давай усядемся на одну из этих букашек и полетим на землю.

Девушка нахмурилась.

— Они летят слишком быстро. А кроме того, он притащит нас в самую середину толпы восставших мертвецов. Не думаю, что…

Аргонианин посмотрел на нее так, словно бы его подруга окончательно сошла с ума, а потом закатил глаза.

— Ты пошутил? — догадалась Аннаиг.

— Само собой, пошутил.

Нити, которыми кокон прикреплялся к неровностям скалы, позволили им спуститься ниже, до следующего уступа. Там обнаружился вход в другой туннель. Помня о преследователях, они пошли очень осторожно. Как и прежние, коридор вел немного вверх и к наружному краю острова. Проблуждав около часа, они наткнулись на канат, точь-в-точь похожий на виденный ранее.

Вот только человека, облизывающего мерцающие нити, раньше они никогда не видели.

Он так увлекся, что в первые мгновения даже не заметил их.

Это был мужчина, голый до пояса. Грязные просторные штаны удерживались на впалом животе веревкой. Благодаря легкому, худощавому телосложению незнакомец мог сойти как за человека, так и за мера, если не обращать внимания на слишком большие, глубоко посаженные глаза. С головы незнакомца свисали неопрятные, засаленные лохмы темно-песочного цвета.

Аннаиг знаком показала Светло-Глазу, что стоит потихоньку удалиться, но тут оборванец поднял голову и отшатнулся от

каната, воровато стрельнув глазами.

— Госпожа! — воскликнул он на том самом, напоминающем эльнофекс наречии, кланяясь и прижимая кулаки ко лбу. — Госпожа, это не то, что вы подумали!

Девушка открыла рот, но не смогла от изумления вымолвить ни слова.

— Госпожа? — повторил мужчина.

На его лице явственно читался испуг, смешанный с растерянностью. Похоже, сперва он принял ее совсем за другого человека и лишь теперь это понял. А когда появился аргонианин, он и вовсе отшатнулся назад, выпучив глаза.

— А что же это тогда? — спросила Аннаиг, стараясь держаться уверенно и немного нагло. — Если это не то, что я подумала?

— Повелительница… — Человек еще раз поклонился. — Я надеюсь, вы понимаете, что я не хотел ничего нарушать. Нет, в самом деле…

— Ты облизывал канат? Я видела это своими глазами!

— У вас забавный выговор, госпожа, — прищурился грязнуля — И слова незнакомые. Некоторые. Я раньше их не слышал. И ваш спутник…

— Кто ты? — перебила его Аннаиг, чувствуя, что человек о чем-то догадывается.

— Вемреддль, — ответил он. — Вемреддль из слуг Выгребной Ямы, если вам угодно знать, госпожа. — На лице его мелькнуло понимание. — О! Вы, как мне кажется, не здешние! — Он ткнул пальцем в Светло-Глаза. — Я таких, как вы, никогда не видел. Нет! Ничего подобного здесь раньше не было! Я знаю! Вы — те, о которых сегодня все болтают. Вы люди извне. Да?

— Послушай, — быстро заговорила девушка, — мы не причиним тебе вреда…

— Он безоружен, — негромко проговорил аргонианин. — Для меня убить его — раз плюнуть.

— Ты же никогда никого не убивал…

— Ну и что? — Голос Светло-Глаза звучал твердо и решительно. — Если нужно, я убью.

Вемреддль будто бы понял его слова и отшатнулся.

— Я хочу вам помочь! — воскликнул он испуганно.

— Почему?

— Я ненавижу здесь все! Я ненавижу лордов, живущих наверху! А вы… Вы другие. Вы можете изменить наш мир.

— С чего это ты взял?

— О! Вот и видно, что вы тут новички… Что вы знаете о нашем острове? О его жителях, устройстве, богатствах? Ничего…

Они говорят, что вы прилетели к нам без крыльев. Это правда?

— У меня есть кое-какие знания. — Аннаиг улыбнулась уголками губ.

— О да! Ваша скромность… Только самые сильные маги умеют летать. Вам под силу изменить наш мир, госпожа. Вы согласны принять мою помощь?

Девушка покосилась на Светло-Глаза, но он молчал, сохраняя каменное выражение лица.

— Возможно, он именно тот, кто нам нужен, — сказала она.

— Я его не понимаю, — пробормотал ящер. — О чем он говорит?

— Мне кажется, он не слишком доволен жизнью на острове. Может быть, у него есть единомышленники. Тогда мы могли бы связаться с ними, попробовать бороться вместе. Нужно воспользоваться междоусобицей, как это сделал Айренбис в Чейдинхале. Он использовал противоречия между заговорщиками…

— Что еще за Айренбис?

— Айренбис Поющий Клинок.

— Это из книжки, что ли?

— Неважно! У нас появилась надежда, Глаз. Мы можем что-то сделать, чего-то добиться.

— Ну что ж… Раз можем, почему не попытаться, — согласился аргонианин.

Глава седьмая

— Что это? — спросила Аннаиг, зажимая рот и нос ладонью.

От ужасающего зловония ее желудок скрутило узлом, горло сжимали рвотные спазмы.

— Это Выгребная Яма, — пояснил Вемреддль. — Из четырех Выгребных Ям у этой аромат самый богатый.

— Богатый? — Девушка осторожно вдохнула воздух и едва сдержала приступ тошноты. — Я бы не использовала слово «богатый»… А до нее далеко?

— Скоро, очень скоро мы туда доберемся, — ответил Вемреддль и вступился за свое пристанище. — Аромат и вправду богатый — по-другому не скажешь. Принюхайтесь, почувствуйте все тонкости запахов гнили, их глубину и разнообразие. Нет-нет, не надо останавливаться… Когда мы окажемся на месте, вы все поймете. Понимание придет само.

Аннаиг здорово сомневалась в словах провожатого. Исход, при котором она задохнется, так и не добравшись до Выгребной Ямы, представлялся гораздо более вероятным. Казалось, легкие вот-вот не выдержат ужасающего зловония и захлопнутся сами собой. По мере приближения к цели стены туннеля делались все грязнее — вначале их покрывала просто липкая пленочка, а потом они стали блестеть, словно смазанные жиром. Можно было подумать, что пробираешься по кишкам какого-то огромного животного.

— Откуда вы взялись? — спросила Аннаиг, превозмогая отвращение. — Откуда прилетели?

— Кто прилетел? — не понял Вемреддль.

— Вы и ваш остров. Или ваша гора, называй, как хочешь.

— О! Вы имеете в виду Умбриэль, госпожа!

— Умбриэль?

— Да, Умбриэль. Он так называется.

— Ну и откуда он тут взялся?

Вемреддль выглядел озадаченным.

— Прямо здесь? — переспросил он, морща лоб.

— Нет! Я хочу знать, зачем он прилетел в мой мир? Зачем вы нападаете на нас?

— Я не нападаю, госпожа… Я только служу, работаю в Выгребной Яме.

— Это понятно. Но почему Умбриэль нападает? — упорствовала девушка.

— Я… Я не знаю. А это важно?

— Там, внизу, умирают люди. Я хочу знать, из-за чего, по

какой причине?

Он остановился и почесал голову.

— Я попробую рассказать, что знаю… Умбриэль нуждается в душах. Ему нужны души, все новые и новые. Много душ. Тут никакой тайны нет. Но он мог отправиться за ними в разные края. Если вы хотите знать, госпожа, почему Умбриэль прилетел именно сюда, я не знаю. И вряд ли найду, у кого спросить…

— Ты хочешь сказать, что Умбриэль питается душами? — недоверчиво прищурилась Аннаиг.

— У нас тут много голодных ртов. И всех нужно кормить. Как же иначе? — застенчиво потупившись, промямлил Вемреддль.

— Но почему тогда… Почему, если души людей поднимаются сюда, их тела продолжают идти?

— Госпожа, — замялся работник Выгребной Ямы, — я в самом деле должен вам это пояснять?

— Если ты хочешь, чтобы я вам помогала. Как ты считаешь, смогу я что-либо сделать, если ничего не буду знать об Умбриэле?

— О! Конечно-конечно… Слушайте, госпожа. Существа, над которыми пролетает Умбриэль, умирают. Прядильщики высасывают из них души через нити, а затем личинки слетают вниз и поселяются в мертвых телах. Тогда мертвецы встают и отправляются на сбор новых душ. Видите, как все просто?

— Личинки такие круглоголовые, с крыльями?

— Да, госпожа! Оказывается, вы все знаете!

— Я видела только одну из них. Но мне показалось, что она вполне способна убивать самостоятельно.

— В Умбриэле запросто! Но ведь они покидают Умбриэль, когда охотятся за душами! И тогда они начинают терять плоть… Растворяться.

— По-моему, я это видела! — кивнула Аннаиг. — Но почему?

— Что «почему»?

— Почему они становятся прозрачными, теряют плоть?

— Это сложно объяснить, — пожал плечами Вемреддль.

— А все-таки?

— Я не знаю. Никогда не задумывался об этом. Вот если вы упадете в воду, вы намокнете. А если удаляетесь от Умбриэля, то отрываетесь от основ, что ли… Это так потому, что это так.

Аннаиг несколько мгновений осознавала услышанное.

— Ну ладно… А как все начинается? Я имею в виду, если личинки не могут никого убить самостоятельно, если им приходится использовать мертвые тела для убийств, то как они получают самые первые тела?

— Этого я не знаю.

— А куда деваются души?

— Большинство из них отправляют в инжениум, который удерживает Умбриэль в полете. А некоторые идут в вехрумасас.

— Вехрумасас? Я не знаю этого слова. Что оно значит?

— Это место, где готовят пищу. Там печи и все такое…

— Кухни? Вы поедаете души людей?!

— Не все мы. Могу сказать, что я не ем души. Но те, кто живет наверху, в Умбриэле… Ну, в общем, им нравится. У них есть свои предпочтения в пище. Но мы, в Выгребных Ямах, этого не видим.

— И все-таки ты облизывал канат.

Вемреддль густо покраснел.

— Ведь это не преступление — хотеть чего-нибудь вкусненького… Правда, госпожа? Совсем чуть-чуть. Просто полакомиться…

Аннаиг вдруг посетила не совсем приятная мысль.

— Ваши лорды… Они дейдра, как ты думаешь?

— Что такое дейдра?

— Ты никогда не слышал о дейдра? Но разве этот город пришел к нам не из Обливиона?

Оборванец тупо глядел на нее и моргал.

— Существует шестнадцать принцев дейдра, — терпеливо пояснила девушка. — Некоторые из них довольно злы и враждебно настроены к смертным. Скажем, Мехрун Дагон. Он пытался разрушить наш мир много лет назад, еще до моего рождения. Другие, такие как Азура, не столь плохи. Многие из нашего мира им поклоняются. Данмеры, например. Но кроме принцев есть и другие дейдра. Более слабые. Кое-кто в нашем мире может заклинать их и подчинять себе. Тогда дейдра им служат.

— Мы тоже служим своим лордам, — сказал Вемреддль. — Но если бы я был дейдра, то, наверное, знал бы об этом?

— Может быть, а может, и нет. Как зовут вашего самого высокого лорда?

— Умбриэль, само собой.

— Я не знаю ни одного принца дейдра с таким именем, — рассуждая вслух, задумчиво проговорила Аннаиг. — Хотя… У принцев может быть много имен.

Вемреддль, казалось, полностью утратил интерес к беседе, и она оставила его в покое. Девушке хотелось выяснить как можно больше, но она не знала, как правильно ставить вопросы, поэтому предпочла прекратить и немногословно пересказала Светло-Глазу полученные сведения.

— Это ужасно, — закончила она. — Неужели мы ничего не

сможем поделать? Наш мир гибнет ради того, чтобы остров еще какое-то время продержался в воздухе, а мы бессильны что-либо предпринять. Что ты думаешь?

— Я думаю, не все так просто, — отвечал аргонианин. — Многое мне непонятно. Почему городское дерево помогает Умбриэлю? Почему оно пытается спасти только некоторых?

— Мы не знаем всего. Если городское дерево обезумело, возможно, оно только вообразило союз с Умбриэлем.

— Может быть… — Он стиснул зубы. — В чем-то ты права. Я думаю, мы должны остановить поток душ, попадающий в этот их инжениум. Тогда летающий остров станет обычной скалой.

— Ты думаешь, это так просто сделать?

— Скорее всего, это будет очень даже не просто.

Долгое время они шагали молча. Аннаиг обдумывала услышанное и пыталась найти единственный правильный и доступный способ перехитрить владык Умбриэля.

Когда они добрались до Выгребной Ямы, девушка утвердилась в первоначальном впечатлении: более всего это место напоминало вздувшийся, набитый непереваренной пищей живот чудовища.

А запах!

Сказать, что он был отвратительным, это ничего не сказать.

Впору позавидовать Светло-Глазу, который мог по желанию закрывать ноздри и таким образом пробираться через болота, насыщенные самыми ядовитыми испарениями, без всякого вреда для здоровья.

Но здесь воняло гораздо хуже, чем в любом болоте. Аннаиг поймала себя на мысли, что, кажется, поняла, почему Вемреддль считает этот «аромат» богатым: в нем чувствовался не только сладкий и жаркий запах гниения, но и отдающий металлом отчетливый привкус свежей крови. Еще пахло прогорклым маслом, скисшим до состояния уксуса вином и луковым соком.

И еще тысяча разных запахов, которые казались смутно знакомыми, но не поддавались опознанию, врывались в ноздри, щекотали язык и гортань. Они почти ощущались кожей, словно легкий озноб, и стояли цветными пятнами перед закрытыми глазами.

— Вы видите это, госпожа?! — горделиво произнес Вемреддль.

Она глупо кивнула, оглядываясь по сторонам.

Если сравнивать Выгребную Яму с чревом великана, то у него, вне всякого сомнения, имелось несколько пищеводов. В каменном своде насчитывалось пять отверстий, из которых время от времени падали мусор и отвратительного вида отходы.

Кое-где огромная куча шевелилась.

— Что это? — негромко спросила девушка.

— Черви, — пояснил слуга. — Они перерабатывают содержимое Выгребной Ямы, очищают его, прежде чем оно поступит в Клоаку Сущности.

— Куда? Что это за Клоака Сущности такая?

— Это то, куда поступает все, что приходит сюда.

Аннаиг подумала, что у нее еще будет время во всем разобраться, и не стала требовать подробных разъяснений, хотя, сказать по правде, не поняла ровным счетом ничего.

— А там что? — Она указала на дыры в потолке пещеры.

— О! Там кухни, конечно же, что еще? — Вемреддль указал поочередно на каждую из зияющих дыр. — Эджей, Куиджн, Лоденпи и Фексель.

— И что вы тут делаете?

— Живем. Всеми заброшенные и никому не нужные. Нас отправили сюда давным-давно, чтобы обслуживать червей, ухаживать за ними. Но черви, как оказалось, прекрасно умеют сами о себе позаботиться и никакое обслуживание им не нужно.

— Ладно, а где твои товарищи?

— Внутри скалы. Прячутся. Сейчас я их соберу. Но для начала, мне кажется, госпожа, позвольте проводить вас в безопасное место. Уверяю вас, совершенно безопасное.

— Мне тоже так кажется, — согласилась Аннаиг.

Узкий каменный выступ огибал Выгребную Яму, словно ошейник. Только собака слегка из него выросла, а потому то здесь, то там уродливые языки грязи и мусора наползали на осклизлый камень. Слабый рассеянный свет едва позволял разобрать, куда же ставить ногу. Но девушка старалась не слишком-то рассматривать отбросы, опасаясь, что желудок в очередной раз не выдержит.

Наконец они вошли в маленькую пещерку, в дальнем углу которой валялась грубая циновка.

— Ждите здесь, — сказал Вемреддль. — И постарайтесь не шуметь.

С этими словами он ушел.

— Я не могу дышать этим вечно, — прошипел Светло-Глаз.

Их провожатый отсутствовал уже довольно долго. Под каменным сводом, не видя солнца, лун и звезд, трудно было сказать, сколько именно, но Аннаиг предполагала, что не один час по меньшей мере.

— Хорошо, что мы еще дышим, — заметила она.

— Хорошо, — кивнул ящер. — Это пока наше единственное

достижение.

— Глаз… — Она положила руку на плечо друга.

Аргонианин захватил ее запястье зубами.

— Мне нужно что-нибудь съесть.

— Хочешь начать с меня? — Волнение отступило, и она тоже поняла, что очень голодна. — Я могу сходить туда, посмотреть — вдруг найдется что-нибудь пригодное в пищу.

— Нет, это отвратительно, — покачал головой ящер.

— Но там могут быть остатки хорошей еды.

— Что? Здесь? Ты себе представляешь, что с нею делают черви, или как он там называл эту гадость, копошащуюся в яме?

— Ну и что будем делать?

— Я вот тут подумал…

— Мышление — не самая сильная твоя сторона!

— Не спорю. Но мне пришлось, раз больше никто не хочет. Так вот. Он говорил, что над нами четыре кухни. И упоминал, что всего существуют четыре Выгребные Ямы. Ты представляешь, сколько тут мусора, если даже, предположим, выбрасывают отходов не больше, чем с обычных кухонь?

— Много.

— И что из этого следует?

— Что?

— Что здесь, на острове, живет очень много людей, которых нужно кормить.

— Тут я с тобой согласна. Знаешь, по-моему, я видела город на поверхности этого острова.

— Скорее всего, мы сейчас гораздо ниже поверхности и города тоже, — задумчиво проговорил аргонианин. — Тут должны быть тысячи обитателей…

— К чему ты клонишь?

— А вот к чему! Вемреддль, хранитель отбросов, хочет, чтобы мы помогли ему устроить бунт, восстание, если можно так сказать. Против кого? Откуда мы знаем, сколько у них союзников и сколько врагов? Вдруг, там, наверху, есть принцы дейдра? Мы не знаем очень многого. Я не уверен, что нам стоит ввязываться.

— Ты предлагаешь сбежать раньше, чем он вернется?

— Я думаю, нам стоит пойти поискать еды в кухнях. И заодно посмотреть, с чем нам предлагают бороться. Мы ведь всегда можем вернуться к нашему дорогому хранителю отбросов и повелителю мусора.

— А мне кажется, нам стоит дождаться и поговорить по душам. Заодно и узнаем подробности.

— Дождаться кого? Какие подробности?

— Любые. А дождаться нам стоит подполья. Группы

Сопротивления!

— Это все твои книги… — сокрушенно вздохнул Светло-Глаз. — Сопротивление… Ну надо же!

— Посмотри по сторонам, Глаз! Когда люди вынуждены жить в таких условиях, сопротивление неизбежно!

— Очень много людей в Лилмоте жили еще хуже. И никто не помышлял о восстании.

— Хорошо. Скажем так: сопротивление возможно, — возразила она. — Вероятно, «Ан-Зайлиль» не позволяла…

— Нет, не «Ан-Зайлиль». Все решают Хист.

— То есть деревья воздействуют на разум?

— Да. Наверное.

— Ты говорил, что раньше… ну, в древние времена… Хист уже разрывали связь между собой и…

— По-моему, ты уклоняешься от разговора.

— Ну ладно! Давай прорабатывать разные пути. Ты знаешь, как добраться до кухонь?

— Конечно нет. Но мы знаем, в какую сторону идти. — Аргонианин махнул рукой.

— Почти убедил, — кивнула девушка. — Пойдем!

Она шутливо подтолкнула Светло-Глаза в спину, но, едва высунув голову из пещеры, увидела несколько приближающихся фигур, которые шагали по круговому скальному выступу.

— Ой! Не успели! — воскликнула Аннаиг. — Вемреддль вернулся.

— Не слишком-то много у них недовольных, — без всякого воодушевления заметил ящер. — Шестеро. И наш друг седьмой.

— Зато вооружены.

Как и Вемреддль, подошедшие выглядели как люди или меры. В руках они сжимали ножи и топоры, больше похожие на кухонные, одеты все были в желтые рубахи, черные штаны и длинные передники, только один толстый рыжеволосый человек с курчавой бородой выделялся особой рубахой в черно-желтую клетку — он уверенно шагал впереди всех, рядом с Вемреддлем.

Остановившись в паре шагов от Аннаиг, рыжебородый спросил:

— Это правда, что вы прибыли из внешнего мира?

— Да, — ответила девушка.

— И вы разбираетесь в его растениях, животных, минералах, прочих сущностях?

— Немного. Я училась алхимии…

— Идите с нами!

— Куда это?

— На мою кухню. Кухню Фекселя.

— Вемреддль! — воскликнула Аннаиг, чувствуя закипающую ярость. — Ты — кусок…

— Они обещали забрать меня отсюда, — захныкал оборванец, морщась и втягивая голову в плечи. — Они позволят мне работать на кухне… И вам тоже, госпожа. Это хорошо. Соглашайтесь. Вы будете защищены, сыты, одеты…

— Защищены от кого? Или от чего?

— Наверное, от меня! — послышался громкий, уверенный голос из-за спины девушки.

Обернувшись, она увидела еще одну неторопливо приближавшуюся кучку людей, почти в два раза превышающую численностью группу Фекселя и вооруженную до зубов.

— Ты, грязный прибиральщик за червями! — заорал на Вемреддля побагровевший Фексель. — Я рассчитывал на честную сделку!

— Я не говорил ей! Клянусь — не говорил! — завизжал оборванец.

Теперь Аннаиг смогла разглядеть вновь прибывших. Их возглавляла женщина, одетая в крашенные индиго рубаху, свободные штаны и передник.

— Он мне ничего не говорил. — Женщина оскалилась, и ее зубы блеснули на угловатом лице, словно опалы. — Поищи-ка предателя у себя на кухне. Если сумеешь! А этого дрянного червя оставь в покое — он мне не служит.

Вемреддль жалобно застонал.

— Они будут моими, Фексель! — усмехнулась женщина в синем.

— Я хочу их получить и получу! — заорал рыжебородый. — Они мои по праву!

— Выгребная Яма — ничейная территория.

— Я нашел их первым!

— Можешь рассказать это кому-нибудь, когда уберешь отсюда свою задницу! Отправляйся к себе на кухню, тупая жирная скотина!

Аннаиг видел, что Фекселя колотила крупная дрожь, но не могла понять — от злости или от страха?

— Я убью тебя, Куиджн, — прорычал бородач. — Хоть ты и привела с собой больше людей… Я вызываю тебя на бой! Один на один! Что скажешь?

— Ах, как я испугалась, — отвечала женщина, отделяясь от спутников. Теперь расстояние между ней и Фекселем сократилось до пары шагов. — Ты так внушителен! Всегда так говоришь с людьми? Или все это пустая болтовня, такая же пресная и безыскусная, как твоя кухня?

Она быстро взмахнула рукой, и яркая алая полоска прочертила щеку Фекселя. Глаза рыжего распахнулись, челюсть отвисла, но он не издал ни единого звука.

Девушка не понимала, как же Куиджн удалось поразить врага на расстоянии — ведь ее ладонь остановилась почти в футе от лица бородача. И никакого оружия! Во всяком случае, различимого простым взглядом.

— Ты! Бешеная сука! — Фексель наконец-то обрел дар речи и заорал, срываясь на визг. Между прижатыми к щеке пальцами текла кровь.

— Видишь! — В голосе женщины слышалось неприкрытое злорадство. — Пока я тебя чуть-чуть пощекотала. Пустила кровь. Но это только пока. Убирайся домой, Фексель, или я из тебя фарш сделаю!

Повар в черном и желтом, выпучив глаза, тяжело дышал, но молчал. Потом махнул рукой и, развернувшись, зашагал прочь, не дожидаясь слуг. Те сами потянулись за ним, часто оглядываясь, будто ожидая удара в спину.

Куиджн посмотрела на Аннаиг. Ее глаза казались сгустками совершенного мрака.

— Ты, дорогуша, повар, как я поняла?

— Я… Я могу готовить пищу, — скромно ответила девушка.

— А кто это? — Женщина ткнула пальцем в ящера.

— Светло-Глаз. Он аргонианин. И он не говорит на языке меров.

— Меров? — Куиджн будто посмаковала на языке незнакомое слово. — Аргонианин? — Она тряхнула головой. — Ну ладно! Пойдем на мою кухню!

Аннаиг вздернула подбородок.

— А почему это я должна куда-то идти?!

Куиджн прищурилась, наклонилась к ней и произнесла доверительно:

— Знаешь что, деточка? Ты не нужна мне целиком. Скажем, твои ноги меня совершенно не интересуют. Если я решу, что ты хочешь убежать, то не задумываясь их отрежу. Ты поняла?

Каждое ее слово походило на втыкающуюся в плоть острую сосульку. Вне всякого сомнения, говорила она серьезно и вовсе не хвасталась.

— Пойдем! — Куиджн ласково потрепала девушку по плечу.

И они пошли. По дороге Аннаиг постаралась себя убедить, что другого выхода все равно нет и к тому же ей ведь надо узнать больше об Умбриэле и попытаться остановить его смертоносный полет. Но мысли все время разбегались. Никто никогда в жизни не пугал ее так, как женщина-повар по имени Куиджн.

Глава восьмая

— Это не кухня… — прошептала Аннаиг другу. — Это…

Она замолчала, не сумев подобрать подходящих слов.

На первый взгляд помещение напоминало огромную кузню или сталеплавильню. Печи из раскаленного добела камня выстроились посередине широкой пещеры, высеченной в скале. Над очагами свисали на цепях бесчисленные железные решетки, корзины, клетки, коробы. Закопченные вытяжные трубы гнали раскаленный воздух в верхнюю часть Умбриэля. Слева и справа зияли утробы духовок, превышавших по размерам печи. А между ними тянулись длинные столы, вокруг которых суетились с ножами, секачами, горшками, котелками, пилами и сотнями других непонятных орудий разные существа — привычного вида и совершенно неведомые.

Вокруг витали ароматы: в отличие от Выгребной Ямы вовсе не противные, но странные и удивительные, навевающие мысли о дальних чужих землях.

Большая часть кухонных работников походили на меров, а для других Аннаиг даже не смогла подобрать подходящих названий. Она видела толстых существ с красно-коричневой кожей, злобными лицами и маленькими рожками на головах, а бок о бок с ними трудились бледные как смерть доходяги с длинными синими волосами, полосатые толстяки, похожие на мышей, и целая орда животных, напоминающих обезьян с гоблинскими мордочками. Все они бегали, сновали туда-сюда, карабкались по полкам и комодам, перебрасывали друг дружке банки и бутылки, забираясь в поисках необходимого под самый потолок пещеры.

Куиджн вела Аннаиг и Светло-Глаза через эту толпу, мимо шипящих на огне кусков мяса, мимо бьющихся о прутья клеток змееподобных тварей, которые умирали от нестерпимого жара, мимо пахнущих луком котлов, где кипела загустевшая, словно патока, кровь.

Печи и разделочные столы тянулись шагов на сто, потом начались столы, заполненные более тонким оборудованием из стекла и блестящего металла. Одни приспособления, судя по змеевикам, предназначались для дистилляции и возгонки, другие напоминали бродильные чаны. Кроме того, там стояли различные реторты, атеноры, бюретки, способные украсить любую алхимическую лабораторию. Вдоль стен располагались похожие предметы, но только большего объема — через них при желании можно было пропустить сотни и тысячи фунтов сырья.

На мгновение у Аннаиг захватило дух. Она глазела по сторонам, позабыв, что, по сути дела, находится не в гостях, а в плену. Но потом заметила нечто, вернувшее ее из заоблачных высот на грешную землю. Толстый канат, похожий на тот, рядом с которым они встретили Вемреддля, пульсировал перламутровыми отсветами, перекачивая, вне всякого сомнения, жизненную силу несчастных обитателей Лилмота. Он проходил через стеклянные воронки, колбы и реторты, заполненные цветными жидкостями и светящимися газами, змеевики и вертикальные трубчатые отстойники. Во всяком случае, Аннаиг так решила, поскольку о предназначении части оборудования могла лишь строить догадки.

Она почувствовала, что на глаза навернулись слезы, но изо всех сил постаралась сдержаться.

— Я вижу, тебе понравилась моя кухня! — впервые с тех пор, как они вошли в пещеру, подала голос Куиджн.

Аннаиг сглотнула комок в горле, глубоко вздохнула, а когда поняла, что сможет говорить спокойно, ответила:

— Здесь удивительно! По-моему, я ничего не понимаю!

— Ты совсем ничего не знаешь об Умбриэле?

— Только то, что он убивает людей!

— Убивает? Что за странное слово?

— Это правильное слово. Но почему? Почему Умбриэль убивает людей?

— Какой бессмысленный вопрос! — отмахнулась Куиджн. — И непонятный. — Она протянула руку и приподняла подбородок Аннаиг большим и указательным пальцами. — Я отвечу на твои вопросы, если они будут того достойны. Слушайся меня, выполняй приказания, проявляй почтительность — и будешь жить в сытости и достатке. Иначе — Выгребная Яма. Ясно?

— Да.

— Отлично! Вот моя кухня! — Женщина раскинула руки, будто желая обнять все вокруг. — В Умбриэле много обитателей. У них у всех различные вкусы. У некоторых — довольно грубые и низменные: они питаются мясом и кореньями, плодами и злаками. У других запросы более возвышенные — они потребляют дистиллированные сущности, конденсированную жизненную силу, очищенный дух. Самые высокие из наших лордов требуют наиболее тонкого питания, то есть той субстанции, из которой состоят души. А кроме того, они все время жаждут новизны. И вот тут-то ты мне и пригодишься, дорогуша.

— Я пригожусь? Для чего? Вы хотите, чтобы я изобретала новые блюда?

— Да. Есть очень много видов пищи. Прежде всего Умбриэль нуждается в энергии-сырце, чтобы держаться в воздухе. Обитателей Выгребных Ям и Спирали Края тоже нужно кормить. Сырье приходится добывать или создавать. Требуются яды, бальзамы, эликсиры, снадобья — и в огромных количествах. Наркотики, чтобы скрасить унылые будни, для наслаждений и подстегивания сознания. А все это изготавливают именно на кухнях. Нам нужно всегда чем-то отличаться от других, выделяться, превосходить. Понимаешь меня? Мы должны быть полезными для лордов.

— Вы думаете, я смогу вам помочь?

— Мы долгое время летели над пустотой, над водой. Наши запасы на исходе. Но теперь перед нами раскрылась целая сокровищница. Однако это не наша родина, а твоя. Ты знаешь о ней больше, чем все мы, вместе взятые. Видишь, я признаю твое превосходство! Но только в этом. Честно говоря, большую часть времени тебе придется учиться у меня, но сейчас именно ты побудешь моим наставником. И благодаря тебе моя кухня станет самой влиятельной и сильной на Умбриэле!

— А что мешает другим кухням похитить кого-нибудь внизу и тоже возвыситься?

— Большинство из нас не могут отдаляться от Умбриэля без риска утратить телесную форму. — Куиджн покачала головой. — Поэтому нам приходится использовать особых слуг, если вдруг понадобится что-нибудь добыть внизу.

— Вы имеете в виду оживших мертвецов?

— Да. Это личинки. Мы управляем ими при помощи определенного рода заклинаний. Исполнив приказ, они переносятся сюда и приносят все, что успели насобирать: животных, растения, минералы. Но все разумные существа…

— Умирают прежде, чем ваши собиратели приступают к работе.

— Ты посмела меня прервать? — нахмурилась Куиджн. — Или я ошиблась?

— Прошу прощения… — быстро пискнула Аннаиг.

— Прошу прощения, повар! — с нажимом произнесла женщина.

— Прошу прощения, повар…

Куиджн кивнула.

— Да, ты права. К сожалению, у нас, работающих на кухнях, нет возможности отправить собирателей дальше, туда, куда не распространяется власть Умбриэля. И нет заклинаний, достаточно сильных, чтобы вернуть их. Как только собиратели отдаляются на значительное расстояние, они выходят из-под

нашего влияния.

«Вот и хорошо, — подумала Аннаиг — Одну слабость я уже, похоже, обнаружила. Нужно узнать больше — любая мелочь может помочь Аттребусу».

— Я жду приказаний, — склонила голову девушка.

Украдкой она оглядела стол, рядом с которым остановилась Куиджн. Его поверхность была завалена листьями, обломками коры, вскрытыми тушками мелких зверьков, корешками, камнями и тому подобной ерундой. На расчищенном месте располагалась толстая книга с линованными страницами, чернильница и перо.

— Я хочу узнать обо всех этих вещах, — сказала повар. — Ты должна описать каждую из них, очень подробно, отметить все свойства, которые только припомнишь. После я почитаю и решу, что из этого может пригодиться. Но это задание только на половину рабочего дня — оставшееся время ты должна будешь учиться готовить, постигать наше искусство. И вот тогда, возможно, ты сумеешь создать нечто особенное, ни с чем не сравнимое. Уяснила?

— Я не знаю… Получится ли у меня, повар?

— Я дам тебе скампа и хоба и еще назначу повара-наставника. Это высокое доверие, привилегия гораздо большая, чем заслуживает любой новичок. Помни о моей доброте! — Она жестом подозвала одну из своих работниц — женщину с серой кожей и красными глазами, выдававшими в ней данмера. — Слир! Ты отвечаешь за нее!

— Да, повар! — поклонилась серокожая, засовывая нож за пояс.

Куиджн кивнула, развернулась и стремительно ушла прочь.

— Ты знаешь, она сказала правду, — проговорила Слир. — Никому из наших не везло так, как тебе.

Аннаиг задумчиво посмотрела на нее, пытаясь по тону или выражению лица определить нрав своей наставницы, но не слишком преуспела.

Мгновение спустя к ним подбежало желтоватое двуногое существо с мелкими ящеричьими зубами и заостренными ушами.

— Это твой скамп, — указала на него Слир. — Мы используем скампов для горячей работы, поскольку они нечувствительны к огню.

— Привет! — поздоровалась Аннаиг.

— Они все понимают и выполняют приказы, — объяснила Слир. — Но не разговаривают. Пока еще он тебе не нужен, так что мы отправим его обратно к очагам. А это твой хоб! — Она нетерпеливо щелкнула пальцами.

Повернувшись, Аннаиг увидела невысокое существо с

огромными зелеными глазами. Оно очень походило на обезьяну — несколько десятков таких суетливых уродцев девушка видела, когда только вошла на кухню. У него были длинные руки и ноги, тонкие, цепкие пальцы, но в отличие от обезьяны хоб оказался полностью безволосым.

— Я! — пискнул он, подбежав поближе.

— Назови его! — потребовала Слир.

— Что?

— Дай ему имя, на которое он будет откликаться.

Хоб открыл широченный беззубый рот, что придало ему некое сходство с младенцем. Аннаиг вспомнился кузен Люк, когда тот только что родился…

— Люк, — сказала она. — Тебя будут звать Люк!

Уродец запрыгнул на стол и повторил тонким голоском:

— Люк! Я — Люк!

— Я вернусь, когда тебе пора будет учиться готовить, — буркнула серокожая. — С этим барахлом ты разберешься самостоятельно. — Она искоса посмотрела на аргонианина. — А что с ним делать?

— Он мне нужен, потому что знает столько же, сколько и я! — без зазрения совести соврала Аннаиг.

— Ну ладно…

Слир пожала плечами и вернулась к прерванной работе, оставив девушку со Светло-Глазом и хобом Люком.

— И что теперь? — спросил ящер.

— Они хотят…

— Я не понял ни слова, но и так ясно, чего они хотят. Ты правда собираешься им помогать?

— Не думаю, что у меня есть выбор.

— А я думаю, есть. За нами никто не следит, по крайней мере сейчас. Мы можем удрать в Выгребную Яму через дыру для мусора. А потом…

— Вот именно. А что потом?

— Ладно, — проворчал он. — Разыщи компоненты, чтобы сделать еще одну бутылочку со снадобьем для полета. Тогда нам бы только добраться до края скалы… А там — ищи ветра в поле!

— Об этом я тоже подумала. Быстро не получится.

— Но ведь ты будешь им помогать! Разве ты не понимаешь? Помогать им разрушать наш мир.

— Глаз! Я люблю учиться и учусь быстро. Подумай: здешние кухни — лучшее место, где я могла бы затаиться в Умбриэле. Именно тут мы сможем отыскать подходящую возможность навредить здешним владыкам. Особенно при том, что у нас не так много времени.

— Да, — кивнул Светло-Глаз. — Это понятно. А как же я?

— Повторяй за мной. Обращайся ко мне время от времени, будто что-то хочешь доказать или подсказать. Записывай мои слова в книгу.

— А вот этот? — Он ткнул пальцем в хоба.

Девушка внимательно посмотрела на глазастого уродца.

— Люк! — приказала она. — Принеси мне те бело-зеленые ветви с дальнего конца стола.

— Да! Люк понял! — воскликнул хоб, запрыгивая на стол.

Он пробежался туда и обратно в мгновение ока и протянул Аннаиг пучок листьев.

— Итак, — принялась диктовать девушка. — Что мы имеем? Побеги фенхеля. Их настой снимает вздутие живота. Также можно использовать как припарки при воспалении глаз.

Она так увлеклась, что совсем забыла, где находится, и очнулась, лишь когда возвратилась Слир.

— Пришло время учиться готовить, — сказала серокожая.

Аннаиг протерла глаза и кивнула. Потом махнула рукой в сторону стоящего неподалеку оборудования.

— Расскажите мне о дистилляции сущностей. Я хочу знать, как это…

— Нет-нет, крошка! — Слир издала короткий неприятный смешок. — Начнем мы не с этого. Начнем мы с очагов и печей.

— Тут же нет никакого огня, — жаловалась девушка несколько минут спустя, когда крутила горячее металлическое колесо, заставляя вращаться вертел.

— Еще немножко, — не слушая ее, руководила Слир.

— Это свинина? — спросила Аннаиг. — Пахнет, по крайней мере, очень похоже.

— Это еда для рабочих и слуг во дворце лорда Приксона. А им, следует тебе запомнить, не нравится подгорелое, как любит челядь из особняка лорда Ороя. Еще чуть-чуть, и можешь приказать скампу сходить туда, чтобы снять пищу.

Аннаиг продолжала трудиться с колесом. Пот лил с нее градом; казалось, она работает без сна и отдыха уже целую вечность.

— Что ты имела в виду, когда говорила, что здесь нет огня? — неожиданно спросила Слир.

— Что? Ах да! У вас тут только раскаленный камень. А огонь — это когда что-то сгорает. Дерево, бумага… Да мало ли что!

— А! Я, кажется, поняла! — Слир наморщила лоб. — Когда вспыхивают капли жира — это огонь! Точно! Но зачем нужно готовить над горящим деревом? Если мы станем так поступать, то

все деревья в Спирали Края исчезнут дней за шесть-семь.

— Тогда отчего скалы становятся горячими?

— Они просто горячие. — Данмер пожала плечами. — Горячие, и все тут. Все! Отправляй скампа!

Она указала на большую металлическую полусферу, прикрепленную к балке под сводом пещеры. Остроухий скамп проворно вскарабкался по стропилам и перекладинам над раскаленными печами, выдвинул поддон, который должен был защитить жарящуюся тушу от излишнего жара, и подвел ее ниже борова. Аннаиг еще раз налегла на ворот, и вертел точно вошел в пазы полусферы.

— Так! — кивнула Слир. — Огня теперь в самый раз. Что можно еще туда добавить? Что мы можем готовить медленно?

— Ну, не знаю… Например, протушить вон те красные корнеплоды.

— Хелш? — На миг женщина вроде бы удивилась, но справилась с чувствами очень быстро. — Да. Можно.

— И еще вот эти небольшие птицы. Думаю, их можно было бы поджарить.

— Поджарить здесь? Тогда нам придется направить их в особняк Ороя.

— Да. Я помню: им нравится подгорелое мясо.

— Точно!

Аннаиг показалось, что Слир сейчас улыбнется одобрительно, но данмер сумела остаться невозмутимой.

— Продолжай, я погляжу, — приказала она.

Вот так девушка и трудилась оставшуюся половину дня. Тушила, жарила, подсушивала… Несколько часов показались долгими, как несколько дней. Наконец Слир отвела ее в темную спальню с двумя дюжинами циновок на полу. На столе стоял котелок, тарелки, рядом с которыми лежали ложки. Аннаиг, едва переставляя дрожащие от усталости ноги, уселась на лавку там, где показала ей серокожая наставница. В котелке оказалось незнакомое мясо, тушенное с бобами, горячее и острое. А еще самое вкусное из того, что девушка ела когда-либо в жизни.

— Когда утолишь голод, советую поспать, — сказала Слир. — Через шесть часов тебе снова идти на работу.

Аннаиг безучастно кивала, а потом вдруг вспомнила о Светло-Глазе.

— Они забрали твоего друга, — отвечала данмер.

— Что?! Куда?

— Не знаю. Но совершенно очевидно, что он ничего не смыслит в кулинарии. А еще кое-кто заинтересован выяснить его способности и умения.

— А когда он вернется?

На лице Слир промелькнуло сочувствие.

— Думаю, никогда.

С этими словами она ушла, а девушка склонилась над тарелкой и расплакалась.

Утерев последние слезы, Аннаиг вытащила кулон и раскрыла его.

— Найди, найди Аттребуса, — прошептала она. — Любой ценой найди…

Светло-Глаза мучил вопрос: что с ним станет после смерти? Изначально предполагалось, что души аргониан принадлежат Хист — когда один умирает, его душа переходит к дереву, чтобы воплотиться снова. При обычных обстоятельствах это казалось вполне разумным. У каждого на самом дне сознания хранятся воспоминания о запахах и вкусах, мелькают смутно знакомые образы и ощущения, которых они сами не испытывали. Собственно, даже понятие «время» не переводилось с имперской речи на язык обитателей Чернотопья. Для аргониан самое трудное в изучении имперского заключалось в различии глаголов по временам: четкое указание на последовательность событий не казалось им важным, они предпочитали целостное мироощущение.

Для народа, обитающего в Чернотопье, рождение и смерть представляли собой единое событие. Вся жизнь, да и вся история тоже — не что иное, как один миг. Отказавшись от этого понимания, прочие народы Нирна создали иллюзию линейного движения от прошлого к будущему и назвали ее временем.

И вот теперь Умбриэль нарушил привычное понимание вещей. Светло-Глаз утратил связь с городским деревом. Теперь, если он умрет, куда отправится его душа? Неужели на переработку, станет пищей для того инженіума, о котором рассказывал Вемреддль? Сколько уже душ аргониан забрал проклятый остров? Следует ли из этого, что они вырваны из вечного цикла рождений и смертей? Или существует еще один, всеохватывающий цикл, в котором аргониане лишь небольшая часть, следующая своим путем?

Он решил прекратить размышлять о возвышенных вещах, чтобы не лопнула от перенапряжения голова, и сосредоточиться на земных — простых и понятных. Истина состояла в том, что его подхватило заклинание, сотворенное Аннаиг при помощи алхимического состава, и принесло на Умбриэль. Почему так вышло? Да кто же его знает?

К счастью, в пещеру, где он размышлял в одиночестве, вошли.

Вновь прибывший оказался невысоким костлявым человеком, похожим на выходца из нордлингов — гладкие белые волосы, кожа цвета слоновой кости, пронизанная тонкими венами. Но что-то в очертаниях черепа и сутулой фигуре с покатыми плечами безошибочно указывало на чуждость, инородность этого создания. На нем были черные штаны и жилетка, а поверх них оливковый кафтан.

Человек оглядел Светло-Глаза с ног до головы и заговорил на каком-то тарабарском наречии. Когда аргонианин промолчал в ответ, всем видом показывая непонимание, незнакомец сунул руку в карман и извлек маленький пузырек из непрозрачного стекла. Сунув склянку в руки Светло-Глазу, он знаками показал, что тот должен выпить зелье.

Ящер вначале отнесся к предложению с опаской, но, рассудив, что убить его могли уже не раз и причем более простыми способами, опрокинул содержимое бутылочки в рот. Ведь если он до сих пор жив, значит, он кому-то очень нужен здесь, на острове.

На вкус жидкость оказалась как горелая апельсиновая кожура.

Мужчина подождал немного, затем откашлялся и спросил:

— Теперь ты меня понимаешь?

— Да, — кивнул Светло-Глаз.

— Тогда я перехожу прямо к сути. Мы заметили, что ты представляешь собой доселе неизвестную породу живых существ. По крайней мере, не известную мне, а у меня очень долгая память и большой опыт.

— Я аргонианин.

— Это лишь название. Я его не знаю.

— Так зовется моя раса.

— И это слово мне не знакомо. — Маленький человек поднял голову, внимательно оглядывая ящера. — Ты прибыл извне? Ты не из Умбриэля? Это верное утверждение?

— Я местный, из Тамриэля.

— Еще одно бессмысленное слово. Ты меня удивляешь. Здесь Умбриэль и ничего более.

— Ваш Умбриэль сейчас находится в моем мире. Он летит над моей страной, Чернотопьем.

— Чернотопье? Оно меня мало интересует. Ну, разве что чуть-чуть, если поможет изучить и понять тебя. Знаешь, что меня интересует сейчас? Какой частью Умбриэля ты станешь.

— Не понимаю.

— Ты не первый, кто попал к нам извне, но первый с таким телом. Поэтому Умбриэль должен изучить тебя и запомнить —

вдруг появятся иные, похожие на тебя. Мы будем знать, как их использовать. А начнем с тебя.

— А если я окажусь для вас бесполезен?

— Тогда мы не можем разрешить Умбриэлю изучать тебя. Мы извлечем внутреннюю сущность из твоего тела и используем ее, а тело отправим обратно, туда, откуда оно явилось.

— А почему бы не разрешить мне просто уйти? Верните меня на Тамриэль. Зачем убивать?

— Души слишком ценны для нас, мы не можем позволить себе потерять хотя бы одну. Поэтому расскажи мне о своем теле.

— А что рассказывать? Я такой, каким вы меня видите. Ни больше ни меньше.

— Ты своего рода дейдра?

— Вы знаете, кто такие дейдра? — Светло-Глаз разинул рот от удивления. — Тот человек, с которым мы говорили раньше, не знал.

— А кто он такой, чтобы знать о дейдра? — пожал плечами беловолосый. — Мы видели дейдра раньше, но сейчас на Умбриэле нет ни одного из них. Итак, ты дейдра?

— Нет.

— Это хорошо. Очень хорошо, поскольку многое упрощает. Гребень на твоей голове и шее… Для чего он служит?

— Ни для чего. Он делает меня красивее в глазах существ моей расы, я так думаю. Больше, пожалуй, ни для чего. Но я за ним ухаживаю.

— А перепонки между пальцами на руках?

— Для плавания.

— Плавание? Что это?

— Ну, я двигаюсь в воде. На ногах есть тоже перепонки между пальцами.

— Ты двигаешься в воде? — Человек поморгал задумчиво.

— Довольно часто.

— Ниже поверхности?

— Да.

— Как долго ты можешь оставаться под водой? Как часто тебе нужно вдыхать воздух?

— Если потребуется, я могу вообще не всплывать и дышать на глубине.

— Отлично! — улыбнулся тощий. — Ты меня уже заинтересовал. Умбриэль нуждается в существах, подобных тебе.

Светло-Глаз переступил с ноги на ногу, не понимая, о чем идет речь, и промолчал, хотя множество вопросов крутились у него на языке.

— Клоака Сущности. Да… Я думаю, ты был бы очень полезен

в Клоаке Сущности. Но давай продолжим нашу беседу. Что касается твоей кожи, это ведь чешуя, не правда ли?

Часть вторая
ЗАМЫСЕЛ

Глава первая

По движению плеча редгардки принц понял, что она замыслила обманный удар, и успел подставить клинок, но недостаточно быстро — лезвие меча скользнуло в волоске от его руки. Он попытался рубануть ее по ребрам, но она уклонилась быстрым танцевальным движением.

— Верно мыслишь, Аттребус! — послышался возглас Гулана.

Редгардка отступила на шаг, не сводя с принца пристального взгляда.

— Да. Попробуем еще раз?

— Может, передохнем чуть-чуть?

— Хорошо. Через мгновение я снова к вашим услугам.

Она, казалось, расслабилась, но вдруг снова взорвалась стремительными движениями.

Аттребус отступил. В который уже раз ее скорость удивила его и застала врасплох. Он принял ее выпад на крестовину меча, и от силы удара заныло запястье. Редгардка пируэтом проскочила ему за спину и нацелила оружие в затылок. Принц кинулся на землю, перекатился кувырком и вскочил. Она атаковала длинным выпадом, но Аттребус парировал, сломал расстояние и… снова промазал.

Воительница пошла по кругу приставным шагом, а он ждал, внимательно следя за ее движениями. Внезапно ссутулившись, она прыгнула, опередив взмах его меча, но прежде, чем успела прикоснуться клинком к его телу, принц впечатал кулак ей под ложечку. Она отшатнулась и осела, с трудом втягивая ртом воздух.

Под приветственные крики бойцов, наблюдавших за схваткой, Аттребус подошел и нацелил острие клинка ей в лицо.

— Сдаешься?

Она кашлянула, передернулась, потом все же согласилась:

— Сдаюсь.

Принц протянул ладонь, и редгардка приняла предложенную помощь, быстро вскочив на ноги.

— Славный поединок, — улыбнулась она. — Хорошо, что мы дрались на затупленных клинках.

— Ты очень быстрая. — Принц улыбнулся в ответ. — Не прочь поболтать?

— Почему бы и нет?

— Хорошо. Не знаю, стоит ли говорить, но я охотно повторил бы наш поединок. И вполне возможно, на остром оружии.

Поскольку редгардка хромала — по всей видимости,

подвернула ногу при падении, — Аттребус подставил ей плечо и помог добраться до края учебной площадки, где их соратники отдыхали, прихлебывая пиво.

— Принеси и нам пива! — велел принц, и юный Дарио помчался выполнять распоряжение.

Они уселись на отдельной скамье. Аттребус наблюдал, как воительница расшнуровывает доспехи из толстой кожи на войлочной подкладке.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Радаса, мой принц.

— Ты дочь Тралана Два Клинка из Кеспара?

— Да, мой принц.

— Он был хорошим человеком и отличным бойцом. Одним из лучших среди телохранителей моего отца.

— Благодарю, ваше высочество. Приятно слышать.

Он глянул на нее внимательнее, поскольку под доспехами скрывалась весьма стройная фигура.

— Но он не был красавцем. В этом ты на него не похожа.

Краска смущения прилила к ее смуглому лицу, но во взгляде читались гордость и отвага.

— Так вы считаете, что я привлекательна, мой принц?

— В тебе нет мужеподобности, как во многих других женщинах, связавших свою жизнь с воинским искусством.

— Я слышала, что ваше высочество умеет льстить женщинам…

Подошедший Дарио поставил между ними две кружки с холодным пивом. Аттребус с наслаждением пригубил напиток, покалывающий язык и небо. Замечательно! Особенно после нелегкого поединка.

— Почему ты хочешь служить мне? — глядя в упор, спросил он Радасу. — В охране отца тебя приняли бы очень хорошо.

Она пожала плечами.

— Принц Аттребус, ваш отец сидит на троне. Он император. Служа ему, я быстро закисла бы и впала в тоску. А с вами, я ожидаю, скучать будет некогда.

— Да, это так, — согласился он. — Империя все еще восстанавливается. И фигурально, и буквально. Возрождение проходит в непрерывной борьбе, так что сражений, способных принести славу, хватит на всех нас. Если ты вступишь в мою охрану, очень часто придется смотреть в глаза смерти. Это не игра, не забава. Я обязан тебя предупредить.

— Я знаю, — коротко ответила редгардка.

— Отлично! Мне нравится твое отношение!

— Я надеялась, что понравлюсь вашему высочеству.

— Ты больше понравишься мне, если будешь называть меня просто Аттребус. Я не настаиваю на излишних церемониях, общаясь с личной охраной.

Ее глаза расширились.

— Вы хотите сказать…

— Именно! Допивай пиво, а потом отправляйся к Гулану. Он проследит, чтобы тебе дали коня, оружие, и поможет определиться с жильем. А потом, возможно, мы поболтаем еще.

Аннаиг видела убийство краем глаза.

Она как раз готовила соус из моллюсков, масла и белого вина, чтобы подавать с тонкой лапшой из рисовой муки. Конечно, ни под одним из этих названий не скрывался обычный земной продукт. В качестве моллюсков выступали какие-то незнакомые наросты, называемые здесь «лам-пен», но на вкус они ничуть не уступали мидиям. Вместо масла служил жир, который брали у странных существ, напоминавших, по описанию Слир, куколки насекомых. Белое вино, почти не отличавшееся от виноградного, делали из плодов каких-то деревьев. Муку для лапши изготавливали из зерна, похожего на что-то среднее между рисом и ячменем. Но девушка радовалась возможности приготовить хоть что-нибудь посложнее, чем просто высушенное на жару мясо. Ей доставляло удовольствие осваивать новые способы кулинарии, постигать незнакомые вкусы и пристрастия лордов Умбриэля. Очень интересно и поучительно…

Куиджн появилась внезапно. Она взмахнула рукой, и тут произошло нечто удивительное. Оорол, повар, отвечавший за снабжение едой лорда Джола, внезапно потерял голову. В самом прямом смысле. Она слетела, будто срезанная мечом, кровь тугой струей ударила из тела, все еще сохранявшего вертикальное положение. Куиджн шагнула назад. В непривычной тишине труп покачнулся и ударился о пол.

— Не к добру это… — пробормотала Слир.

— Лорду Джолу надоел его обед! — истерически завопила Куиджн. — Он выразил неудовольствие четыре раза подряд! Немедленно уберите эту падаль и вымойте пол! Нам нужен повар, чтобы заменить Оорола!

Она обвела глазами своих работников. Грудь ее тяжело вздымалась, будто от быстрого бега. Горящий взгляд остановился на Аннаиг.

— Нет… Только не это… — с мольбой прошептала Слир. — Нет…

— Слир! — выкрикнула Куиджн. — Ты будешь главной! Девочку возьмешь с собой!

— Да, повар! — четко ответила серокожая и, опустив глаза, принялась собирать ножи и прочие приспособления. — Вот это мы встряли… — пробормотала она. — Глубже не бывает.

— Она его уб-била? — заикаясь от ужаса, спросила Аннаиг.

— Само собой…

— Что ты имеешь в виду? Что значит — само собой?

— Слушай меня внимательно. Наша кухня готовит еду для трех лордов: Приксона, Ороя и Джола. Большая часть пищи предназначена для их свиты и рабов — именно это мы с тобой готовили, и именно это я готовила всю свою жизнь. Такая работа проста и безопасна. Но обслуживать самих лордов — тяжелая задача. И не только потому, что они ветренны и непостоянны в своих вкусах. Они еще и вечно соревнуются между собой. Мода на составляющие части блюд, на ароматы, на вкусовые ощущения, даже на цвет пищи постоянно меняется. И теперь нам придется готовить для лорда Джола, а никто не знает наверняка, что он любит. Ооролу еще повезло — ему удавалось развлекать Джола почти полгода.

Аннаиг прикинула в уме. Из полученных ею сведений выходило, что год на летающем острове составлял не больше половины года на Тамриэле.

— Это же очень мало! — воскликнула она.

— То-то и оно. А теперь собирайся поскорее — нам еще предстоит прибрать к рукам его работников и выяснить, с чего начать, что лучше приготовить и в каком направлении размышлять, изобретая новые блюда.

— А как она смогла убить Оорола?

— Мы называем это разделочным ножом. — Слир пожала плечами. — Но на самом деле никто не знает, что это. Его же не видно! Иногда оно бывает длиннее, иногда короче. Никто из нас не знает наверняка, как Куиджн с этим управляется. А теперь шевелись, если у тебя закончились бесполезные вопросы, из-за которых мы замешкаемся здесь настолько, что в самый раз успеем попасть в Выгребную Яму!

— У меня есть еще один вопрос. И я не думаю, что он бесполезный.

— И что же? — нетерпеливо дернула плечом повар.

— Ты сказала, что нам предстоит прибирать к рукам работников Оорола…

— Там посмотрим. Может быть, дело дойдет до драки. Просто держи нож под рукой. Не показывай его раньше времени, но будь готова к чему угодно.

На прежнем месте в подчинении Слир было шесть поваров,

здесь же оказалось восемь. Вместе с Аннаиг и самой серокожей — десять работников.

«Захват власти» прошел довольно просто: потребовалось всего-навсего несколько пинков и затрещин, чтобы успокоить и вернуть рабочее настроение, и вскоре новая команда уже совместно обсуждала вкусы лорда Джола или, по крайней мере, то представление, что имели о них подчиненные покойного Оорола. К несчастью, оказалось, что большинство из них совсем недавно пришли из другой кухни, которая занималась обслуживанием другого лорда и о пристрастиях Джола не знала ничего.

— Какое последнее блюдо он одобрил? — спросила Слир у Минн, которая была помощником у Оорола.

— Бульон из какого-то зверя, пойманного внизу. Светлый, прозрачный, с травами.

— Внизу? — задумалась данмер.

— Можешь описать их? — вмешалась Аннаиг. — Ну, зверька и траву, я имею в виду.

— Я могу показать их. — Минн подвела их к длинному столу.

— Это еж! — усмехнулась Аннаиг, увидев колючую шкурку. — А растение… — Она потерла в пальцах блестящие листья, понюхала их. — Это не трава! Это молодые побеги эвкалипта.

— Но мы и сегодня их использовали… А что из этого вышло?

— Из этого мы делаем вывод, что лорду надоело это блюдо? Так? — спросила Слир. — Готовили вы их всегда одинаково?

— Нет, что вы, повар! Мы обжаривали тушки и после пропаривали их с листьями этого вашего «юклипта».

— Не похоже, что это удачное решение, — пробормотала Аннаиг.

Слир закатила глаза.

— Не думала, что мне придется это снова повторять тебе… — назидательно произнесла она. — Но похоже, без этого не обойтись. Часть обитателей Умбриэля — рабы, рабочие, фермеры, ремесленники, рыбаки и тому подобное — питаются грубой пищей: мясом, злаками, овощами. Самые высокие лорды потребляют чистую сущность и дистиллят, приготовленный из душ. Но более низкие лорды и леди занимают промежуточное положение. Им все еще необходима простая еда, но вместе с тем они требуют немного вытяжки из духовной субстанции. Они желают повысить свой статус — хотя большинство из них никогда этого не достигнут, — а потому притворяются, будто жить не могут без чистой сущности. И мы готовим, как им хочется, — на пару, с добавлением ароматных специй, малого количества

душевной субстанции. Но им все равно нужна обычная пища. Поэтому они с удовольствием потребляют бульоны, вытяжки, настойки… — Она вздохнула. — Ладно, довольно объяснений, у нас еще будет время поболтать. А пока есть более важные занятия. Итак, Минн! Что ты еще расскажешь о его вкусах?

В конце концов после споров и долгих обсуждений они приготовили три блюда: воздушный крем из икры умбриэльской рыбы; тающие на языке шарики-снежинки из тончайших кристаллов, которые сделали из сахара и еще двенадцати компонентов с различными оттенками вкусов и запахов; холодный прозрачный бульон на шестнадцати растительных составляющих, включая эвкалипт, имеющий аромат каждой из них, но вместе с тем не похожий ни на один.

Слуги унесли обед наверх, оставив Слир в тревожном ожидании.

Посреди ночи их разыскала Куиджн.

— Ему надоело, — сказала она. — Ему снова надоело… И он в своем праве, не так ли?

Больше не произнеся ни слова, она окинула их суровым взглядом и ушла.

— Мы мертвецы, — простонала Слир. — Мы уже мертвецы.

Аннаиг чувствовала себя на грани безумия. От усталости и недомогания, вызванного испарениями ядовитых трав, с которыми она возилась полдня, девушка даже не нашла в себе силы испугаться. Но, закрыв глаза, увидела, как отделяется и падает на каменный пол срезанная окровавленная голова Оорола. Сон не шел.

Через три часа зыбкой полудремы она почувствовала, как за пазухой мелко задрожал амулет.

Пронзительный крик ночной птицы вырвал Аттребуса из сна.

В небе сияли обе луны.

Принц вскочил, мельком глянул на спящую Радасу и вышел на балкон. Отсюда открывался великолепный вид на погруженный во мрак, но вместе с тем неизменно величественный и прекрасный город, на башню Белого Золота, устремленную ввысь, навстречу звездам. Он выбрал для постоянного жительства это поместье именно из-за красивого вида. Смотреть на дворец принц любил больше, чем бывать в нем.

Слева, в дальнем конце балкона, на который выходили двери из нескольких комнат, Аттребус различил в полумраке неясный силуэт Гулана.

— Ты, как всегда, начеку, — усмехнулся принц.

— Она новенькая, — ответил друг и телохранитель, кивнув

на покои принца. — Твой отец не одобрил бы.

— Мой отец полагает, что добрые отношения между командующим и одним из воинов могут ослабить власть. А я считаю, что друзья сражаются лучше, чем просто наемники. Я пью вместе со своими бойцами, стараюсь разделять их невзгоды и лишения, вникаю в их заботы. Вот и с тобой мы друзья — ты думаешь, я стал от этого слабее?

— Нет, конечно, — покачал головой Гулан. — Но мы с тобой не настолько близки.

— Близки?! — фыркнул Аттребус. — Да мы с тобой гораздо более близки, чем Радаса и я! Физическая близость — это всего лишь еще один вид общения. Я люблю всех своих людей одинаково, как ты знаешь, всех за разные качества. Качества Радасы позволяют мне питать к ней дружбу особого рода.

— Как и к Коринте, Целли и Фьюри…

— Да! И им ни к чему ревновать. Не более чем тебе, если я сяду играть в карты с Люпо вместо Эйсвульфа. — Принц вскинул голову. — К чему все эти разговоры? Ты знаешь что-то, чего не знаю я?

— Нет. Я всего лишь простой воин. Ты прав, все телохранители любят тебя, и она не будет исключением.

— И все же тебя что-то гнетет, — мягко проговорил Аттребус. — Расскажи мне, я не боюсь узнать твое мнение. Это мой отец окружает себя слугами, которые вечно говорят только то, что хочет услышать владыка. Пойми, Гулан, я люблю его и уважаю, он — мой отец. Но есть что-то, чего он не сделал и никогда не сделает… — Он замолчал на полуслове.

— Арентия, я угадал?

— Там нужна лишь небольшая армия, — воодушевленно воскликнул принц. — Совсем маленькая! Скажем, тысяча клинков. Местные жители нас поддержат. Они восстанут и будут сражаться вместе с нами. Я знаю это совершенно точно! А потом мы закрепимся в Валенвуде.

— Дай ему время. Он подумает и поддержит твое предложение.

— Я волнуюсь, Гулан. За прошедшие месяцы мы не совершили никаких достойных поступков. А сколько нам еще предстоит совершить!

— Возможно, Треб, у твоего отца есть планы относительно тебя здесь, в столице.

— Планы? Какие планы? Что ты слышал?

Гулан молча оскалился, изображая улыбку.

— Что? — настаивал принц.

— Кое-кто при дворе поговаривает, что император хочет тебя

женить.

— Женить?! Да зачем оно надо?! Мне всего лишь двадцать два, во имя милосердия!

— Ты наследный принц. А это предполагает, что и ты продолжишь императорский род и дашь трону наследника.

— И мой отец говорил об этом с тобой? У меня за спиной! Он приказал тебе нашептать мне в ухо, подготовить к мысли о женитьбе?

— Нет. Конечно нет. — Гулан даже отодвинулся подальше. — Но при дворе ходят слухи. А у меня есть уши.

— При дворе всегда ходят слухи! Именно поэтому я ненавижу двор!

— Рано или поздно тебе придется к нему привыкнуть.

— Может быть… Но не сейчас, не в ближайшее время. А может быть, и никогда. Уж лучше погибнуть в сражении. Смерть в бою всегда прекраснее, чем жизнь в болоте.

— Это не смешно, Треб. Не стоит так говорить.

— Я знаю. — Принц вздохнул. — Придется мне явиться ко двору. А там посмотрим, решится ли отец что-нибудь сказать мне прямо в лицо! Если он не пожелает дать войско для похода на Арентию, то, возможно, позволит отправиться на север. Вокруг Чейдинхала крутится много разбойников, они не дадут нам заскучать. Вот было бы здорово!

Гулан кивнул, и Аттребус хлопнул его по плечу.

— Я не хотел тебя обидеть, старый дружище! Просто иногда, когда я слышу подобные разговоры, меня переполняет ярость!

— Никаких обид.

— Думаю, у меня тут все в порядке. Она не причинит мне вреда. Иди спать.

Поклонившись, Гулан вернулся в свою комнату. Аттребус остался стоять, опираясь на перила и глядя в ночное небо. Он надеялся, что телохранитель ошибался. Брак? Ну, может быть. В конце концов, женитьбы не избегнуть. Отец хочет его поторопить? Ну и ладно! Какое это может иметь значение? Разве жена удержит его в доме, вдали от настоящих дел? Если отец преследует такую цель, то его ожидает большое разочарование!

Слабый шум привлек внимание принца. Он обернулся… Словно здоровенный жук бросился ему в лицо. Аттребус отпрыгнул, едва сдержав вскрик, правой рукой шаря по поясу в поисках рукояти меча, которой там не оказалось.

Но, присмотревшись, он понял, что неведомое существо, стрекочущее крыльями над балюстрадой, вовсе не жук и не мотылек, а удивительная птица, сделанная из металла. Изящная штучка… Она уселась на перила, обратив на принца

искусственные глаза, и, казалось, чего-то ждала.

Несколько мгновений Аттребус внимательно разглядывал птицу и обнаружил у нее на боку дверку — точно как на медальоне. Уже было протянув руку, он одернул себя: что, если это хитроумное устройство прячет в себе смертоносный подарок? Например, отравленную иглу, которая вопьется в кожу… Или прикосновение даст выход припрятанному до поры до времени волшебству.

А не слишком ли сложно для неизвестных убийц? Куда проще смазать ядом коготки птицы и приказать оцарапать его. Он бы и опомниться не успел…

Принц вернулся в комнату, отыскал кинжал и снова вышел к птице, сидящей по-прежнему неподвижно. Осторожно, кончиком клинка поддел дверку.

Игрушка прощебетала короткую причудливую мелодию и смолкла. Никакого колдовства…

Внутри Аттребус обнаружил темную, гладкую поверхность.

— Кто ты? — громко спросил он.

Птичка не ответила. Принц уже решил было оставить ее в покое до утра, а потом показать Йерве и Бреслину, которые понимали в подобных чародейских штучках гораздо больше, но едва он развернулся, чтобы уйти, как услыхал женский голос, настолько слабый, что вначале не смог разобрать ни слова. В первый миг он подумал, что Радаса проснулась и зовет его, но голос прозвучал вновь, и на этот раз ошибки быть не могло — звук шел от птицы.

Вернувшись, Аттребус заглянул в открытое отверстие.

— Эй? — осторожно поинтересовался голос.

— Кто там? — ответил принц.

— О, хвала провидению! — воскликнула женщина. — Я почти утратила надежду! Так долго!

— Ты… Нет, я чувствую себя глупцом, болтающим с игрушечной птицей! Ты можешь объяснить? И еще… Не могла бы ты говорить погромче?

— Прошу прощения, я не могу говорить громче. Нужно соблюдать осторожность. Это — Щебетун. Ну, та птичка, что сейчас около вас. Она заколдованная. У меня здесь есть медальон, связанный с ней. Таким образом мы можем разговаривать. А днем мы могли бы еще и видеть друг друга. Я с большим трудом различаю ваше лицо.

— А я ничего не вижу.

— Да. Здесь довольно темно.

— Здесь? Где ты находишься?

— Думаю, мы все еще над Чернотопьем. Я только мельком

глянула вниз.

— Над Чернотопьем?

— Да! Долго объяснять, а у нас нет времени! Я отправила Щебетуна, чтобы он нашел принца Аттребуса. — Голос дрогнул. — Это вы, мой принц? Правда? Иначе Щебетун не раскрылся бы.

— Да. Я — принц Аттребус.

— О, ваше высочество, прошу простить мою торопливость и непочтительность…

— Не стоит извиняться. Кто ты?

— Меня зовут Аннаиг. Аннаиг Хойнарт.

— И ты находишься в плену?

— Можно так сказать, но я волнуюсь не поэтому! Я многое должна вам рассказать, но рассвет скоро и я боюсь не успеть. Весь наш мир находится в ужасной опасности!

— Я готов. Рассказывай!

Он слушал переливы ее негромкого, чуть хрипловатого голоса, несущегося через просторы Сиродиила и зловонные болота Чернотопья, и постепенно его сознание наполнялось ужасом и предчувствием беды, которое трудно постигнуть разумом. Когда Аннаиг закончила рассказ, обе луны висели в розовеющем небе блеклыми ломтиками. Принц расправил плечи и направился в гардеробную, где его встретил заспанный камердинер Терц.

— Я отправляюсь ко двору! — заявил Аттребус.

Титус Мид за свою жизнь побывал во многих шкурах: он был солдатом в армии наемников, полководцем в Коловии, королем в Сиродииле и, наконец, императором. А кроме того, он являлся отцом Аттребуса.

Внешнее сходство императора и принца сразу бросалось в глаза: у обоих было худое лицо с волевым подбородком и зеленые глаза, лишь слегка крючковатый нос и светлые волосы Аттребус получил от матери. Титус мог похвастать гривой темно-рыжих волос, хотя теперь уже изрядно подернутых серебряной изморозью.

Расслабленно развалившись в кресле, император внимательно выслушал Аттребуса, снял корону, вытер испарину со лба.

— Чернотопье?

— Чернотопье, отец. Так она сказала.

— Чернотопье… — задумчиво повторит Титус, возвращая корону на голову. — Ладно, и что?

— Что «и что», отец?

— Зачем мы это обсуждаем? — Правитель повернулся к министру, невысокому пухлому мужчине с лохматыми бровями и блеклыми голубыми глазами. — Хьерем, вы можете сказать, зачем мы все это обсуждаем?

Министр коротко хохотнул:

— Понятия не имею, ваше величество! Чернотопье — заноза в нашей пятке, я бы сказал. Аргониане отказались от защиты. Пускай в таком случае сами справляются со своими невзгодами.

Некое чувство нахлынуло волной в душу Аттребуса — такое сильное, что в первый миг принц даже не смог в нем разобраться. А потом понял — это уверенность. Если раньше он еще сомневался — не являлась ли Аннаиг хитрой волшебницей, решившей душещипательным рассказом заманить его в смертельную ловушку, то теперь последние сомнения развеялись. Нет, она говорила правду. И он верил в ее искренность неосознанно, полагаясь на свои чувства.

— Вы и раньше знали об опасности? — В голосе принца звенели обвинительные нотки.

— Да, мы кое-что слышали, — ответил министр.

— Слышали… — пробормотал Аттребус. — Отец! Летающий город, армия ходячих мертвецов… Вы считаете, что нас это не касается?

— Ты же сам говоришь, они направляются на север, к Морровинду. К тому же черепашьим шагом. Таким образом, меня не интересует эта новость.

— Вам настолько неинтересно, что вы не хотите послать отряд для разведки?

— Я поручил Синоду и Колледжу Ворожбы заняться островом. Они непременно доложат, если что-то обнаружат, — заметил Хьерем. — Опытные дознаватели уже в пути, я уверен. А значит, нет ни малейшей надобности в военном походе. По крайней мере, до тех пор, пока не возникнет угроза для наших границ. И уж тем более не требуется личное участие наследного принца в разведывательном рейде.

— Но Аннаиг может подвергаться опасности! Кто знает, как долго она продержится?

— Выходит, все дело в девчонке? — прищурился министр. — Именно поэтому вы хотите отправиться в Чернотопье? Ради девчонки?

— Не смейте так со мной разговаривать, — с угрозой проговорил Аттребус. — Не забывайте, я ваш принц, в конце концов.

— Да при чем тут девчонка! — фыркнул император. — Это приключение. Это новая книга, которую о нем напишут, новая

песня, которую споют.

Кровь прилила к щекам принца.

— Отец! — воскликнул он. — Что вы такое говорите! По-вашему, опасность нас не касается, а я думаю, что остров превратит всех обитателей Чернотопья и Морровинда в армию живых мертвецов и натравит ее на нас. Каждый день нашего бездействия играет врагу на руку. Он становится все сильнее. Как вы думаете, лучше провести маленький бой сейчас или огромное сражение потом?

— Ты вздумал учить меня стратегии и тактике? — нахмурился император. — Когда-то я захватил этот город с тысячей бойцов, разбил нордлингов Эддара Олина с отрядом лишь вдвое большим. Я собрал эту империю из осколков и спаял их воедино. Не смей даже думать, будто я что-то упустил или чего-то не продумал!

— А кроме того, — добавил Хьерем, — вы не знаете природы летающего острова. Кажется, он прибыл из ниоткуда и возвратится, я думаю, в никуда.

— Слишком дурацкое предположение, чтобы я ему поверил!

— Если остров приблизится к любой границе нашей империи, мы будем готовы его встретить, — отрезал Титус Мид. — И ты не станешь его преследовать без моего разрешения. Это мое последнее слово.

Тон правителя не допускал возражений. Аттребус окинул пристальным взглядом отца и его министра, а затем отвесил самый небрежный поклон, на какой был способен, и, развернувшись на пятках, ушел.

За дверьми кабинета он остановился, пытаясь привести мысли в порядок и остудить охвативший его гнев. И почти достиг успеха, когда услыхал за спиной легкие шаги.

Обернувшись, принц увидел приближающегося к нему рыжеволосого молодого человека с тонким аскетическим лицом, покрытым веснушками, одетого в цвета имперской гвардии.

— Треб!

Через мгновение они сжимали друг друга в объятиях и вовсю похлопывали по плечам и спинам.

— А ты еще больше исхудал, Флориус! — воскликнул Аттребус. — Твоя мать тебя больше не кормит?

— Не совсем так! — со смехом отвечал офицер. — Последнее время меня не кормит твой отец!

— Да ты уже капитан! — Принц слегка отстранился, оценивающе разглядывая старого друга. — Мои поздравления!

— Спасибо!

— Мне не следовало уступать тебя отцу! Ты должен быть

рядом со мной!

— Как бы я этого хотел! — расплылся в улыбке Флориус. — Сколько лет прошло с нашего последнего приключения? Как сейчас помню, мы удрали на городской рынок…

— А потом телохранители отца притащили нас обратно за уши! — захохотал Аттребус. — Это я отлично помню! Но если не прочь повторить…

— Меня назначили командовать гарнизоном в Вотер-Эдж, — возразил капитан. — Но если вдруг я получу другое предписание…

— Я приеду и разыщу тебя! Только провидение знает, как я рад встрече с тобой, Флориус!

— Есть время пропустить по кружечке?

Аттребус вздохнул и покачал головой.

— Прости, не могу… Сейчас у меня наметилось одно очень важное и безотлагательное дело. Но я буду счастлив свидеться позже.

— Тогда до встречи!

Друзья разошлись в разные стороны.

Принц поспешил вернуться в свой особняк и около ворот повстречал Гулана.

— Ну и чем все закончилось? — спросил телохранитель.

— Собирай всех в моем загородном доме, — без каких бы то ни было объяснений приказал Аттребус. — Сегодняшний день на сборы, а завтра мы должны быть в пути. И запомни — строжайшая тайна!

— А стоит ли? — устало вздохнул Гулан. — Надо ли идти наперекор воле императора? Ты точно все решил?

— Мне не привыкать!

— Но его величество не так легко обвести вокруг пальца. Он наверняка установит за тобой слежку. Если уже не установил.

— Вот и еще один повод соблюдать осторожность. Распусти охранников, как будто я дал вам выходной день, но скажи, чтобы отправлялись к месту сбора по одному и тайно. А мы с тобой покинем дом через сточные трубы.

Нельзя сказать, что предложение обрадовало Гулана, но он подумал и кивнул.

Аттребус похлопал его по плечу:

— Выше голову! Вот увидишь, дружище, это будет самой блестящей нашей победой!

Глава вторая

— Ты — новый скроу, — сказал человек с вытянутым печальным лицом и рыжими волосами. Это не был вопрос — он утверждал очевидное.

Светло-Глаз кивнул, пытаясь получше рассмотреть нового знакомца. Больше всего тот походил на кого-то из народа Аннаиг, хотя и отличался желтоватым оттенком кожи и глаз. Одеждой ему служила такая же точно черная повязка, как и аргонианину.

— Меня зовут Светло-Глаз! — сказал ящер.

— Да? Можешь называть меня Вертом. Кто ты такой, Светло-Глаз? Они сказали, что тебе не нужно дышать парами.

Они миновали каменный коридор и вошли в небольшую пещеру. Из отверстия в стене лилась вода, быстрым потоком прыгала по камням и исчезала в провале посреди пола. Несколько светящихся глобул, прикрепленных к потолку, терялись в густых побегах окружавшего их папоротника. Стены и пол покрывала мягкая моховая подстилка. Светло-Глаз счел пещеру достаточно уютной.

— Эй, ты заснул?

Ящер понял, что не ответил на вопрос.

— Мой народ называет себя Саксхлил, — встрепенулся он. — Соседи зовут нас аргонианами. И я не совсем понял, что ты имеешь в виду, когда говоришь о парах?

— Ты не вышел из Клоаки Сущности, — задумчиво проговорил Верт. — Оттуда никогда не выходил никто, похожий на тебя. А что это значит? Значит, ты не из Умбриэля. Я угадал?

— Угадал.

— Тогда, рассуждая дальше, я делаю вывод, что ты один из тех двоих, кого недавно искали в пещерах.

— Они нас нашли.

— И сделали… Ну ладно… Трудно объяснить тебе, пришедшему откуда-то извне. Добро пожаловать в Клоаку Сущности! Отличное местечко для работы!

Верт захихикал было, но потом зашелся в резком сухом кашле и согнулся вдвое, прикрывая губы тыльной стороной ладони. Когда он отнял руку, Светло-Глаз заметил на коже кровавые следы.

— Пары, — немногословно пояснил Верт.

— Что еще за пары такие?!

— Ладно, сейчас расскажу. Мне сказали, ты можешь дышать под водой. А ни один из нас не может. Чтобы получить такую возможность, мы идем в желтую пещеру и какое-то время

вдыхаем пары. Потом можно нырять.

— И как надолго?

— По-разному… Чаще всего на несколько часов. Обычно этого хватает, чтобы закончить работу.

— А что мы будем делать?

— Это я тебе скоро покажу. Сначала я схожу, подышу парами, но после этого мне сразу нужно будет нырнуть, иначе я задохнусь. Тебе придется пока поплавать. Я не советовал бы тебе далеко забираться в одиночку. И пожалуйста, не пытайся убежать. Меня накажут.

Посмотрев в спину уходящему Верту, Светло-Глаз подошел к потоку и неторопливо опустился в него, позволив течению подхватить себя и увлечь. Мгновение спустя он оказался на мелководье — глубина не превышала человеческий рост. Пробивающийся сверху свет позволял оглядеться по сторонам.

Клоака Сущности оказалась круглым озером, расположенным в основании конической впадины. Умбриэль был где-то выше. Аргонианин подумал, что если бы вороны могли строить города, то от них следовало ожидать чего-то подобного — кособокого, вызывающего, тщеславного.

Ждать пришлось недолго — Верт появился в воде и жестом позвал Светло-Глаза за собой.

На отмели кипела жизнь: здесь были тонкие, гибкие стебли янтарного цвета с подобием ресниц на концах, колеблемые течением; плавающие существа, напоминающие странную смесь рыбы и бабочки; живые сети, состоящие из шаров, соединенных длинными нитями; многоножки длиной в руку; креветки размером с ноготь большого пальца.

Аргонианин замер, увидев мертвое тело. Точнее, вначале он заметил стайку серебристых рыбок, а когда те испуганно брызнули в разные стороны, то обнаружился труп темнокожей и темноволосой женщины. Кое-где сквозь обкусанную плоть проглядывали кости, а руки и ноги облепили черви. Вздрогнув от отвращения, Светло-Глаз отвернулся, но тут же увидел другую плотную стаю рыбешек, а справа еще одну, кружащую наподобие пчелиного роя.

— Они сбрасывают тела сверху или опускают в поток, который и выносит их сюда, — пояснил приблизившийся Верт. Под водой его голос звучал басовито и необычно.

— За что их убили?

— О чем ты? Скорее всего, они просто умерли, по разным причинам. Я могу только догадываться… Но здесь место, где все начинается и все заканчивается. Не совсем здесь, в Клоаке Сущности, а там… — он махнул рукой, — на ее дне. Здесь мы

собираем разные припасы для кухонь. Орхидейных креветок, живицу «редджем», побеги «инф». Кроме того, мы ловим рыбу. На глубине встречаются многозубы — ты с ними еще познакомишься. Твоя главная работа — на дне Клоаки Сущности. Тебе понравится! А теперь поплыли, я покажу тебе дно.

Они уходили все дальше под воду. Клоака Сущности представляла собой воронку, глубоко врезавшуюся в камень Умбриэля. В самом узком месте, внизу, аргонианин заметил вспышку призрачного света — иногда так горят морские волны по ночам.

— Что это? — удивился он.

— Это проход к инжениуму! — пояснил Верт. — Выгребная Яма заботится о наших телах, а инжениум — о наших душах и поддерживает существующий порядок. На твоем месте я держался бы подальше от него. Да и на своем тоже, если подумать!

«Вот и хорошо, — подумал Глаз. — Я уже обнаружил кое-что, о чем Аннаиг может смело рассказать принцу. Мне бы только с нею повидаться вначале».

Он искоса посмотрел на Верта. Кажется, это неплохой человек, но ради спасения мира им можно и пожертвовать. Желтокожий способен временно дышать под водой, но его неуклюжее тело не создано для плавания, и Светло-Глаз чувствовал, что убежать от него не составит ни малейшего труда. Даже убить, в конце концов, если будет путаться под ногами. Но удастся ли аргонианину скрываться от погони достаточно долго, чтобы разыскать Аннаиг и сообщить ей все, что узнал? Попробуй тут пробраться незамеченным, если ты один такой на Умбриэле. Значит, торопиться не следует. Не сейчас…

Для начала, решил Светло-Глаз, нужно собрать по возможности больше сведений, узнать все слабые места Умбриэля. Есть ли способ проникнуть в инжениум из Клоаки Сущности и повредить его? Можно ли вообще его повредить? Если да, то как?

Они проделали почти две трети дороги ко дну, когда Верт приблизился к полупрозрачным мешочкам, прицепленным к стенам воронки. Их там были сотни, а то и тысячи — всяческих форм и размеров. Они висели, прикрепленные, словно лягушачья икра, и вблизи Светло-Глаз различил внутри каждого мешочка силуэт, несомненно принадлежавший живому существу.

— Они скоро родятся, — проговорил Верт.

Охваченный любопытством аргонианин подгреб к мешочку и сквозь мутноватую пленку с удивлением различил очертания лица. Оно, казалось, еще не сформировалось окончательно — закрытые глаза, сглаженные черты. Но оно не выглядело детским

— это было лицо взрослого человека, только дрябловатого, словно без костей, и полностью лысого.

— Не понимаю… — протянул Светло-Глаз.

Верт улыбнулся, ловко схватил что-то, проплывающее мимо, и вручил ящеру. Тот с интересом смотрел на недлинного мягкого червя, который раздувался и сжимался в пальцах, всякий раз выбрасывая струйку воды из той части, которую можно посчитать хвостовой. И что в нем такого?

— Это изначальная форма, — сказал Верт. — Когда кто-то наверху умирает, инжениум призывает ее и наделяет душой. Тогда она возвращается сюда, прикрепляется к стене и начинает вызревать. В конце концов рождается один из нас.

— Да? — Ящер внимательно посмотрел на изначальную форму. — Вы все так рождаетесь? А как получается, что вы не похожи друг на друга? Откуда берутся различия?

— Ты задаешь забавные вопросы… — покачал головой Верт. — Никогда не задумывался. Мы — это мы… Так было всегда…

— И все так рождаются?

— Все. От лордов и леди до меня и… Ну, не тебя. Пока еще не тебя.

— А как они рождаются?

— Еще увидишь! Здесь теперь твое рабочее место, точнее, одно из них. Мы должны следить, не собрался ли кто-то из них вылупиться. Это легко заметить — меняется цвет мешочка, он начинает переливаться и блестеть. Тогда нужно быстренько схватить его, оторвать от стены и вытащить на отмель.

— А если мы не успеем?

— Тогда он умрет, едва родившись. Дышать под водой они не могут. Видишь, у нас очень важная работа! Ты должен гордиться, что ее поручили именно тебе. Собирать пищу наверху — слишком просто, поэтому тебе доверено следить за рождающимися…

Неожиданно Верт вздрогнул всем телом и скорчился. Светло-Глаз догадался, что его напарник кашлянул. Вода около рта и ноздрей желтокожего замутилась и окрасилась темным.

— Ты в порядке? — спросил он.

Верт медленно распрямился и кивнул.

— Почему пары так плохо на тебя влияют?

— А почему вода мокрая? Не знаю. Но скоро мне пора подниматься. Что-то мы задержались… Давай-ка быстро осмотрим рождающихся, и наверх!

Они начали потихоньку всплывать вдоль стены.

Тень, промелькнувшая по краю поля зрения, заставила Светло-Глаза обернуться — и прямо перед ним распахнулась

огромная пасть, наполненная зубами в несколько рядов.

— Зут! — отчаянно выругался ящер, рванувшись в сторону.

Рыба извернулась всем телом, следуя за ним. Вода вскипела от удара двух широких плавников.

Аргонианин смог оценить по достоинству ее размер: не меньше пятнадцати футов, и это без учета длинного, похожего на кнут хвоста. А ее зубы! Они заставили бы покраснеть от стыда любую акулу!

— Многозуб! — выкрикнул Верт. — Ты разозлил его!

Загребая руками и ногами, Светло-Глаз пытался поднырнуть под хищную тварь, но та не отставала, стараясь сцапать его за правый бок. Ящер изо всех сил полоснул по чешуйчатой морде когтями, целясь в глаза. Чудовище отшатнулось. Светло-Глаз, схватившись за плавник, запрыгнул многозубу на спину и плотно прижался, обхватив всеми конечностями.

«Попробуй теперь укусить меня!»

Но рыба не сдавалась, извиваясь в воде, как угорь на сковородке.

Верт взмахнул копьем, но удар хвоста отбросил его в сторону.

«Ах ты тварь!»

Многозуб кружил на месте с бешеной скоростью. Где верх, где низ?

От быстро сменяющихся картинок голова Светло-Глаза начала кружиться, руки и ноги дрожали от напряжения. Еще чуть-чуть, и он не удержится…

«Надеюсь, твое брюхо мягче спины…» — озлобленно подумал он, отпуская одну руку.

Потянувшись вниз, он попробовал разорвать когтями рыбий живот. Шкура многозуба подалась, но в этот миг запястье Светло-Глаза оказалось прижато широким плавником. Он отпустил вторую руку и, чувствуя, что соскальзывает со спины, повторил попытку.

Многозуб изогнулся дугой, стряхивая «наездника». Сброшенный непреодолимой силой аргонианин оказался ниже хищника. Вложив в удар всю силу и всю ненависть, он услышал, как рвется прочная кожа под его когтями. Рыбу окутало кровавое облако. Она отпустила руку Светло-Глаза и, потеряв к противнику всяческий интерес, кинулась наутек.

И тут аргонианин вспомнил о Верте.

Желтокожий скроу с закрытыми глазами завис в воде почти у самого дна. Его грудь судорожно вздымалась.

Взвалив безжизненное тело на плечи, Светло-Глаз мощными гребками рванулся к поверхности. Всей спиной он ощущал слабое подергивание утопающего.

Вот и живительный воздух. Вытащив Верта на отмель, аргонианин перевернул его вниз головой и держал до тех пор, пока из легких не перестала литься вода. Тогда человек открыл глаза и повел по сторонам диким взглядом. Попытался вдохнуть и не смог.

— Вернуть тебя под воду? — спросил Глаз.

Верт яростно замотал головой, но его движение можно было истолковать и как «да», и как «нет».

Мгновение спустя он задышал, вначале неглубоко и прерывисто, а потом все ровнее и спокойнее.

— Многозуб обычно не такой кровожадный… — пробормотал он, тяжело опираясь на плечо Светло-Глаза. — Они вообще редко нападают на нас. Наверное, ты здорово отличаешься от всех. А может быть, он напал потому, что обитатели Клоаки Сущности еще не запомнили тебя. Подумали, что ты враг. — Верт посмотрел на Светло-Глаза. — Кстати, спасибо. Я не смог бы выплыть самостоятельно.

— Я подумал, что ты собрался умирать.

— Переход всегда бывает очень тяжелым, — виновато произнес Верт. — Дышать под водой ты уже не можешь, а воздухом — еще не можешь. Тяжело. Кажется, будто сейчас задохнешься.

— Ужасно! — воскликнул ящер. — Неужели нет лучшего способа?

— Иногда лорды или леди снисходят до того, чтобы поплавать, и находят иные возможности. Но пары ничего не стоят, мой друг! Кроме того, нас рождается довольно много. Это ты пока один такой.

— Пока?

— Да. Клоака Сущности теперь знает тебя, а значит, скоро узнает и инжениум. Не удивлюсь, если довольно быстро здесь начнут резвиться скроу, очень похожие на тебя. И тогда тобой тоже перестанут дорожить.

Глава третья

Рассвет едва-едва окрасил розовым край небес, когда Аттребус, Гулан и Радаса выбрались к городку под названием Айон. Прохладный ветерок нес запах леса и росы. Где-то горланил петух, призывая кур покидать уютные насесты и выбираться во двор. Горожане просыпались, легкий дым плыл над крышами, щекоча ноздри.

— Так себе городок, — пренебрежительно заметила Радаса. — Смотреть не на что.

Аттребус кивнул. Айон не отличался красотой и живописностью. По большей части его составляли здания из серого камня, приземистые и невзрачные, лишь несколько деревянных домов украшала резьба. Даже маленькая часовня Дибеллы выглядела просто и безыскусно.

— Он слишком молод, — ответил принц. — Еще пятьдесят лет назад тут ничего не было. Ровное место. И знаешь почему?

В это время они поравнялись с городской площадью, и необходимость в пояснениях отпала сама собой.

Площадь представляла собой озерко расплавленного, а потом застывшего камня. Какой чудовищный жар растопил его? Две покосившиеся колонны, каждая около десяти футов высотой, торчали посредине, словно рога огромного быка.

— Да. Я видела такое и раньше. Это остатки ворот Обливиона.

— Совершенно верно! Они открылись внезапно, прямо посреди отряда солдат, которых отозвали с юга, чтобы укрепить гарнизон Имперского города. Больше половины из них, включая командира, погибли на месте. И всем бы им не сносить головы, но капитан по имени Терциус Айон сумел сплотить оставшихся в живых и отступить, сохраняя строй и порядок. Он мог бы быстро отойти к Имперскому городу, как и было приказано, но вместо того остался, призвав под свои знамена охотников и земледельцев из окрестных сел, а также горожан Пелл-Гейта. Он сумел сделать из мирных жителей настоящую армию, а потом вернулся и дал бой дейдра. Перебив всех прорвавшихся, они не остановились, а пошли дальше — прямо через врата.

— В Обливион?

— Да. Но Айон слышал, что врата в Кватче закрылись, а потому оставил часть войска здесь.

— Похоже, он закрыл и эти врата тоже.

— Они закрылись сами собой, но капитана Айона никто больше не видел. Один из его бойцов, босмер по имени Фентон,

появился спустя несколько недель, едва живой и наполовину спятивший. Он бредил и бормотал ерунду, но из его бессвязного рассказа следовало, что Терциус Айон и остатки его войска пожертвовали собой, чтобы дать босмеру возможность проскочить через врата. Фентон умер на следующий день, а солдаты ждали возвращения товарищей еще долгое время — пока врата не взорвались. Оставаясь на одном месте, люди стараются обустроить свою жизнь. Так по соседству появились простенькие укрепления и дома для ночлега. А когда не стало ворот, место сделалось относительно безопасным, и многие из армии остались здесь навсегда. Таким образом, начал расти поселок. — Аттребус раскинул вширь руки. — Поэтому мне нравится этот город. Он молодой. Он пропитан духом героизма, который составляет стержень каждого из нас. Здесь нет старинных зданий и вычурных статуй Первой Эры, но Айон — честный город, построенный отважными людьми.

— И у тебя тут дом?

— Охотничий домик в холмах за городом.

— О! Это настоящий охотничий домик! — сказала редгардка, входя во двор.

Что-то в ее тоне не понравилось принцу — возможно, легкая издевательская нотка. В самом деле, усадьба была довольно большой, построенной наподобие длинного дома древних нордлингов. Каждую балку, каждое стропило украшали резные фигурки драконов, быков, вепрей, насупленных суровых воинов и танцующих длинноволосых женщин.

— Я понимаю, — согласился Аттребус — После простоты Айона усадьба может казаться излишне роскошной. Мой дядя выстроил ее лет пятнадцать назад. Я частенько гостил здесь, и он завещал мне ее.

— Я не собиралась упрекать.

Все-таки он чувствовал, что она не совсем искренна, но, поразмыслив, решил не обращать внимания. Слишком много имелось других, более важных дел.

— Наши все собрались? — спросил принц у Гулана.

— Да.

— Снаряжение?

— На твоих складах запасов достаточно. Всего не увезти. Нам хватило.

Аттребус подъехал к ожидавшим его воинам. Вскинув руки, выкрикнул:

— Я рад видеть вас сегодня, мои братья и сестры по оружию! Да здравствует Империя!

— Империя! Империя! — воодушевленно отозвались воины.

— Сегодня мы отправимся навстречу неизвестности, друзья! Нам предстоит сразиться с мерзостью, которая ничуть не лучше врат Обливиона! Поход будет очень опасным, и я хочу, чтобы вы это знали!

— Что это, Треб? — прорычал Джоун, уперев здоровенные кулаки в бедра и выпятив тяжелый подбородок. Он был орком, но даже среди своей расы выделялся огромными размерами.

Лишь отзвучали его слова, повисла напряженная, настороженная тишина.

— Я знаю, нас всего пятьдесят два! — сказал Аттребус. — Но задолго до нас капитан Терциус Айон не побоялся войти в Обливион с еще меньшим числом бойцов. И он сумел закрыть врата. Империя ждет от нас подвига. Нас больше, мы обучены, мы отлично снаряжены. И у нас есть свой человек там, на чудовищном заколдованном острове. Он поможет нам найти кратчайший путь и подскажет, где у них самое слабое место. Поэтому мы победим, друзья!

— Мы с тобой, Треб! — закричал Гулан, а остальные подхватили его слова, но, как показалось принцу, радости в голосах его людей было маловато.

Не слишком ли много хочет он от них? Нет, они преданны и бесстрашны. Они пойдут за ним в огонь и в воду.

— Даю вам один час, чтобы подготовиться к походу! — приказал Аттребус. — А после выступаем!

Легкий ропот рассыпавшегося строя принц предпочел не замечать.

Трава еще искрилась капельками росы, а отряд уже вышел на Красную кольцевую дорогу, огибающую озеро Румар. На острове посреди вызолоченной рассветными лучами водной глади возвышался Имперский город — колесо в божьей колеснице. Часть белой крепостной стены скрывал сумрак — виднелись лишь три высокие и мощные сторожевые башни. Но их затмевала великолепная башня Белого Золота, вознесшая острый пик к небесам.

Аттребус заметил, что Радаса тоже смотрит на башню.

— Она стояла там до того, как был заложен город, — сказал он. — Гораздо раньше. Она настолько стара, что никто не знает, в какую эпоху возвели ее неизвестные зодчие и каково ее предназначение.

— У нее есть какое-то особое предназначение? — удивилась воительница.

— Понимаешь, я не ученый, не исследую башни…

— Я-то понимаю… В любом случае ты знаешь больше, чем я.

— Ну ладно. Некоторые считают, что башня Белого Золота и некоторые другие старинные башни, разбросанные по Тамриэлю, поддерживают равновесие мира… Ну или что-то вроде того. Другие полагают, что раньше, когда еще не погиб Дракон, башня могла защищать нас от вторжения из Обливиона.

— Как башни могут поддерживать равновесие мира?

— Я же этого не утверждал. — Аттребус собрал в памяти смутные отрывки знаний, которые пытались в него вложить учителя. — Они удерживают мир Мундуса от распада, от провала в Обливион. Так или иначе, все ученые единодушны: в башнях заключена некая сила. Но какая именно, никто не берется сказать наверняка.

— Ладно, оставим это! — Радаса пожала плечами. — Как ты намерен добраться до Чернотопья?

— Самым коротким путем. Сейчас минуем мост и пересечем Верхний Нибен. Оттуда — по Желтой дороге на юго-восток, пока не достигнем реки Серебрянки. Дальше придется идти по бездорожью.

Принц усмехнулся, радуясь возможности вновь очутиться в диких землях, испытать подзабытые ощущения…

— Жалко, что я мало знаю о Сиродииле, — вздохнула Радаса.

— Ничего! У тебя будет возможность пополнить свои знания.

— А этот человек… — спросила она после недолгого молчания. — Твой лазутчик на летающем острове. Как ты с ним разговариваешь?

— Ты мне не веришь?

— Конечно же, я тебе верю, мой принц Треб! Просто меня разбирает любопытство. У тебя есть магический шар, как в старинных преданиях?

— Что-то вроде того, — ответил он.

— Как все таинственно! — Воительница стрельнула глазами.

— Приходится. Иногда безопасность требует сохранения тайны.

— Само собой! — усмехнулась она.

В полдень отряд сделал привал, чтобы напоить коней. Неподалеку, заросшие кустарником и травой, возвышались руины Сардарвар-Лида, где древние эльфы, айлейды, когда-то безраздельно правили людскими племенами, словно домашней скотиной. Найдя укромное место, Аттребус вытащил из сумки металлическую птичку.

Заглянув в окошко, он увидел руки Аннаиг, вымешивающие что-то похожее на тесто. Дальше распахнулись вишнево-красные

пасти печей, вокруг которых роились демонического вида существа. Он не рискнул заговорить с девушкой, удовлетворившись сознанием того, что она жива и здорова. Его отец и Хьерем, конечно, правы по-своему, но права и Аннаиг. Она выбрала не кого-то там, а именно его, принца Аттребуса, потому что верила в него и именно к нему отправила Щебетуна. Девушка знала, что он прислушается к ее словам и сделает все, чтобы помочь, даже если придется пойти наперекор воле отца-императора.

Он не может ее подвести. Сегодня вечером, улучив время, они снова будут шептаться через лиги и он расскажет добрые новости — о том, что уже в пути.

Часом позже Аттребус все еще витал мыслями где-то вдали, когда вдруг раздался приглушенный хлопок и половина его людей вспыхнула, словно сухой камыш. Мгновение он смотрел на них отстраненно, будто на представление лицедеев. Прямо перед ним Эрес и Клау упали с коней, нечеловечески крича и пытаясь сбить ладонями синее пламя. Гулан одной рукой сдерживал пляшущего скакуна, а другой размахивал, словно тоже горел. Огня на нем не было, зато из спины торчали длинные иглы.

Лучники прицельно били из-за каждого камня, каждого куста.

Сообразив наконец-то, что их отряд угодил в засаду, Аттребус рванул меч из ножен, готовясь броситься в отчаянную атаку, как вдруг заметил в двух шагах Радасу с обнаженным клинком и выражением злобной радости на лице.

А потом клинок редгардки опустился на голову принца, и мир погрузился во тьму.

Отчаянно барахтаясь, он выбирался из черного омута забытья, карабкался, словно по скользкому склону. Иногда Аттребусу казалось, что он бодрствует, но эти мгновения наполняла боль и сменяющие друг друга бредовые картинки, кошмары, насланные странной прихотью Темной Госпожи.

Наконец он очнулся. Яркий свет резанул по глазам отточенным кинжалом. Пульсирующая боль угнездилась под черепом, разрывая мозг. На верхней губе и подбородке засохла кровь.

Принц лежал лицом в грязи. Один глаз закрывала тряпка.

Он попытался приподняться, но понял, что руки связаны за спиной. Перетянутые веревкой запястья горели.

Тогда он попробовал позвать на помощь, но вместо слов из пересохшего горла вырвалось лишь хриплое карканье.

— Очнулся? — послышался женский голос.

С огромным трудом Аттребус повернул голову и увидел

Радасу, которая, сидя под деревом, спокойно грызла яблоко. Рядом стояли привязанные лошади, а в нескольких шагах, переговариваясь вполголоса, сидели босмер и каджит, которых он никогда раньше не видел.

— Ты хотела меня убить, — сказал принц.

— Нет, не хотела, — беспечно откликнулась редгардка. — Я ударила плашмя. Это было несложно. Но жизнь твою я и впрямь загубила.

— Почему?!

— Если я расскажу, белый свет тебе станет не мил, — улыбнулась она. — Не советую задумываться об этом, Треб. Думать — вредно для здоровья.

— Что с остальными?

— С остальными? Ах да! Какая жалость… Довольно хорошим людям пришлось погибнуть ради тебя.

— Сколько? — прорычал он. — Сколько моих людей ты убила, предательница?

— Ну, если не считать меня… — Радаса сделала вид, что задумалась. — А ты, пожалуй, уже не считаешь меня своим человеком… Тогда я должна признаться честно — всех.

— Всех?!

— Да. И даже малыша Дарио. — Она слизнула яблочный сок с пальцев.

— Но он всего лишь мальчик.

— Тем не менее ушел в одном строю с остальными.

— Но почему? — Горло Аттребуса перехватил спазм, на глаза навернулись слезы.

— Я не могу сказать. Помнишь, ты говорил о маленькой тайне? У меня тоже есть свои тайны. Как и твоя птичка. — Редгардка ухмыльнулась. — Расскажешь, как она работает?

— Нет! Я убью тебя! — выкрикнул он, пытаясь разорвать веревки. — Ты слышишь? Я! Убью! Тебя! — Опираясь на плечо, он обратился к незнакомцам: — Она сказала вам, кто я? Вы соображаете, во что вляпались?

Каджит и босмер дружно расхохотались.

— Ладно! — махнула рукой Радаса. — Поболтали, и хватит. Усадите его на коня, друзья, и вперед!

Принц попытался оказать сопротивление, но в ушах зазвенели колокола, руки и ноги ослабели, и он обмяк в руках сообщников редгардки. Однако больше, чем ушиб, донимала одна-единственная мысль — как такое могло произойти? Почему с ним? Неужели погибли все его друзья?

Лошадь рысила по дороге, а его высочество трясся, перекинутый через седло, словно тюк с тряпками. Перед глазами

мелькала припорошенная пылью трава.

Конечно же, Радаса наврала с три короба. Гулан и остальные воины живы и, без сомнения, следят за ними. Может быть, кто-то и погиб, но большинство уцелели. Никогда Аттребус не терял в бою больше трети личной охраны, даже в Блинкерском сражении.

Значит, она солгала. Помощь придет. А его задача — выжить, пока не подоспеют друзья.

Но как долго он провалялся в беспамятстве? И где они сейчас едут?

На последний вопрос ответ нашелся довольно быстро. Кони шли по охотничьей тропе среди могучих дубов и ясеней. Роща располагалась на пологом склоне, значит, они покинули долину Нибена. Получается, без сознания он пробыл по меньшей мере несколько дней. Поразмыслив, Аттребус предположил, что они выбрались в Западную пустошь и направляются на юг.

Итак, куда же они ехали? Не спросить ли саму Радасу?

— Ты говорила, что загубила мою жизнь, — окликнул принц воительницу, едущую чуть впереди. — Что ты имела в виду?

— Я собираюсь тебя продать, — ответила она. — Одному моему знакомому каджиту. У него довольно необычные увлечения: например, он собирает таких людей, как ты. Он согласен заплатить в десять раз больше, чем мне пообещали за твое убийство, вот потому мы и едем в Эльсвейр. Это будет настоящий праздник, правда, для тебя — не слишком веселый.

— Радаса! — попытался увещевать ее Аттребус. — Но ведь это безумие! Многие люди знают меня в лицо. Они узнают меня, ты об этом не подумала?

— Видел бы ты свое лицо! — рассмеялась она. — После того удара тебя родная мать не узнала бы, так что я не рассчитывала бы на твоем месте… Да, и мы, конечно же, накинем тряпку тебе на голову. Там, куда мы едем, тебя увидит не много людей. И уж поверь мне, им будет наплевать, принц ты или золотарь.

— Мой отец заплатил бы за меня выкуп. И немалый, я считаю.

— Может, и заплатил бы. Но едва ли я после этого останусь в живых. Император — слишком сильный противник, а у него будет огромное искушение заманить меня в ловушку.

— Все его силы уже брошены на поиски, будь уверена.

— Очень сомневаюсь.

— Как только разыщут тела…

— Об этом можешь не волноваться. — Она хихикнула. — Обо всем позаботились.

— Почему ты смеешься?

— Вспомнила, что тебе не нравится обращение «мой принц».

Тебя должно обрадовать известие, что больше ты не услышишь его никогда в жизни.

Она пришпорила коня и помчалась по тропе широкой рысью. Лошадь принца, привязанная к ее седлу, понеслась следом.

Глава четвертая

Целый день после беседы с Аттребусом Аннаиг чувствовала себя немного уставшей от недосыпания, но довольной и радостной. Она очень рано приступила к работе, перебирая и описывая растения, животных и минералы, которые появлялись на ее столе каждое утро. Вдруг ее осенила свежая мысль. Девушка отодвинула от себя разбросанную по столешнице дребедень и окинула взглядом многочисленные комоды и сундуки, стоявшие вдоль стены кухни.

— Люк! — негромко позвала она.

Хоб выскочил из коробки, служившей ему убежищем в ночные часы.

— Люк… — ответил он, словно эхо.

— Люк, ты знаешь все, что находится в этих сундуках?

— Люк знает…

— Ты можешь найти что-нибудь по моей просьбе?

— Если Люк будет знать название…

— А если я не знаю, как оно называется?

— Тогда опиши — вкус, цвет, запах. Люк найдет…

Аннаиг подумала мгновение, а потом вытащила пузырек с эвкалиптовой настойкой, которую случалось применять раньше.

— Понюхай, Люк. Запоминай запах.

Хоб пошевелил широкими ноздрями.

— Я не знаю, как это называется, — пояснила девушка. — Но оно черного цвета и пахнет очень похоже. Я хочу, чтобы ты обыскал все ящики, полки, коробки и горшки. Приноси мне по чуть-чуть от всего, что окажется похожим.

— Да! Люк найдет! — пообещал хоб и убежал.

Аннаиг вздохнула, глядя ему вслед. Хорошо было бы предупредить, чтобы помощник приносил найденное тайком от поваров, но она не решилась: это могло дойти до Куиджн и вызвать вполне обоснованные подозрения.

Светло-Глаз, как ни крути, дал очень мудрый совет: снова составить зелье для полетов и с его помощью попытаться удрать. Когда Аттребус окажется неподалеку, у них просто не останется иного пути для спасения. Но снадобье может пригодиться и помимо того. Ведь надо что-то иметь на самый крайний случай? А способность летать уж точно окажется для врагов неожиданностью.

Вернувшись к работе, девушка успела разобрать и описать кучки с крахмальным корнем, шелковичными пиявками и ветками кипариса. И тут Люк принес бутылку. Осторожно

понюхав, она ощутила резкий травяной запах с примесью мяты.

— Не совсем то.

Хоб кивнул и убежал, а Аннаиг задумалась, вспоминая голос принца. Кажется, он поверил ей? Принц… Он говорил с нею, словно она была важной госпожой. Девушка всегда мечтала о подобной встрече, но и предположить не могла, что это произойдет на самом деле…

— При том что мы уже почти мертвецы, ты как-то слишком весело выглядишь, — громко произнесла подошедшая сзади Слир.

Девушка вздрогнула, вскочила на ноги. Сердце от неожиданности едва не выпрыгнуло из груди.

— Это от недосыпа… — начала оправдываться она. — Голова кружится и…

Она схватила перо и быстро сделала на пергаменте несколько заметок касательно свойств ивовой коры.

— Ты мне нужна! — заявила серокожая.

— Приятно слышать. Но, если ты помнишь, сейчас как раз то время, когда я должна разбираться в находках.

— Это поручение тебе дали еще до того, как нас назначили готовить пищу для лорда Джола, — отрезала Слир.

— Пожалуйста! — Аннаиг пожала плечами. — Поговори с Куиджн. Если она поменяет мои обязанности — я возражать не буду.

— Ты говоришь так потому, что уверена — я не решусь.

— Верно, — слегка усмехнулась девушка. — Но с другой стороны, лорду Джолу надоела кормежка, так ведь? Мы нуждаемся в чем-нибудь новом и необычном. Вдруг я найду, чем его удивить?

— Как бы не так! Оорол использовал всю эту дрянь, с которой ты возишься. Разве ему это помогло?

— Нет, потому что он ничего не смыслил в этих вещах. Так же, как и ты.

Слир нахмурилась и закаменела лицом. На миг Аннаиг испугалась — не зашла ли она слишком далеко? Но тут серокожая глубоко вздохнула.

— Ты права. Именно поэтому ты мне и нужна. Как часто я должна повторять, чтобы ты запомнила?

— Мы и так делаем общее дело.

— Тебя она не убьет, — покачала головой Слир. — Она нуждается в тебе.

— Она безумна! Ее поступки нельзя постичь при помощи обычной логики.

— Вот болтушка! — горько хохотнула серокожая. — Может

быть, ты и права. Но кое-что в ее поведении я способна предсказать. Например, если она услышит то, что ты сейчас сказала…

— Она не услышит, — твердо заявила Аннаиг.

Слир прищурилась.

— Вот как? Вчера ты выглядела измученной и сломленной — хоть сейчас в Выгребную Яму отправляй. А сегодня полна сил. Это ночью произошло что-то, о чем я не знаю? Ты с кем-то сошлась? Пафрекс, что ли?

— Пафрекс? Этот угловатый небритый детина?

— А может быть, ты обучила своего хоба? Хоть это и не принято…

— Хоба? — Девушка скривилась. — Но это же отвратительно!

— Отвратительно! — пропищал рядом Люк. — Что отвратительно?

Аннаиг почувствовала странный запах. Хоб протягивал ей бутылку с густой черной жидкостью.

— Хорошо, Люк, оставь, — отмахнулась она. — Принеси-ка мне во-он ту змею!

— Люк! — воскликнул хоб, запрыгивая на огромный стол, чтобы добраться до длинной гадюки, висящей на стене.

Слир сверлила ее подозрительным взглядом. Аннаиг сделала вид, будто не имеет к принесенной бутылке никакого отношения.

— Послушай! — вдруг сказала она. — Я помогу! У меня есть кое-какая идея…

— Что у тебя? Говори! — потребовала данмер.

Аннаиг приняла у хоба змею, осторожно схватив ее позади головы, несмотря на то что гад не подавал признаков жизни — большинство животных, доставленных на Умбриэль, были не живые, не мертвые, а как бы парализованные. Не замороженные, но будто впавшие в спячку. Их сердца не бились, но тела и не портились, сохраняя свежесть сколь угодно долгое время. От наложенных чар их освобождал имеющийся у Куиджн жезл. Вроде бы ей ничего не грозило, но Аннаиг предпочитала с опаской относиться к ядовитым тварям.

— В Чернотопье местные жители называют ее лунной змеей, — пояснила Аннаиг. — Когда она кусает, то впрыскивает яд. В большинстве случаев для человека это мгновенная смерть. Однако аргониане, как правило, выживают, а иногда даже дают себя кусать нарочно.

— Зачем?

— Они впадают в особое состояние, которое называют «дэрил». В переводе с их речи — удовольствие.

— Ага! Значит, это дурманящее зелье. У нас такие есть, но

употреблять их не принято. Обычно не принято. А кроме того… Мы ведь не собираемся отравить лорда Джола?

— Нет-нет! Я уверена, нам это не нужно. Яд — это всего лишь отправная точка. Из того, что мне рассказывал Светло-Глаз, я поняла: способность впадать в состояние «дэрил» развивается постепенно, по мере привыкания. И вы начинаете полнее чувствовать тончайшие оттенки звуков, запахов, вкуса.

— Ну, это неудивительно. Обычный наркотик.

— Погоди, послушай… Яд в крови аргониан преобразовывается в какое-то иное вещество…

— Если это еще одна попытка узнать, где твой друг, то повторяю — даже Куиджн не сможет его отыскать. Если, конечно, захочет, что вряд ли.

— Я знаю. — Девушка сглотнула комок, подступивший к горлу. — Мне вовсе не нужна кровь аргониан. Я просто объясняю на примере. И что хочу сказать — я могу создать «метагастрологик».

— Что это еще такое?

— Я вычитала в старинных книгах, что айлейды, жившие в глубокой древности в моем мире, использовали подобные вещества на пирах.

— Так все-таки это наркотик?

— Вроде того, но единственное его предназначение — усиливать вкусовые ощущения. Он не дает никаких видений и не замутняет сознания. Давай вспомним. Существует четыре основных вкуса: сладкий, кислый, соленый и горький. Правильно?

— Верно. Но для лордов низшего ранга, как Джол, существует еще мертвый, живой и эфирный.

— Правда? Очень интересно. — Аннаиг захотелось попросить серокожую подробнее рассказать об этих составляющих, но она побоялась потерять нить рассуждений. — Так или иначе, в хорошем блюде присутствует сочетание всех оттенков вкуса. Правильно?

— Да. Или их противопоставление.

— Так вот, с «метагастрологиком» в первом блюде будет сохраняться обычное сочетание, но, поскольку он останется на языке, то вкусы последующих блюд начнут изменяться. Сладости покажутся солеными, горькое — эфирным и тому подобное. И все это будет меняться произвольно, ни одно сочетание не повторится.

Слир смотрела на нее долго, потом ее лицо озарилось радостью понимания.

— И ты сможешь это сделать?

— Да.

— Нужно все очень тщательно продумать. Сочетания могут быть любыми, но они должны оставаться приятными для языка, какое бы изменение вкусов ни произошло.

— Да, — согласилась девушка. — Потребуется определенный опыт и мастерство повара.

— Хорошо. — Слир вздохнула, но уже без прежней обреченности. — По крайней мере, готовить такую пищу будет не скучно.

Аннаиг честно пыталась не глядеть в спину уходящей женщине, но не удержалась и украдкой бросила косой взгляд, когда та оказалась уже далеко. После, вознеся краткую молитву с благодарностью всем богам, она осторожно открыла бутылку и принюхалась.

— Тоже не то, Люк! Продолжай искать! Но я попрошу не приносить их сразу ко мне. Сейчас я буду очень занята работой. Пока прячь находки в своем сундуке.

— Люк понял. Люк сделает!

— Хорошо, но вначале разыщи повара и скажи ей, что мне нужно оживить эту змею.

— Люк сделает! — Хоб убежал, но очень скоро вернулся вместе с хобом Куиджн, который волок недлинный гладкий жезл.

Девушка положила змею на стол, прижала к ее шее острый секач и коснулась чешуи жезлом.

Как только гадюка резко шевельнулась, возвращаясь к жизни, Аннаиг налегла всем телом на секач, начисто отделив голову от шеи. Тело змеи, извиваясь и дергаясь, отлетело в сторону, чем вызвало возбуждение и крики хобов, а голову девушка подхватила двумя пальцами и тщательно перелила весь яд в стеклянный пузырек.

Увлеченная дальнейшей работой, она не заметила, как прошло несколько часов. Только почувствовав затылком чей-то пристальный взгляд, Аннаиг отвлеклась, обернулась и увидела внимательно наблюдающую за ней Куиджн.

— Повар?

— Почему твой хоб обыскивает все сундуки? Все, что там лежит, мне известно.

— Вам, но не мне, — спокойно ответила Аннаиг. — Если я должна угодить лорду Джолу, то позвольте мне тоже узнать, что же хранится в наших сундуках и комодах.

Лицо Куиджн не дрогнуло, но она с интересом посмотрела на снадобье, которое готовила Аннаиг.

— Я не совсем понимаю, что ты делаешь.

— Это пищевая добавка.

— Объясни.

Девушке пришлось во второй раз повторить, какими свойствами предположительно обладал «метагастрологик». Куиджн слушала, склонив голову к плечу.

— Другими словами, ты занимаешься готовкой, — сказала она наконец. — Тогда как я поручила тебе описание составляющих.

— Да, повар.

— Значит, ты работаешь по собственному желанию, а не выполняешь мои поручения?

— Да, повар. Но Слир очень волнуется.

— Слир? Выходит, Слир поручила тебе готовить снадобье?

— Нет, повар. Я сама… Это моя идея. Вчера вечером мы потерпели неудачу. Я не хотела, чтобы это повторилось.

— Нет, конечно же нет… — рассеянно пробормотала Куиджн. Судя по пустому взгляду, ее мысли были уже далеко-далеко. — Продолжай. Только знай, если лорду снова не понравится ваша работа, я убью Слир, а тебе отрублю одну ногу. Согласна?

— Это ваше право, повар.

— Я не шучу. Не думай, что это шутка.

— Я не думаю, что это шутка, повар.

Приготовленную еду унесли наверх, и Слир медленно побрела прочь. На ее лице явственно отражался страх. Аннаиг тоже ушла, улучив мгновение, чтобы посмотреть на медальон, но он оставался темным. Тогда девушка отправилась в свою комнатушку отдохнуть.

Но вскорости к ней вбежала Слир.

— Поднимайся! — закричала она с порога. — Пойдем со мной.

Аннаиг торопливо шла за поваром по извилистым коридорам, через кладовые и помещения, похожие на винные подвалы — их заполняли тысячи бутылок с разноцветными жидкостями.

— Сюда! — Слир указала на отверстие в стене, лишь отдаленно напоминающее дверь.

С трудом протиснувшись в узкий проход, девушка попала в маленькую рукотворную пещеру. Сверху, через узкую шахту, устремленную к поверхности, проникал свет.

Данмер вручила ей бутылку и корзину, от которой шел приятный запах съестного.

— Ему понравилось! — сказала она прерывающимся голосом. — Он даже послал одного из слуг, чтобы поблагодарить меня. — Слир потупилась. — То есть нас.

— Хорошие новости!

— Их нужно отпраздновать! Попробуй вино.

Напиток понравился Аннаиг с первого глотка — это было сухое вино с легким анисовым ароматом. А в корзине лежали рулеты с начинкой из мяса — ну или чего-то на него похожего.

— Что это? — спросила девушка, указывая на рулет, который только что надкусила.

— Орхидейная креветка. Они живут в Клоаке Сущности.

— Вкус восхитительный!

— Мы готовили их для слуг лорда Приксона к вечерней трапезе. Но я оставила немного и для нас.

— Спасибо!

— Да-да… Поешь. Выпей чуть-чуть…

— Что слышно от Куиджн?

— Она пока молчит. Но наш успех способствует и ее возвышению тоже. Лорд Джол уже задумывался — не обратиться ли к другой кухне? А когда лорд отказывается от услуг какой-то кухни, главного повара обычно меняют. Мы одержали маленькую победу, а значит, Куиджн увидит нас в другом свете. Возможно, мы получим некоторые привилегии.

— Какие?

— Ну… Как я могу предположить, доступ к самому лучшему сырью, меньше слежки. Или, например, за нами не будут наблюдать ночью.

Аннаиг почувствовала, как кровь прилила к ее щекам.

— Ах, Слир…

— Не льсти себе, — усмехнулась серокожая. — Я лишь подумала, возможно, тебе понравится приходить сюда чаще. Смотреть на небо. И не спать в шумной вонючей общей пещере. Я люблю здесь бывать, сидеть в одиночестве. Вряд ли кто-нибудь знает о моей привычке. Только я не смею это делать слишком часто.

— Тогда хорошо, — улыбнулась Аннаиг. — Это меня устраивает.

После первой бутылки вина Слир стала говорить свободнее.

— Я кое-что слыхала о твоем друге, — доверительно произнесла она.

Девушка поперхнулась и закашлялась.

— Правда? О Глазе? С ним все хорошо?

— Он в Клоаке Сущности.

— Что? — охрипшим голосом шепнула Аннаиг. Дурное известие поразило ее словно молния.

Но Слир широко улыбнулась.

— Нет, ты не о том подумала. Он не умер — он работает в Клоаке Сущности. Парень, который принес креветки, рассказывал

о нем. Ты знала, что он может дышать под водой? Все работники Клоаки Сущности и Выгребных Ям только о нем и говорят.

— Конечно, я знала. Все аргониане могут дышать под водой. А он — аргонианин.

— Опять ты используешь непонятные и бессмысленные слова. Там, внизу, все похожи на него?

Аннаиг вспомнила резню в Лилмоте.

— Да, я думаю… — удрученно сказала она.

— О! Это любопытно и занятно!

— Никогда не смей… — яростно начала девушка, но вовремя себя одернула. Ей нужно следить за словами. Одно неосторожное высказывание, и ее замыслы будут раскрыты. А мыслей о том, чтобы остановить Умбриэль, ей здесь не простят.

Слир спокойно ждала.

— Ты когда-нибудь бывала выше? — неожиданно для себя спросила Аннаиг.

— Во дворцах? Нет. Но я мечтаю туда попасть. — Данмер нахмурилась. — Что это? — Она указала пальцем вверх, на малюсенький кусочек ночного неба, открывающийся их взорам.

Девушка вздохнула.

— Это звезды. Ты никогда раньше не видела звезды?

— Нет. А что это?

— Все зависит от того, кого ты спросишь или какую книгу прочитаешь. Некоторые утверждают, что это крошечные отверстия в мире Мундуса, а тот свет, что мы видим, не что иное, как внешний эфир. Другие полагают, что это части Магнуса, создавшего наш мир.

— Они красивые.

— Да. Это верно…

Потом они ели, пили вино, беседовали о том о сем. Впервые с того момента, как попала на Умбриэль, Аннаиг снова почувствовала себя обычным человеком. Когда Слир, устав после трудного дня, свернулась на подстилке, с головой накрывшись одеялом, девушка снова открыла медальон.

Ничего…

Это могло означать только одно — Щебетун больше не с Аттребусом.

Больше часа она ждала, надеясь, что принц все-таки ответит, но, так и не дождавшись, забылась в тревожном сне.

Глава пятая

Лежавшие на траве трупы показались Колину похожими на сломанные куклы, разбросанные капризным ребенком. Он не мог никого из погибших представить живым, дышащим, говорящим, смеющимся, даже не мог посочувствовать тем, кто умер самой худшей смертью, — некоторые тела обуглились до неузнаваемости. Наверное, ему полагалось расстроиться или испугаться, но не получалось.

«Отлично, принц, — подумал он. — Мои поздравления. Отлично сработано, ваше высочество!»

— Не приближайтесь к телам! — приказал он королевским гвардейцам. Его люди в подобных предостережениях не нуждались — все как один мастера своего дела, не то что эти военные. — Поставьте дозоры на дороге и в лесу вокруг. Останавливайте любые повозки, задерживайте всех пешеходов и всадников, которые попытаются здесь проехать. Скажите своим, что на лагерь напали людоеды и нам потребуется время, чтобы во всем разобраться.

Он нахмурился и продолжал отдавать распоряжения.

— Джерринг! Ты будешь искать свидетелей. Нужно опросить всех, в каждой лачуге, в каждой окрестной усадьбе. Хэнд! Ты идешь к Вратам Одинокого и в Пиллз. Хьюлам! Ты возьмешь на себя Свитвотер и Истбридж. Соблюдайте осторожность. Покрутитесь в тавернах, послушайте, что болтают люди. Ну вы знаете, что нужно делать.

Сыщики кивнули почти одновременно.

— Да, инспектор!

Помощники ушли, а Колин продолжал осматривать местность.

Многие убитые погибли от стрел. У тех, кто не умер сразу, обнаружились ровные, сделанные умелой рукой разрезы на горле. Остальных погубило, по всей видимости, колдовство. Любопытно, что нападавшие потерь не понесли или сумели забрать тела своих.

Стрелы… Такими стрелами пользовались вояки из повстанческой армии графства Скингард, которые называли себя «Туземцами». На многих телах остались следы издевательств, что входило в обычай бунтарей-головорезов.

Колин наклонился над одним из трупов, обгоревшим, но не полностью обугленным, как другие. Одежда и драгоценности остались на месте — особенно бросался в глаза красивый перстень. А вот голова отсутствовала.

— Слишком просто. Слишком прозрачно… — пробормотал он.

Инспектор узнал перстень. Раньше он принадлежал наследному принцу Аттребусу.

Вроде бы все сходится. Конечно же, для «Туземцев» голова его высочества — самый желанный трофей. Но почему тогда они оставили перстень?

— О милосердные боги! — вздохнул кто-то рядом. — Это же принц!

Сдерживая всколыхнувшуюся ярость, Колин обернулся и увидел капитана Пандуса, застывшего с открытым ртом и выражением безмерного отчаяния на лице.

— Капитан! — зарычал инспектор. — Я же просил, чтобы никто не приближался к телам!

— Я — старший офицер! — Пандус покраснел. — Я командую отрядом! Да кто ты такой, что позволяешь себе кричать на меня и распоряжаться моими гвардейцами!

— Вы командовали отрядом, пока мы не нашли трупы! — отчеканил Колин. — Теперь приказы отдаю я.

— По какому праву?!

Сунув руку в заплечный мешок, Колин вытащил небольшой свиток и ткнул им в лицо капитану.

— Подпись императора, я надеюсь, вы знаете?

Глаза Пандуса вылезли из орбит. Он торопливо закивал.

— Вот и отлично. Тогда проследите, чтобы ваши люди тщательно выполняли мои приказы. И очень прошу вас: посоветуйте им помалкивать о том, что здесь увидели. Кстати, к вам это тоже относится.

— Слушаюсь, сэр! — гаркнул капитан.

— После того как я все осмотрю, нам понадобятся повозки. Много повозок, чтобы увезти все тела за один раз. Да… Их нужно будет чем-то накрыть. Попробуйте раздобыть в соседних селах. И повторяю — ни слова.

— Слушаюсь, сэр! — Капитан развернулся, как на плацу, и направился к гвардейцам.

Еще несколько мгновений Колин ждал, успокаивая дыхание и смиряя сердцебиение, а потом, глубоко сосредоточившись, нашел в себе искру, принадлежащую не земному миру, но Эфиру — океану чистой и полной силы.

В этот раз ему повезло — сила далась легко и без обычного сопротивления. Вот если бы требовалось прибегнуть к огненному чародейству или заклинаниям хождения по воде, то усилий было бы не избежать, пришлось бы собирать в кулак всю волю, приближаясь шаг за шагом к желаемому результату, да и будет

ли он еще, этот результат? Для того же, что он задумал сейчас, оказалось достаточно отгородить разум от внешнего мира и сосредоточиться на неприметном обломке скалы, который торчал из земли в паре шагов.

Краски дня потускнели и расплылись. Сперва Колин подумал, что старался напрасно и ничего не вышло, но потом из сумрака проступили два неясных очертания человеческих тел. Одна — женщина, второй — мужчина, примостившийся у подножия древесного ствола.

Вначале Колин подошел к мужчине — всего два шага. Сыщик чувствовал, что не в состоянии долго удерживать искру, а потому торопился.

— Ты! — строго обратился он к тени. — Слушай меня!

Пустые глаза повернулись к нему.

— Помоги мне… — прошелестел призрак. — Мне больно…

— Помощь скоро будет, — не моргнув глазом, солгал Колин. — Ты должен мне сказать, что здесь произошло.

— Мне тяжело… Пожалуйста…

— Ты приехал сюда с принцем Аттребусом! — настаивал сыщик.

Тень резко рассмеялась.

— Помоги мне встать! Я хочу домой! Как я хочу вернуться домой! Это будет прекрасно…

— Кто причинил тебе боль? Отвечай!

— О боги! — Мужчина тяжело вздохнул и прислонился головой к шершавому стволу, но через мгновение вновь завел свое: — Помоги… Мне больно…

Колин ощутил волну гнева на это жалкое создание.

— Ты — мертвец! — повысил он голос. — Так веди же себя достойно!

Дрожа от ярости, сыщик перешел ко второму духу.

— Что ты мне скажешь? — резко спросил он. — Отвечай!

— Ты все и так видишь… — ответила женщина. — Твой выговор… Ты — коловианец, как и я?

— Да. Откуда ты родом?

— Я родилась около Мортала, немного ниже по реке.

— Хорошее место. — Колин почувствовал, как гнев отпускает его. — Мирное, тихое. Ивы у воды…

— Вокруг моего дома тоже были ивы, — вздохнула она. — Я никогда больше не увижу их.

— Я очень сочувствую, — мягко сказал Колин. — Ты правда никогда их не увидишь.

Тень кивнула.

— Послушай меня! — Молодой человек перешел к делу. —

Мне нужна твоя помощь.

— Если я могу помочь…

— Ты помнишь, что здесь произошло? Кто напал на вас? Что ты помнишь?

— Я вспоминаю. — Она прикрыла глаза. — Мы ехали с принцем. Очередная его выдумка — добраться до Чернотопья, чтобы спасти наш мир. Здесь мы угодили в засаду. Аттребус… Я знала, что рано или поздно погибну из-за его тяги к приключениям. Он тоже мертв?

— Не знаю. Я думал — ты знаешь.

— Я не видела. Меня охватил огонь, а потом… Потом я умерла. Даже не успела схватиться за оружие.

— Зачем вы шли в Чернотопье?

— Принц что-то услышал о летающем городе и армии восставших мертвецов. Я не выясняла подробности. К чему? Обычно все его походы были довольно безопасны. Так, прогулки и не больше, если ты понимаешь, о чем я.

— Император запретил ему идти. Он не послушался.

— Мы не знали, правда ли это. Возможно, запрет отца — лишь часть игры. Так бывало раньше. — Она покачала головой. — Мне жаль, что я не могу тебе помочь. Правда жаль.

— Ты помогла мне, — улыбнулся Колин и снова взглянул на следы резни. — Как ты думаешь, вы останетесь здесь?

— Не знаю. Я раньше не была мертвой ни разу. Но мне кажется, мы здесь не задержимся. Я чувствую силу, которая все настойчивее увлекает меня прочь отсюда. — На губах призрака заиграла грустная усмешка. — Может быть, мне дали время, чтобы поговорить с тобой?

— Ты боишься?

— Нет. В этой силе я не ощущаю зла. — Она подняла голову. — Приятно было напоследок поболтать с соотечественником.

— Мне тоже.

— Когда в следующий раз увидишь иву, вспомни обо мне.

— Я обещаю.

Тень снова улыбнулась.

Колин шагнул назад.

Ярко вспыхнуло солнце. Заиграла красками поляна, на которой лежали сломанные куклы — убитые спутники принца.

Сыщик услышал звон в ушах и не сразу осознал, что это всего-навсего щебетание лесных пичуг.

Желудок свело от голода. Все-таки обращение к силе далось нелегко. И он отправился поискать съестного, а заодно выслушать донесения подчиненных.

Глава шестая

— Дрейг пропал, — сказала Тцани Радасе. Ее золотистый хвост подергивался, выдавая волнение. — Действительно пропал.

Аттребус клевал носом в седле и слушал их краем уха. Он очень рассчитывал, что его примут за спящего и выболтают что-нибудь интересное, какие-нибудь сведения, которые он смог бы обратить себе на пользу.

На второй день пути он сумел сосчитать похитителей. Насколько мог заметить принц, его охраняли восемь человек. Четверо сопровождающих постоянно ехали рядом и еще четверо время от времени уезжали в дозор: впереди, сзади и по обе стороны от тропы. Радаса всегда находилась в пределах видимости, а остальные сменяли друг друга.

Через неделю Аттребус уже знал всех в лицо и по именам.

Четверо каджитов: первая и, по всей видимости, главная среди них — Тцани, а кроме нее — Ма-фват, Джайс и Шарва. Бретонка Эмилия с льняными волосами. Однорукий орк, имеющий вполне ожидаемое прозвище — Урмук Однорукий. Отсутствующую конечность ему заменяла железная, прикрепленная к культе ремнями. И последний — пропавший Дрейг, тот самый босмер, которого принц увидел, когда пришел в себя после нападения на дороге.

Радаса ничего не ответила, только дернула коня за узду, увлекая его по крутому спуску. Предыдущие несколько дней они поднимались на гряду холмов, но теперь начался спуск, густой лес и пышные луга Западной Пустоши перешли в чахлые дубы и жесткую высокую траву. На южных склонах деревья больше походили на кусты, за исключением речных берегов и редких заводей, а между рощами по-прежнему расстилалась степь.

Настроение Аттребуса понижалось вместе с местностью. Судя по всему, они уже въехали в Эльсвейр, и теперь едва ли друзья смогут отыскать принца — мало кто из них забирался так далеко на юг. Народ людей-кошек не слишком-то дружил с Империей, от которой отделился лет сорок назад. Любой отряд вооруженных людей, пересекший границу, они могли посчитать захватническим.

Но услышанное известие зародило в принце надежду.

К тому времени, как они приступили к обустройству лагеря на ночь, стало окончательно ясно — Дрейг, по всей видимости, не вернется. Предположения высказывались разные.

— Думаю, тролли, — предположила Радаса. — Все холмы ими провоняли.

— Не могу представить, чтобы Дрейг сцепился с троллем, — возразила Шарва, — или с кем-нибудь в этом роде… Он слишком осторожный. Скорее всего, он решил, что наше дельце становится слишком опасным.

— Мы должны были убить его. — Тцани кивнула на принца. — За это нам заплатили, а мы не выполнили свою часть договора. Теперь у нас два могущественных врага: император и наш заказчик.

— Не беспокойся. Все будут думать, что он убит, — отмахнулась Радаса. — Незачем волноваться.

— Ну, меня-то можно соблазнить деньгами. Но Дрейг — настоящий воин.

— Ладно, — редгардка нехотя кивнула, — можешь вернуться и посмотреть по следам, что с ним.

— Согласна. Мы заедем в Риверхолд?

— Ты в своем уме? Он кишит имперскими агентами, как шкура бродяги вшами. Нам пришлось бы завязать его высочеству рот, а это, согласитесь, привлечет ненужное внимание. Нет. Есть маленький торговый городишко в нескольких милях к западу, Ширалн. Ма-фват и Джайс поедут туда, продадут коней и купят сларджеев и припасы.

Последней гряды холмов они достигли перед закатом.

Аттребус смотрел на равнину Энекуина, протянувшуюся до самого горизонта. Он всегда представлял Эльсвейр как засушливую, безжизненную пустыню, но везде, куда падал взгляд, зеленела трава. Высокая трава, к которой он уже привык в степях плоскогорья, перешла в короткую и жесткую, но все же никак не напоминала нарисованный воображением песок. Кое-где виднелись ручьи, обрамленные пальмовыми рощами, чьи широкие ветви плавно колыхались под легким ветром, сребролистыми пирамидальными тополями и густыми зарослями тамариска. В отдалении паслось стадо рыжих длиннорогих быков.

Вдалеке на востоке виднелся Риверхолд, стоящий на пересечении трех дорог — пыльных даже издалека. Шафранно-желтые стены не выглядели очень высокими. За ними виднелись купола и башни — блекло-голубые и кремовые, ярко-алые и охряные, золотые и пурпурные, издалека похожие на столпившихся в тронном зале придворных, разодетых в пух и прах. Старый город казался роскошным и пресыщенным.

Аттребус пожалел, что они не заедут туда.

Вместо этого они последовали замыслу Радасы — козьей тропой миновали рощу и на берегу быстрого ручья расседлали коней. Ма-фват и Джайс забрали скакунов и отправились на торжище.

— Ты бы искупался, ваше высочество, — посоветовала принцу Радаса. — А то пованивать начинаешь.

— Думаешь, легко купаться со связанными руками?

— Обещаешь вести себя хорошо?

— Да! — воскликнул Аттребус, хотя его сердце забилось чуть-чуть чаще в предчувствии скорого освобождения.

— Поклянись своей честью, что не попытаешься улизнуть.

— Клянусь своей честью.

Редгардка пожала плечами и, зайдя сзади, разрезала веревки, стягивающие его запястья.

— Давай. Иди мойся.

Принц избавился от зловонной одежды; под пристальным взглядом он немного стеснялся, хотя не понимал почему. Радаса видела его голым, даже помогала раздеться. Что же его смущало сейчас? Решив поразмыслить об этом позже, он махнул рукой и решительно вошел в воду.

Прикосновение к телу холодных струй доставило ни с чем не сравнимое удовольствие. Аттребус погрузился в волны до подбородка и отбросил все мысли.

Пожалуй, прошло не менее получаса, прежде чем он открыл глаза. К тому времени в лагере кроме него осталась лишь Радаса — она сидела, привалившись спиной к дереву, и казалась глубоко погруженной в раздумья.

Между ними, сваленные грудой, лежали доспехи и оружие. Его меч, Высверк, торчал из кучи рукоятью вперед.

Без малейших колебаний Аттребус направился прямо к оружию. Радаса видела его, но, казалось, не воспринимала серьезно до тех пор, пока его пальцы не сомкнулись на рукояти меча. Тогда она медленно поднялась на ноги.

— Ты же поклялся. Своей честью.

— Я поклялся, что не попытаюсь убежать, — поправил ее принц.

Редгардка медленно потянула из ножен клинок.

— Ах да… Я вижу.

Он пошел по кругу, внимательно наблюдая за ней. На воительнице не было брони, а значит, они в равных условиях. Посмотрим, кто кого. Ведь они бились в учебном поединке, и он победил.

Аттребус сделал обманное движение, но Радаса даже бровью не повела. От его выпада она уклонилась, шагнув назад, потом качнула корпусом вправо, и принц догадался, что сейчас она атакует его косым сильным ударом.

Дождавшись начала движения, он шагнул вперед, выставляя свой клинок навстречу ее мечу…

Редгардка ловко изменила направление удара, и меч Аттребуса провалился в пустоту. Увидев устремленную к его бедру сталь, принц попытался отпрыгнуть, но понял, что не успевает, и парировал выпад клинком.

Однако атака воительницы оказалась ложной. Проскользнув мимо его меча, она внезапно подступила вплотную. Ее левая ладонь сомкнулась на его запястье, а потом, неожиданно для самого себя, принц шлепнулся лицом вниз в жесткую траву. Высверк отлетел на несколько футов и запрыгал по земле.

Радаса с улыбкой поднялась.

— Хочешь попробовать еще раз?

Рыча от ярости, Аттребус поднял меч и кинулся на нее, вкладывая в удар всю силу.

Острие ее клинка легко коснулось кадыка принца.

— Может, еще разок?

От косого удара в голову она ушла легким полупируэтом, подсечкой свалив принца на землю. Пинком выбила из ладони меч.

— Ты… — прохрипел Аттребус. — Ты тогда проиграла нарочно!

— Наконец-то догадался.

Принц встал, расправил плечи.

— Тебе придется меня убить.

— Нет. Не хочу. Оглушу тебя еще раз, пожалуй.

— Зачем? Зачем ты это сделала? Для развлечения?

Ее привлекательное лицо искривилось от злости, на мгновение став уродливым.

— Мне нужно было попасть в твой отряд. Хотя я очень не люблю проигрывать, а тем более притворяться проигравшей.

— Тогда зачем? Зачем ты притворялась?

— Я выполняла приказ, мой принц.

— Приказ твоего нанимателя? Чтобы попасть в число моих телохранителей?

— Приказ Гулана, придурок ты эдакий! — Она закатила глаза. — Разве ты еще не понял? Ты ни разу в жизни не сражался в честном бою. Ты никогда не рисковал жизнью по-настоящему. Все твои победы подстроены. Все это была игра, мой принц. Вплоть до сегодняшнего дня.

Аттребус внезапно понял, что открыл новую сущность Радасы. Жадность, лживость, вероломство — это все цветочки. Сейчас она выглядела совершенно безумной.

— Ну конечно… — сказал он. — Кто бы сомневался? Я тебе не верю. Ты ненавидишь меня, хоть я и не знаю за что. Я ведь не делал тебе зла. Принял на службу…

— Я ненавижу не тебя! — воскликнула она. — Я ненавижу твой титул и твой выдуманный образ героя. Может быть, ты и не виноват — все это устроили для тебя другие люди. Но если бы ты, мой принц, взял на себя труд хоть чуть-чуть подумать головой, ты бы догадался. Тогда ты мог бы сделать попытку вырваться за пределы твоего маленького самовлюбленного мирка…

— Ты пробыла в моем отряде всего два дня. Что ты можешь знать обо мне?

— Я немало поболтала с твоими людьми, Аттребус! Все они твердили одно и то же. Они что, сговорились? Возможно ли это? Ты млел от сознания того, что все они — твои друзья, лучился высокомерием, изображая благодетеля и рубаху-парня, не чуравшегося дружбы с подчиненными. А они смеялись за твоей спиной. Да, ты неплохо платил своим телохранителям, но — во имя задницы Боэты! — как же это злило меня!

Неприятный холодок разлился у Аттребуса пониже грудины.

— Это неправда, — твердо заявил он. — Мои люди любили меня.

— Да они издевались над тобой! Самый слабый из бойцов стоил в драке троих таких, как ты! Ты в самом деле считал себя героем, воспетым в преданиях, книгах, балладах? Правда верил, что в сражении у Догтротского моста против каждого из вас стояло десять врагов?

— Некоторые летописцы склонны к преувеличениям. Но в целом тот бой описан верно. Разве я виноват, что некий бард в Чейдинхале ошибся в подсчете численности войск? Но ведь мы победили!

— У Догтротского моста вы сражались с отрядом вдвое меньшей численности, чем твой! И не были они никакими повстанцами! Против тебя выставили сброд, осужденных воров и мелких жуликов, которым пообещали свободу, если они сумеют просто выжить.

— Врешь!

Кровь пульсировала в висках, вызывая головокружение. Аттребус привалился плечом к стволу дерева.

— Что, начинаешь понимать? — не унималась Радаса. — Должен сообразить, если под твоим черепом скрывается хотя бы половина мозгов твоего отца.

— Замолчи… — прошептал он. — Замолчи. Я понятия не имею, зачем ты все это высказываешь мне, но я не хочу больше слушать. Убей меня, свяжи меня, засунь в мешок, но только замолчи, во имя Предназначения!

Воительница подняла бровь, опираясь на меч.

— Да неужели? Ты вздумал командовать мною, слабак?

Принц кинулся на нее с голыми руками, завывая, словно дикий зверь.

И мгновение спустя опять очутился на траве.

— Если по счастливой случайности, — Радаса наступила ему на горло, — ты смог бы меня убить… А это вряд ли… Так вот, Урмук и Шарва все время наблюдали за нашей беседой.

Еще пока она говорила, орк и каджитка вышли из бамбуковых зарослей.

Жесткая подошва убралась с его шеи. Принц повернул голову и увидел на берегу ручья еще одно действующее лицо. К ним целенаправленно шагал горбоносый незнакомец, данмер, судя по серой коже и красным глазам. С чего это он выбрал для прогулок это место?

— Эй, ты! — выкрикнула Шарва. — Что тебе на…

Не останавливаясь, данмер выставил ладонь с растопыренными пальцами, вокруг которой вдруг вспыхнул ослепительный белый свет.

Шарва дико взвыла — такой муки в голосе каджитов Аттребус не слышал никогда ранее.

Радаса коротко ударила принца в скулу носком сапога. В глазах вспыхнули искры, голова дернулась. Сдерживая рвущиеся наружу слезы, Аттребус поднялся на четвереньки.

Как раз вовремя, чтобы увидеть, как Урмук Однорукий лишился второй руки. Длинное медно-красное лезвие незнакомца легко смахнуло орку кулак и тут же вывернулось, будто живое, отразив смертельный выпад Радасы. Урмук шагнул назад, натыкаясь на Шарву, которая еще стояла, несмотря на валивший от рыжей шкуры дым.

Радаса отпрыгнула и двинулась в сторону приставным шагом, заходя так, чтобы солнце светило ей в затылок. Аттребус по достоинству оценил ее хладнокровие и опыт. И все же воительница явно боялась. Нападавший на нее казался не человеком, не мером, а неким воплощением дейдра, злобного чудовища, вызванного из мрака.

— Что тебе надо?! — выкрикнула Радаса. — Что за дело тебе до нас?!

Но злодей не ответил, а вместо этого еще ускорился, приближаясь к редгардке почти бегом, и вдруг ткнул ее острием в длинном выпаде. Танцевальным движением она подалась в сторону, пропуская красный клинок на волосок от ребер, и, сжав меч двумя руками, ударила сверху вниз, целясь между плечом и шеей серокожего.

Он поймал ее лезвие голой ладонью. Аттребус видел, как Радаса зажмурилась, а в следующий миг меч данмера воткнулся

ей под мышку с такой силой, что вышел между ребер из другого бока.

Незнакомец высвободил оружие и подошел к Урмуку, который безуспешно пытался зажать истекающий кровью обрубок запястья. Кем бы ни был орк, трусом его не смог бы назвать никто. Завидев врага, он прямо с корточек бросился ему навстречу, пытаясь нанести удар железным крюком, прикрепленным к левой культе. Данмер потратил на него долю мгновения, не больше.

После этого безжалостный убийца повернулся к скулящей Шарве, которая ползла к деревьям.

— Так нельзя! — окликнул его Аттребус. — Она же ранена!

Но не успел он договорить, как голова женщины-кошки отделилась от шеи и с глухим стуком запрыгала по опушке.

И тогда выходец из мрака повернулся к принцу.

Аттребус вскочил, не помня себя от ужаса, и кинулся к своему мечу. Только сжав вспотевшими ладонями рукоять Высверка, он заметил, что убийца стоит неподвижно и невозмутимо смотрит на него.

Поразмыслив, на всякий случай принц выставил перед собой клинок.

— Я убил босмера еще в холмах и бретонку на склонах, — хрипло, ломаным языком произнес данмер. — Где-то должны прятаться еще двое. Где они?

— Они пошли в поселок. Там, где торг. Хотят обменять коней на сларджеев. Правда, я не знаю, что это.

— Сларджей лучше подходит для пустыни, чем лошадь, — кивнул серокожий. — И давно они ушли?

— Час назад. Может, чуть больше.

— Хорошо, принц Аттребус. Значит, нам нужно спешить.

— Кто ты? Откуда ты меня знаешь?

— Меня зовут Сул.

— Мой отец тебя послал?

— Нет, — Данмер покачал головой.

Вблизи, когда тот стоял неподвижно, принц смог рассмотреть спасителя. Сул выглядел очень старым, темная кожа обтянула кости, делая его похожим на скелет, в коротко подрезанных черных волосах виднелась изрядная седина.

— А кто тогда?

— Я — сам себе хозяин. Было бы лучше, если бы я не приехал?

— На этот вопрос у меня нет ответа, — вздохнул Аттребус.

— Я не собираюсь тебя убивать, — заверил его Сул. — Или причинять вред. У нас с тобой общая судьба — мы оба ищем

летающий остров.

Принц моргнул, ощущая, как земля уходит из-под ног.

— Ты знаешь о нем?

— По-моему, я сейчас сказал, что знаю.

— И что ты думаешь об этом острове?

— Я уничтожу его или отправлю обратно в Обливион. Разве ты хочешь не того же?

— Я? Да… Конечно же…

— Тогда мы вместе? — Сул обвел взглядом побоище. — Ну что — отправимся в путь или будем стоять и ждать, когда явятся те двое? Мне обязательно их убивать?

— Не думаю, что ты потратишь на них много сил, — заметил принц.

— Большинство людей умирают удивленными. Кто знает, может, один из тех двоих способен удивить меня? Нет нужды сражаться, если можно разойтись. Я нашел тебя, нам не нужны сларджеи, если мы не собираемся отправиться на юг, в пустыню. Ты не стремишься на юг?

— Нет.

— Вот и отлично. Выбирай направление, и поехали отсюда.

Аттребус уставился на него, с трудом сдержавшись, чтобы не почесать затылок. И вдруг понял!

— Ты не знаешь, где находится Умбриэль?

Сул хрипло каркнул. А может, кашлянул или засмеялся?

— Умбриэль? Ну конечно… Вуон… — Он вздохнул. — Да, я не знаю, где он сейчас.

— Почему я должен верить, что ты не убьешь меня, как только я скажу тебе, в какую сторону ехать?

— Все очень просто. Ты мне нужен.

— Для чего?

— Пока я не знаю наверняка, но чувствую.

Аттребус обдумывал ответ довольно долго. В конце-то концов, что он теряет?

— На восток, — сказал он. — Остров сейчас летит над Чернотопьем и стремится к северу.

— На севере находится Морровинд, — вздохнул Сул. — Так и должно быть…

— Ты о чем-то догадался? Цель острова имеет для тебя какое-то значение?

— Сейчас ничего не имеет значения. Поскакали быстрее на восток!

— Позволь мне хоть одеться.

— Тогда поторопись, принц Аттребус.

Щебетун отыскался в седельной сумке Радасы. И Аттребус порадовался — не пришлось обыскивать труп после того, что сделал с ней Сул. Слов нет, она — лживая предательница, но совсем недавно они делили постель. Принц помнил ее живой, теплой, красивой, шепчущей ласковые слова… Даже если она притворялась, что с того? Его всегда угнетала гибель женщин, с которыми он спал, особенно если они умирали у него на глазах.

Данмер тем не менее оглядел тела, забрав кое-какие вещи, которые, по всей видимости, могли ему пригодиться. Потом они поднялись выше по течению ручья, где стояли привязанные лошади: два чалых мерина, похожие, будто родные братья, и бурая кобыла. На спине одного из меринов лежал объемистый вьюк, а у остальных — седла.

— Садись на чалого, — распорядился Сул.

Аттребус вздохнул, но не счел нужным возражать. Вскоре он уже ехал на восток с данмером, спасшим ему жизнь, и задавался вопросом: что будет, если он попытается сбежать домой в Сиродиил? И в конце концов признался себе: в настоящее время у него нет ни смелости, ни решительности, чтобы попытаться найти ответ.

Глава седьмая

Колин с трудом сдержался, чтобы не удрать тихонько из комнаты, хотя пришел сюда по собственной воле. Тесные стены давили на него, будто западня на пойманного зверя. Два дня подряд он размышлял, и ниточка, за которую ухватился сыщик, сейчас душила, словно заправская гаррота.

Исчезновение принца Аттребуса стало не первым делом молодого инспектора. Ну, если сказать честно, третьим. Первое оказалось исключительно простым: он внедрил шпиона в окружение военного министра и стал ждать последствий. Когда один из агентов в Талморе сообщил об утечке сведений, Колин легко вышел по цепочке на чиновника среднего уровня, который был не прочь поторговать имперскими тайнами. Все предельно гладко и чисто: ни арестов, ни трупов, продажный служащий проявил себя, и полезнее всего было оставить его под наблюдением.

Второе задание — поиск некой волшебницы по имени Леива Куонтус. Колин ее разыскал, не вникая, для чего это нужно. Он не знал, что произошло после того, как он сообщил вышестоящим сыщикам о ее местонахождении, да и не хотел знать.

Когда его отправили с патрулем на поиски принца Аттребуса, молодой сыщик нисколько не удивился. Его высочество очень часто совершал тайные вылазки и пускался в опасные приключения. И на этот раз никому даже в голову не пришло отправить опытного инспектора. Казалось бы, что там делать? Разобраться со следами, опросить жителей из придорожных сел и городков, возможно, развязать кому-то язык при помощи звонкой монеты.

Но теперь Колина не отпускало ощущение, будто он вляпался во что-то очень нехорошее. Липкий, холодный ком, поселившийся в животе, не давал избавиться от дурных предчувствий. Что, если происшествие на дороге — вовсе не несчастный случай? Кто знает, вдруг выбор начальства пал на самого младшего инспектора в надежде, что он не сможет ни в чем разобраться?

Доказательствами Колин, конечно же, не располагал. Зато пребывал в уверенности, что пропустил какую-то — возможно, самую важную — часть загадки. И вот он сидел в богато обставленной комнате на втором этаже министерства и ждал.

Открылась дверь. Колин обернулся и увидел, как через порог шагнул управляющий Маралл в сопровождении двух мужчин. Одного из них молодой человек сразу узнал — это был Ремар Вел, глава «Зрящих в корень». А вот второй…

— Ваше величество… — проблеял Колин, вскакивая с табурета и опускаясь на одно колено.

Странная робость охватила его. Никогда прежде Колин не терял дара речи в присутствии начальства. Но император… В детстве сыщик благоговел перед ним, и восторженные чувства, очевидно, еще не утратили власти над молодым человеком.

— Поднимись, — приказал Титус Мид.

— Слушаюсь, ваше величество.

Несколько мгновений император рассматривал Колина, нахмурившись и заложив руки за спину.

— Ты был там, — сказал он наконец. — Мой сын мертв?

Молодой инспектор недолго раздумывал над ответом. Другому он вряд ли сказал бы правду сразу и целиком, но ведь император — это не кто-нибудь!

— Ваше величество! Я в это не верю!

Глаза Титуса Мида расширились, а излом бровей немного смягчился, но он не произнес ни слова.

— Его тело опознали, — подчеркнуто сухо заметил Ремар Вел.

— Найдено всего лишь тело, сэр! — возразил Колин. — Без головы.

— Я слышал, в этих землях бунтовщики отрубают жертвам головы, — тяжело роняя слова, проговорил император. — У других тоже не было голов.

— Не думаю, что здесь замешаны «Туземцы», ваше величество!

— Почему же? Они обозлены, сильны и жаждут крови. Мне доносили, что их недовольство Империей постоянно подогревают наши тайные враги.

— Вы имеете в виду Талмор, ваше величество?

— Сейчас он стоит почти за каждым преступлением против Империи.

— Но я не понимаю, как убийство вашего сына может поспособствовать их целям.

— Откуда тебе знать все их цели? — В голосе Вела прорезался гнев. — Ты не больше месяца на должности инспектора.

— Да, сэр, это так! Но я проходил стажировку на делах, связанных с Талмором.

— Это ни о чем не говорит. Мы не знаем о них всего. Их цели туманны и загадочны.

— Возможно, я не посвящен в подробности, но цель Талмора ясна как божий день — объединение всего Тамриэля, подчинение своей власти и возобновление эпохи Меритик.

— Это долгосрочная цель, о которой мы, конечно же, догадываемся. Но мы не можем знать всех промежуточных целей Талмора, инспектор!

— Прошу прощения, сэр, но не всегда! Когда они захватили Валенвуд, цель просчитывалась легко и просто: вернуть исконные земли альтмеров, что позволило бы им укрепить идею борьбы и придало бы вес дальнейшим шагам. Истребление беженцев с островов Саммерсет и из Валенвуда тоже укладывается в общую картину их устремлений. То же самое могу сказать о действиях Талмора в Эльсвейре, хотя знаю о них совсем мало. Но убийство принца? Я много думал и пытался рассматривать это дело под разными углами зрения. По-моему, оно полностью бессмысленно.

Ремар Вел открыл рот, пытаясь возразить, а то и поставить на место зарвавшегося юнца, но Титус Мид покачал головой, поднимая ладонь. И снова обратился к Колину:

— Что ты об этом думаешь? Если мой сын жив, то, возможно, его похитили? Если так, то для чего? Что за цель они преследуют? И почему оставили след, столь явно указывающий на Талмор?

Инспектор вздохнул:

— Мне кажется, можно предположить, что большая часть следов, обнаруженных нами, фальшивые. Из этого я заключаю, что кто-то очень хочет обратить наше внимание в сторону Талмора. Отвлечь, пустить по ложному следу и даже, не исключено, подтолкнуть к вооруженному столкновению.

— Лейавин? — пробормотал император. — По донесениям, там сильны бунтарские настроения… Им не нравятся наши порядки.

— Не исключено, что дело не в бунте или нелюбви к имперским порядкам, ваше величество. Может, стоит предположить, будто кому-то очень сильно хочется устранить наследника престола?

— Мой брат? — Титус Мид потер виски. — Нет, это невозможно. Я не хочу об этом думать.

— Повелитель! — вмешался Вел. — Ваш брат не замешан ни в одном заговоре. Он целиком предан вашему величеству, если не сказать больше.

— А вдруг он умнее, чем вы думаете, Ремар? Впрочем, оставим пока этот разговор. Если вы разыщете моего сына, вы разыщете и моего врага. Следовательно, я хочу, чтобы его нашли. — Император нахмурился, потеребил верхнюю губу. — Капитан Гулан был в числе мертвецов?

— Да, повелитель.

— И не возникло никаких сомнений при его опознании?

— Нет, повелитель. Он погиб от стрелы, и его голову

оставили на месте. Повелитель, я понимаю, что вам тяжело, но мы должны рассматривать все возможные версии. Что, если найденное нами тело в самом деле принадлежит… принадлежало его высочеству, чтобы там ни заявлял младший инспектор? Рост, сложение…

— У моего сына есть родинка на правом боку, там, где заканчиваются ребра. Я видел труп. Именно эта его часть обгорела, тогда как другие остались почти не затронуты огнем. Как и у нашего младшего инспектора, у меня это обстоятельство вызывает серьезные подозрения. Я чувствую, что Аттребус жив. Он у кого-то в плену. Разыщите его. Я приказываю вам. Инспектор, обнаружены ли следы? В каком направлении поехали нападавшие?

— Они разбились на маленькие отряды и двинулись в разных направлениях. Но я думаю, что принца Аттребуса повезли на юг, ваше величество.

— Почему, инспектор?

— Потому что в этом направлении не осталось никаких следов. Совсем никаких, ваше величество.

Титус Мид крякнул и кивнул.

— Инспектор, управляющий, глава службы! — попрощался он и ушел.

Ремар Вел вышел следом, бросив на Колина взгляд, не суливший ничего доброго.

— Да уж… — пробурчал Маралл. — Мне кажется, это был не самый разумный твой поступок.

— Император хотел знать мое мнение. Разве я не должен быть предельно честен с его величеством?

Управляющий вздохнул.

— Императора не огорчит, если дальше ты до конца жизни будешь расследовать преступления, совершенные в городской канализации. Или, еще хуже, если тебя направят шпионом к нордлингам. Сведения, подобные тем, которые ты сейчас вывалил перед его величеством, лучше всего пускать по инстанции, не прыгая через голову руководства. Ты думаешь, Велу понравилось, что он осведомлен хуже, чем самый молодой инспектор службы?

— Я честно собирался пойти по инстанции, — развел руками Колин. — Я приехал, думая, что глава службы Вел собирается выслушать мое донесение. Разве моя вина, что при нашем разговоре присутствовал император?

— Конечно, ты прав, — кивнул управляющий. — Твоей вины здесь нет. Зато прекрасный образец неопытности. Не нужно было возражать начальству в присутствии его величества. Такие скользкие темы лучше всего огибать. Есть тонкие способы…

«Настолько же тонкие, как острие кинжала?» — сердито подумал Колин. Но спорить вслух не стал.

— Я еще учусь, сэр, — извиняющимся тоном произнес он и понурил голову.

— Если Аттребус жив и его разыщут с твоей помощью, ты получишь благорасположение императора. И это, несомненно, пойдет тебе на пользу. Если же мы принца не найдем, то в глазах его величества ты будешь стоить не больше растоптанного червяка. Поэтому я советовал бы тебе держаться тише воды ниже травы и поискать способ, как добиться доброго отношения со стороны Вела. А это будет нелегко.

— Ну, если так… — замялся молодой человек. — Может, мне разрешат провести повторное расследование?

— И не сомневайся! Вел обязательно назначит для дальнейшего расследования тебя и только тебя. Сам заварил кашу, сам и расхлебывай.

Когда Колин покинул дворец, на город уже упала ночь, в небе высыпали яркие звезды. Младший инспектор очень устал, но прежде, чем отправиться спать, решил немного пройтись по улицам и выпить кружечку пива. И еще… Он хотел лишний раз обдумать задачу.

Молодому человеку постоянно казалось, будто он что-то упустил. Какую-то мелочь… Поэтому ночная прогулка и холодное пиво могли подтолкнуть к решению.

В Энвилле, где он родился и рос, тьма приносила в город тишину. Люди расходились по домам или скапливались в пивных, но не бродили по улицам.

Здесь же, в Имперском городе, Колин видел совершенно другую картину — если не во всем городе, то, по крайней мере, неподалеку от рыночной площади, которая являлась целью его неторопливой прогулки. На мостовой толпились торговцы безделушками и предсказатели будущего, самозваные пророки принцев-дейдра и адепты девяти божеств. Рядом со входами в пивные и харчевни стояли миловидные женщины, заигрывая с прохожими, дабы привлечь именно в свое заведение. Представители всех рас зазывали покупателей, в переулках роились нищие. Прямо на улицах жарили и продавали рыбу, хлебцы с сыром, мясо, сахарный тростник. Люди жались друг к другу, сбивались в стаи, будто опасались, что одиночек огромный город проглотит.

Колин направился прямиком к «Коронному молоту», который располагался за углом в переулке, чуть в стороне от главной улицы. Это было очень старое здание из кирпича и потемневшего от времени дерева.

Войдя в пивную, молодой человек вежливо поприветствовал изможденного старика, протиравшего за стойкой кружки грязно-серым, несвежим полотенцем.

— Чего изволите? — угодливо поклонился ему хозяин.

— Пиво! — коротко бросил Колин.

Старик кивнул и быстро нацедил из бочки пенной красно-коричневой жидкости.

Оставив на столе пару медяков, сыщик подхватил кружку и прошел в угол, где уселся так, чтобы видеть входную дверь. Пригубил пиво — оно оказалось крепким, сладким и чуть-чуть отдавало можжевельником. Этот излюбленный коловианский напиток, так распространенный в западном Сиродииле, здесь, на востоке, подавали лишь в считаных забегаловках — в том числе в «Коронном молоте».

Зал, почти пустой в начале вечера, потихоньку заполнялся людьми. Солдаты сменялись со службы, получали увольнительные, заглядывали и офицеры. Иногда патрули, охраняющие город, украдкой заходили пропустить кружечку-другую. Ничего удивительного: «Коронный молот» подавал пиво и еду во вкусах коловианцев, а они в этой части Тамриэля, как правило, служили в армии.

Потому-то сыщик и не удивился, увидев входящего земляка.

— Колин, старина! — воскликнул Ниал Секстиус, улыбнувшись во все тридцать два зуба. — Сколько лет, сколько зим!

— Рад видеть тебя, Ниал! — ответил инспектор. — Я не сомневался, что сегодня вечером повстречаю тебя. Присаживайся рядом! Купить тебе чего-нибудь выпить?

— Согласен! Только в следующий раз угощаю я!

Сдув пену с поднесенной хозяином кружки, Ниал с хрустом потянулся и водрузил локти на стол. Его полное, ширококостное тело и румяное лицо, обветренное на имперской службе, кричали об отменном здоровье. Благодаря высокому росту и плотному телосложению он выглядел старше Колина, хотя они были одногодками.

— Где тебя носит?! — громогласно вопросил он. — Я не видел тебя почти два года. Думал, ты давно уехал из столицы.

— Не уехал, — улыбнулся инспектор. — Просто свободного времени совсем не оставалось.

— Ух ты, какой занятой! — Ниал погрозил ему пальцем. — Когда мы виделись в последний раз, я все хотел выяснить, чем это ты здесь занимаешься? Но ты совсем заморочил мне голову расспросами о сестре.

— Ага! — Колин отхлебнул хороший глоток. — Я… Как бы

тебе сказать? Я работаю во дворце.

Ниаловы глаза широко распахнулись.

— Я тоже! — воскликнул он. — А почему я тебя не встречал ни разу?

— Думаю, я все время кручусь в другой части здания. В башне, если быть точным.

— И что ты там делаешь? Шьешь платья для придворных дам?

— Учусь… В школе. Слыхал о такой?

— В школе? Но это же… — Секстиус поднял глаза к заросшему паутиной потолку. — Колин, неужели ты один из этих… — Он перешел на шепот: — Тайный сыск, что ли?

— Я служу империи. Так же, как и ты.

— Не совсем так, — возразил Ниал. — Кол, почему?

— Они предложили мне службу. Выгодную. Моей маме не нужно будет работать никогда в жизни. Мне жаль, что мое занятие тебе не нравится.

— Не бери в голову, дружище! Просто я удивился, больше ничего. Не могу представить себя за одним столом с твоими сослуживцами, но для тебя охотно сделаю исключение!

— С многими из них я и сам не сяду за один стол, — сказал Колин задумчиво. — Но я не берусь осуждать их или оценивать их поступки. Император нуждается в нашей службе, и поэтому мы существуем.

— Отлично! Лучше и не скажешь! — Ниал заговорил еще тише, почти неслышно: — Послушай меня… Может быть, ты знаешь, что случилось с принцем Аттребусом?

— А что слышал ты?

— Ходят слухи, что он доигрался в приключения. Он и вся его охрана перебиты из засады.

— Это не слишком далеко от правды, — покивал сыщик. — Ты знал кого-нибудь из его отряда?

— Да. Кое-кого. Было время, я подумывал подать прошение, чтобы поступить в телохранители принца. Но так и не решился окончательно.

— Ничего удивительного, Аттребус всегда гонялся за опасностью. Служить ему было занятием не из легких…

— Вот умора! — хохотнул Ниал.

— Что ты хочешь сказать?

— Погоди-ка, Кол! Ты служишь в тайном сыске и не знаешь ничего о принце?

— Я занимался другими делами…

— Ну ладно, я расскажу. Все его подвиги фальшивые. Все было подстроено. Только он об этом не догадывался.

Колин кивнул. Слова Ниала как нельзя лучше укладывались в картину, вырисовывающуюся в голове инспектора. Только почему ему не рассказали всего, когда отправляли вернуть принца?

— Значит, и в этот раз он не слишком-то рисковал?

— Ну да!

— Интересно, каким образом ему собирались обеспечить безопасность? Я вот что имею в виду… Если все, что ты мне рассказал, верно, за ним должны были наблюдать.

Ниал со стуком поставил кружку на стол.

— Извини меня — пора идти. Служба Нужно успеть к вечернему построению.

Сыщик вздохнул.

— Я тебя не задерживаю, Ниал. Один вопрос. Понимаешь, я еще не до конца разобрался во всех этих делах. Честно признаться, не знаю, кому можно доверять. Кроме тебя, разумеется. Тебе-то я доверяю как себе.

Военный посмотрел на него долгим взглядом, а потом наклонился через столешницу и спросил едва слышно:

— Что ты хочешь узнать?

— Император интересовался человеком по имени Гулан. Хотел знать, найдено ли тело.

— А оно найдено?

— Да.

— Гулан был правой рукой Аттребуса и удерживал его от необдуманных поступков. А всякий раз, когда его высочество собирался совершить очередной подвиг, Гулан сообщал императору. Они вместе решали, как обезопасить Аттребуса, излишне не уязвляя его самолюбие.

— На этот раз у него, как я понимаю, не получилось. Значит… Значит, он не сообщал лично императору? Так, выходит?

— Нет, он приходил в канцелярию первого министра.

Колин снова кивнул. Теперь он понял, что же упустил раньше.

— Спасибо, Ниал.

— Ты выглядишь усталым, парень! — заметил приятель. — У тебя все хорошо?

— Все хорошо. Я не высыпаюсь в последнее время. А кроме этого — все отлично.

— Раньше ты спал так, что гром не разбудит.

— Ничто в мире не постоянно… — Инспектор огляделся по сторонам, а потом посмотрел Ниалу в глаза. — Послушай меня! Постарайся забыть наш разговор. Не спрашивай зачем, просто послушайся меня. Хорошо?

— Могу ли я тебе помочь чем-то?

— Ты уже помог. Давай теперь поговорим о чем-то другом.

— И о чем же?

— Ну, например, какая неряха твоя сестра.

— Если бы это не было самой что ни на есть правдой, я бы тебя поколотил. Может, и правда поколотить? На всякий случай. Давай еще встретимся, выпьем пива, а к тому времени я обдумаю свою идею.

— Я не против, — улыбнулся Колин.

Глядя в спину уходящему Ниалу, он медленно допивал пиво. А потом попросил еще две кружки. Нынче вечером он выяснил очень много для своего расследования и для себя тоже. А кроме того, повидался со старым другом и приятно поболтал.

Вот только что-то подсказывало ему, что с сегодняшнего дня приятных вещей в его жизни станет гораздо меньше.

Глава восьмая

Куиджн стремительно подошла к подносам и уставилась на пищу, разложенную на них.

— Объясняй! — приказала она. — Начнешь с рыбы!

— Аннаиг говорит, что это зубатка, — сказала Слир. — Рабочие приносят нам много…

— Я знаю! Мы жарили их сотнями для челяди из дворца Ороя. Я спрашиваю, почему вы отправляете обычную рыбу лорду Джолу? Это слишком грубая пища для его возвышенной сущности!

«Зачем нас спрашивать? — никак не могла понять Аннаиг — За исключением того самого первого случая, мы ни разу не заслужили неудовольствия лорда. Почему она нам по-прежнему не доверяет?»

Но вслух она сказала совершенно другое:

— Мы все продумали, повар! Он будет удивлен и очень доволен, я уверена!

— Почему я должна поверить тебе, глядя на то, что вы тут наготовили?

— Да, это выглядит не очень. Но когда он попробует или просто понюхает, то ощутит незабываемый вкус. Блюдо испускает сразу несколько ароматов. Рыба разжижается и в соединении с окружающими солями выпускает особую сущность. Это переводит вкусовые восприятия на следующий, более высокий уровень. Поэтому второе блюдо — холодный бульон из головастиков, смешанный с лягушачьей икрой. И, наконец, суфле из пророщенного ячменя с пряностями заставит его язык и нёбо еще раз пережить каждый вкус и аромат, но в обратном порядке.

— Это еще один твой «метагастрологик»?

— Да, повар.

— Это все уловки, фокусы какие-то… — склочно произнесла Куиджн. — Не боишься, что ему и это прискучит?

— А мне кажется, ему понравится, — вмешалась Слир. — Но если у вас, повар, есть какие-то другие предложения, я буду счастлива услышать их и воплотить.

Куиджн прищурилась, будто бы решая про себя — стоит ли принимать слова подчиненной как дерзость. Аннаиг затаила дыхание.

Томительное мгновение затянулось на целую вечность, а потом Куиджн просто развернулась и ушла.

— То-то и оно, — ухмыльнулась Слир. — Давай не будем мешкать и отправим обед лорду.

В тот вечер из дворца пришли отличные новости. Джол остался доволен!

Аннаиг и Слир отправились отпраздновать маленькую победу в пещеру с видом на звездное небо — впервые за несколько суток у них появилась подобная возможность. Серокожая принесла легкие закуски и маленькую стеклянную бутылочку, внутри которой словно поселился кусочек солнца.

А когда умаявшаяся за день Слир уснула, Аннаиг ощутил дрожь медальона.

— О, благодарение Дибелле… — прошептала она, сбрасывая одеяло, и на цыпочках вышла из пещеры. Только пробравшись в уединенную кладовку, она открыла медальон.

И увидела улыбающегося Аттребуса. За его спиной плясали багровые отсветы — пламя от камина или костра. На лице принца виднелись синяки и ссадины, а глаза были полны беспокойства. Но все равно девушка испытала радость и облегчение, увидев его.

— А вот и ты! — сказал Аттребус. — Я переживал.

— Я тоже, ваше высочество, — ответила она. — Все эти дни… Я несколько раз пыталась связаться с вами…

Он кивнул.

— Я не мог ответить. Я…

Не договорив, принц замолчал. Он выглядел совсем другим человеком, не таким уверенным и решительным, как раньше.

— Я все понимаю, ваше высочество. Вы занятой человек.

Он снова кивнул.

— Хочу, чтобы ты знала. Я обязательно приеду, как обещал. Но это может быть…

И опять он замолчал, не закончив фразы. Нет, в самом деле, человек, которого она знала как отважного героя, казался беззащитным и уязвимым. Но с другой стороны, он стал более суровым и, как ни странно, более человечным.

— Ты можешь сообщить что-нибудь новое?

— Да! Я нашла место, через которое вижу звездное небо! Значит, я могу определить путь, по которому движется остров. И еще! Я пытаюсь снова сделать снадобье, с помощью которого мы с Глазом попали сюда.

— Это хорошо! Может быть, я сумею найти подобное зелье по дороге. Спустя несколько дней мы проедем через Риммен, а потом — Лейавин.

Аннаиг удивилась, что наследный принц самой могучей державы Тамриэля не взял с собой ни одного мага, но потом подумала — вдруг он предпочитает обходиться без их услуг?

— Я всегда мечтала увидеть Риммен, — задумчиво

произнесла девушка. — Говорят, акавири построили там замечательное святилище Тоненака и удивительные по красоте каналы. Ходят слухи, в этом храме не меньше десяти тысяч статуй.

— Признаться, я никогда раньше там не был, — улыбнулся Аттребус. — Но я обязательно расскажу тебе обо всем, что увижу, когда мы будем говорить в следующий раз.

— Это было бы чудесно, принц!

— Само собой, я не стану там задерживаться и глазеть на достопримечательности. Время дорого. Но уверен, замечу что-нибудь достойное упоминания. Да, и еще. Я нахожу, что использовать титулы в частной беседе неудобно. Поэтому предпочел бы, чтобы ты не называла меня принцем или вашим высочеством.

— А как я должна называть вас, ваше высочество?

— Аттребус вполне приемлемо. Или даже просто Треб. Это сохранит нам кучу времени в беседе.

— Я попытаюсь. Но мне это кажется не совсем уместным — мы с вами не так давно знакомы…

— Просто попробуй. Я очень прошу.

Аннаиг обратила внимание на его беспокойный взгляд.

— Ваше… Ну, то есть Аттребус, — поспешила поправиться она. — Что-то не так?

— У меня были небольшие неприятности. Нет смысла пересказывать подробности.

— Думаю, мне было бы интересно.

— Нет, не стоит. Будем считать, что я ничего не говорил.

Она заметила, что его глаза чуть-чуть блестят.

— Все, — вздохнул Аттребус. — Мне пора. Береги себя — это самое главное.

— Я постараюсь.

Принц улыбнулся, и его изображение исчезло.

Помешкав мгновение, Аннаиг, затаив дыхание, прокралась обратно в пещеру с кусочком звездного неба. Слир лежала не шевелясь и, кажется, не просыпалась. Девушка села, опираясь спиной о стену, и задумалась.

У принца Аттребуса явно какие-то неприятности. Это показалось ей дурным предзнаменованием, но что она могла поделать? Ничего. Ей только и оставалось трудиться в кухне Умбриэля, стараясь остаться в живых любой ценой, пытаться разыскать Светло-Глаза и вновь создать снадобье для полета… Не так уже мало, если задуматься. Как говорится, забот полон рот.

Значит, нужно прекратить волноваться о событиях, повлиять на которые она все равно не в силах, а просто отдохнуть. Силы ей

пригодятся.

Но она всем сердцем желала, чтобы у Аттребуса — о, боги, его высочество попросил, чтобы она называла его просто Аттребусом! — все было в порядке.

Принц закрыл маленькую дверку на боку птицы. Сегодня он в первый раз видел лицо Аннаиг близко и сумел рассмотреть во всех подробностях: зеленые глаза, красиво очерченные пухлые губы, нос, который кое-кто, возможно, назвал бы великоватым, но на взгляд Аттребуса он был почти идеальным. Волосы, похожие на волны черного шелка. И отпечаток грусти человека, попавшего в безвыходное положение.

— Хорошо, что она еще жива, — сказал он Сулу, сидящему по другую сторону от им же разведенного небольшого костерка.

— Меня это тоже устраивает. — Данмер кивнул. — Любопытная птичка. Двемеры имели обыкновение делать такие игрушки, пока мир их не поглотил. Ты знаешь, откуда она взялась?

— Аннаиг говорит, что это наследство ее матери. Мне кажется, та происходила из благородного рода Высокогорья.

— Да… Иногда судьба вещей бывает просто удивительной. Ты позволишь мне посмотреть?

— На, посмотри. Если нажать здесь… — начал Аттребус, но один взгляд нахмурившегося Сула остановил его.

Данмер повертел в руках Щебетуна, пощелкал ногтем по дверке: само собой, для него она и не подумала открываться.

— Умная игрушка, — усмехнулся Сул. — Точно знает, к кому ее отправили, и распахнется только перед ним.

— Думаю, да. Радаса пыталась ее открыть, и у нее ничего не вышло.

— Почему ты не сказал ей… — Красноглазый пошевелил палкой огонь, отчего искры взметнулись к небу. — Не сказал Аннаиг, что вся твоя охрана погибла?

— Не хочу беспокоить ее, заставлять волноваться лишний раз.

— Предпочитаешь дать девушке ложную надежду?

— Я не сдамся и пройду свой путь до конца!

— Похвально, — кивнул Сул. — Это правильный выбор.

— В противоположность какому?

Данмер ответил не сразу. Вместо этого он немного выдвинул из ножен свой меч, внимательно рассмотрел край клинка, а потом вернул оружие на место.

— Знаешь, о чем я беспокоюсь? — повернул он худое лицо к Аттребусу. — Должен тебе рассказать сразу, чтобы между нами не

было тайн и недомолвок. Итак, я собираюсь найти Умбриэль, а вот что будет потом, как ты думаешь? Потом будет сражение. Или, правильнее сказать, резня, побоище. Я собираюсь уничтожить остров, остановить его смертоносное перемещение над миром Тамриэля, и я добьюсь своего любой ценой. У меня было видение, что ты можешь мне помочь в предстоящих поисках. Поэтому я разыскал тебя и уничтожил твоих похитителей. Я подобрался тайно к вашей стоянке на берегу ручья — мне нужно было точно выяснить, сколько у меня противников и где они находятся. Поэтому я видел твой бой с редгардкой. Она не намеревалась тебя убивать — играла, как кошка с мышкой. И потом… Я слышал ваш разговор.

— Она лгала! — порывисто воскликнул принц.

— Вряд ли… Просто ты пытаешься убедить себя в этом. У тебя не хватает сил принять горькую истину. Она говорила правду — ты глуповат, Аттребус. Ты как ветка — когда она становится слишком тяжелой, то начинает скрипеть. Так и ты… Едва не расплакался, болтая с девочкой-бретонкой. Расчувствовался, размяк…

— Все мои друзья погибли! — Принц с удивлением понял, что кричит. — Друзья, единомышленники, товарищи по оружию! Они все погибли разом! Я остался совсем один!

Сул терпеливо ждал, когда он выговорится, и неторопливо продолжил:

— Сейчас ты опять скрипишь. Но пройдет несколько дней или, возможно, недель, ветка станет слишком тяжелой и сломается. Ты окажешься на земле и поймешь тогда, насколько редгардка была права. Твой мир перевернется с ног на голову. Вот поэтому я и беспокоюсь — пригодишься ли ты мне? Не сломаешься ли, как ветка? Сумеешь ли сохранить жизненные принципы, которые исповедуешь, — честность, отвага, доблесть? Или ты всего лишь ребенок, играющий во взрослого воина, полководца, героя?

— Ты не прав, — твердо заявил Аттребус. — Твое мнение основано всего-навсего на подслушанной беседе. Почему ты думаешь, что права она? Только потому, что она победила меня?

— Парализованный ребенок смог бы победить тебя.

— Я был ранен, ехал несколько дней привязанным к седлу…

— И что из этого следует, принц Аттребус?

— Послушай! Хочешь, я поклянусь тебе прямо сейчас? Я остановлю Умбриэль или погибну.

— Ты так ничего и не понял… — вздохнул Сул. — Я пытаюсь тебе помочь.

— Рассказывая мне, что все, чем я жил, во что верил, — ложь

и больше ничего?

Глаза данмера вспыхнули, как два клубка багрового огня, обжигая собеседника.

Он заговорил, но обратился не к Аттребусу и на языке древнем, отличающемся от тамриэлика. Единственное понятное слово, которое уловил принц, оказалось «Азура» — имя одной из принцесс дейдра. А после резко выдохнул и сказал:

— Рано или поздно всем приходится избавляться от иллюзий, которым пичкали маленького ребенка. Проще всего продолжать упорствовать в заблуждениях и не слушать, что тебе говорят умные и опытные люди. Но сильный человек примет правду и сумеет изменить себя — тело и душу.

— Но ведь все это неправда. С начала и до конца. Я — наследный принц и однажды стану императором. Если то, что говорила Радаса, правда, значит, меня обманывали всю мою жизнь…

— Вся твоя жизнь — всего лишь театральная постановка.

— Может быть. Но тогда… Тогда выходит, мои люди надо мной просто смеялись?

— Довольно, — прорычал данмер. — Довольно! Я и так сделал для тебя гораздо больше, чем должен. Я пытался тебя предупредить, но вместо этого оказался перед необходимостью ждать и наблюдать за действиями ребенка. Зачем мне это? С тобой или без тебя, но я сделаю то, что обязан сделать. Если возникнет такая необходимость, я отрежу тебе голову и буду оживлять ее время от времени, чтобы болтать с медной птичкой. Как ты считаешь, это будет справедливо, если ты нарушишь торжественную клятву, которую только что дал?

Аттребус не мог смотреть в его глаза, превратившиеся в средоточие холодного, яростного пламени, и потупился.

— Да, — буркнул он негромко, ощущая самый настоящий страх.

На что способен этот безжалостный убийца? Так ли он нужен Сулу на самом деле? Действительно ли у них общая цель? И внезапно принц понял, что ни его рассуждения, ни его вопросы не имеют значения. Все, что Сул ему говорил, могло быть правдой, но это не значит, что данмер стоит с ним по одну сторону черты, разделяющей добро и зло. Не исключено, что он замыслил нечто настолько ужасное, что преступления хозяина Умбриэля по сравнению с этим покажутся невинными детскими забавами. Они даже могли быть врагами — чем еще объяснить попытку данмера убедить принца в ничтожности и слабости, гораздо более настойчивую, чем предприняла Радаса? Кто знает, вдруг Сул и Радаса изначально были союзниками, но почему-то поссорились,

например, не поделили награду за его, Аттребуса, голову? А почему бы Сулу не оказаться тем самым неизвестным покупателем, к которому Радаса его везла? А теперь он ведет некую сложную игру с целью сломить волю принца, убедить его в собственной никчемности…

Аттребусу хотелось запрокинуть голову к небу и закричать. Как хорошо было бы оказаться одному, освободиться от страха и неуверенности. Почему бы и нет? Конь у него имеется…

Но с другой стороны, Сул мог предвидеть его попытку убежать. Аттребус, верный только что данной клятве, пойдет к Умбриэлю и Аннаиг, а данмер станет следить за ним. Кажется, отец говорил, что врагов лучше держать перед глазами.

Так что выбора в настоящее время нет. Нужно следить за словами, обдумывать все поступки и не позволять Сулу вертеть собой. Надо сотрудничать с данмером до тех пор, пока их цели совпадают, и быть готовым оказать сопротивление, как только пути разойдутся. В конце концов, нужно быть достойным своего имени. Ведь он — Аттребус Мид.

Сперва Аннаиг подумала, что от избыточного жара взорвался чан. Однажды она уже видела такое в той части кухни, которая обслуживала потребности лорда Ороя.

Но сразу за первым последовал второй хлопок. Гораздо громче, хотя и отдаленный.

А потом раздались крики. Частью они походили на воинственные завывания, в других слышались отголоски ужаса и боли. Но в Умбриэле многое оставалось для девушки странным и загадочным, так что она и не рассчитывала разобраться самостоятельно.

Люк спрыгнул с полки, на которой выискивал очередную специю, и спрятался у Аннаиг за спиной. Девушка поднялась на цыпочки, но дрожащий воздух над раскаленными печами не давал разглядеть дальний конец пещеры. Тем не менее там роились скампы, будто собравшиеся отовсюду. Они прыгали над пламенем очагов, ныряли под столы, перелазили через вертелы, отважно пробегали по краю жаровен. Пламя, слепящее глаза, и дым, повисший тяжелой завесой, скрывали то немногое, что можно было разглядеть сквозь горячее марево. Только в проходе посреди кухни мелькали черные фигуры — это повара и их помощники выстроились плечом к плечу.

— Эй, вы там! — гаркнула возникшая словно из ниоткуда Куиджн. — Что вы застыли столбами!

— Что случилось? — охнула Аннаиг и тут только увидела сопровождавших старшего повара кухонных работников,

вооруженных до зубов ножами, секачами, топориками для рубки мяса. В толпе девушка увидела Слир, а также неповоротливого, похожего на людоеда Деста, покрытого черно-желтым мехом, как оса.

— Не задавай глупых вопросов! — отрезала Куиджн. — Бегом за мной!

И они побежали, сгрудившись вокруг предводительницы так тесно, что тела соседей мешали вдохнуть полной грудью. Они мчались мимо огромных котлов, дистилляторов и перегонных кубов, нагибаясь, пробирались под шнурами, которые перекачивали души, и наконец очутились в той части пещеры, где Аннаиг раньше никогда не бывала. Здесь раскинулся настоящий лабиринт каменных перегородок, разделяющих подсобные помещения, и глубоких канав, заполненных водой, в которой мелькали толстые, по-змеиному стремительные и опасные даже на вид тела. И только основательно поблуждав и потолкавшись, беглецы достигли ступеней.

— Ну все, — выдохнула Куиджн. — Дальше отступать некуда.

— Но они приближаются! — шагнула вперед Слир. — Скоро будут здесь!

Она ткнула пальцем, указывая на путь, по которому они пришли сюда. Там, среди кухонных машин, все еще мелькали отдельные фигурки поваров и рабочих.

— Они не хотят их убивать! — жестко проговорила Куиджн. — Думают, мы не решимся! Как бы не так! Отправляйте хобов!

— Да, повар!

Поднимаясь вместе со всеми по лестнице, Аннаиг услышала грохот позади.

— Что происходит? — спросила она у Слир.

— Куиджн очищает кухню.

— А по-другому нельзя было?

— На нас напали, Аннаиг!

— Напали? — Волна надежды, всколыхнувшаяся в сердце девушки, стихла от следующих слов серокожей:

— Соседняя кухня! Годами такого не случалось!

Наконец они оказались перед железной дверью наверху лестницы. Шагнув через порог, Аннаиг попала в темную пещеру, узкую и извилистую. Дест захлопнул створки и вложил в скобы устрашающего размера засов, а прочие начали выкладывать перед дверьми угловатые свертки. Но Слир не дала времени рассмотреть их содержимое, а увлекла девушку в дальний конец пещеры, подталкивая в спину.

— Что теперь будет? — спросила Аннаиг.

— Надо ждать. В кухне сейчас выпущен жар изо всех печей, а вдобавок к нему — тридцать видов разных ядов. С теми, кто выживет там и прорвется, мы будем сражаться здесь.

— Я не понимаю, — покачала головой Аннаиг. — Зачем чьей-то кухне нападать на нашу?

Слир посмотрела на нее как на дурочку.

— Как это зачем? Чтобы заполучить тебя.

— Меня… Почему ты так решила?

— Я кое-что заметила, и похоже, что это одна из верхних кухонь, обслуживающих великих лордов. Мы защищаемся ядовитыми газами и огнем, а они посылают поваров. Очевидно, они хотят кого-то взять живьем. Кого еще, кроме тебя?

— Но мы все можем тут погибнуть…

— Не просто погибнуть, а раствориться без остатка.

— Но тогда…

Гулкий удар сотряс двери. Потом еще один. И наступила подозрительная тишина.

— Готовьтесь! — скомандовала Куиджн. — Сейчас они пойдут!

— О первородная грязь… — простонала Слир. — Как можно пережить такое?!

— Надеюсь, это риторический вопрос? — с трудом сдерживая дрожь, буркнула Аннаиг.

Железные створки на мгновение вспыхнули, раскаляясь добела, а потом исчезли, обратившись в пар.

— Готовьтесь! — повторил Куиджн.

Несколько мгновений не происходило ничего, а потом в дверной проем прыгнуло чудовище. Аннаиг оно показалось похожим на льва, не уступающего по размерам дикому быку, с тысячей глаз на ножках-стебельках. И тут свертки, сложенные людьми Куиджн, показали свою силу, обернувшись огнем, льдом, облаками ядовитого дыма. Кем бы там ни было на самом деле чудовище, оно вмиг рассыпалось в пепел и пыль. Но следом за ним уже валили орды чужих поваров.

В толпе виднелись самые разнообразные типы существ, к которым Аннаиг давно привыкла, работая на кухнях, а одевались они в черное с золотым.

Куиджн заклекотала, словно хищная птица, и кинулась навстречу нападающим, окруженная своими работниками.

Две толпы столкнулись, и хотя Слир сразу пихнула Аннаиг себе за спину, битва уже кипела вокруг. Секач обрубил чью-то руку, и струя крови ударила девушке в лицо, залив платье; она поскользнулась, залитая горячей алой влагой, и упала, а когда протерла глаза, то увидела, как Минн шатается, тщетно пытаясь

удержать вываливающиеся окровавленные кишки, а ее лицо превратилось в клубок желтых червей. Если она и кричала, то голос терялся во всеобщем шуме.

Внезапно рядом с Аннаиг возникла Куиджн — одно ухо у нее отсутствовало, а левая рука приобрела странный серо-стальной цвет.

— Он тебя не получит! — словно безумная заорала женщина прямо в лицо Аннаиг.

Девушка видела, как у неудачно подвернувшегося работника брызнула кровь из рассеченной груди. Капли на миг обрисовали длинный, изогнутый, совершенно прозрачный клинок, высунувшийся из указательного пальца Куиджн. Страх парализовал Аннаиг. Она не могла пошевелиться, лишь смотрела, как приближается волшебное, смертельно опасное оружие.

И в это время Слир, крякнув, обрушила топор на шею Куиджн. Глаза повара закатились.

Аннаиг почувствовала, как что-то скользнуло от ее шеи вниз, к животу. Схватилась за горло, измазав пальцы в крови, сочившейся из длинной, но неглубокой царапины, и поняла, что невидимый клинок перерезал цепочку медальона. Слир ударила еще раз. Куиджн пошатнулась, замахиваясь, но серокожая отскочила, и повар, постояв несколько мгновений, рухнула ничком прямо на Аннаиг.

Они лежали нос к носу, глаза в глаза. Куиджн все еще была жива — она оскалилась и слабо зарычала. Аннаиг перехватила ее запястье. Невидимое лезвие вновь скользнуло, срезав девушке прядь волос надо лбом. Она вскрикнула, отталкивая руку повара. Куиджн отчаянно сопротивлялась, но силы уже оставили ее. Кровь хлынула мощной струей, глаза остекленели и потухли.

Аннаиг все еще лежала, придавленная трупом повара, и пыталась отдышаться, не обращая внимания на кипящее вокруг сражение. Она по-прежнему сжимала руку Куиджн; под рукавом ощущалось некое уплотнение, словно невидимый браслет. Девушка ощупала его, но не нашла ни замка, ни застежки, ничего такого. Продолжая попытки снять браслет, она вдруг почувствовала, как что-то сомкнулось вокруг ее запястья. Испуганно схватившись за это нечто левой рукой, она поняла, что тайное оружие Куиджн само собой, добровольно перешло к ней. Но это был только браслет — ни лезвий, ни клинков она не обнаружила.

И тут девушка осознала, что бой окончился. Наступила тишина.

Чья-то сильная рука сграбастала ее за шиворот и поставила на подгибающиеся ноги.

Вокруг громоздились трупы. Два незнакомца удерживали за локти Слир. А все остальные из ее кухни лежали без признаков жизни.

Из толпы черно-золотых вышел человек — высокий, черноволосый, с тонко очерченными скулами и чувственными губами, благодаря чему напоминал бретона. Одевался он как повар, но во все черное. Человек потер подбородок длинным тонким пальцем с ухоженным ногтем и посмотрел небесно-синими глазами вначале на Слир, а потом на Аннаиг.

— Так-так… — пробормотал он бархатным голосом. — Это вы приложили руки к последним нескольким обедам лорда Джола?

Слир вздернула подбородок.

— Мы!

— Замечательно… Вам нечего бояться. Я — повар Тоэл. Теперь вы работаете на меня.

Он прикоснулся пальцем к губам Аннаиг, и девушка провалилась в темноту.

Глава девятая

— Там кто-то есть, — сказал Аттребус.

— Я знаю, — кивнув, ответил Сул.

«Еще бы тебе не знать…» — отстраненно подумал принц.

Днем ранее степь, заросшая короткой жесткой травой, сменилась одним из самых странных пейзажей, какие он когда-либо видел. Будто немыслимых размеров поток прокатился здесь, смывая всю рыхлую землю до скального основания, и теперь путникам приходилось блуждать в запутанном лабиринте лощин, узких ущелий и оврагов. Спору нет, выглядели обнаженные скалы весьма красиво: охристые полутона, умбра, оттенки оливкового, ярко-желтые вкрапления. Они напоминали те самые пироги из тридцати слоев, которыми так славился Чейдинхал.

Однако природа красива, если забраться на гору и смотреть сверху. Но пока, пробираясь по извилистым проходам, Аттребус ощущал, как давят на него камни. К тому же с некоторых пор путники стали замечать, что сделались объектом преследования со стороны неведомого врага.

— А что, если они нападут? — опасливо озираясь, проговорил принц.

— Если бы хотели, то уже утыкали бы нас стрелами, — проскрипел Сул. — Думаю, довольно скоро они расскажут нам, чего хотят.

Нельзя сказать, чтобы заявление данмера сильно обрадовало Аттребуса. Он и раньше ехал понурившись и обдумывал прежнюю жизнь. Слова Радасы не убедили его окончательно, но заронили в душу сомнение, а после памятного разговора с Сулом он был склонен думать, что, возможно, в словах лживой редгардки и присутствовала некоторая доля правды, хотя и преувеличенная в отдельных случаях до немыслимых размеров.

Сул, к вящему неудовольствию принца, оказался прав. Когда они миновали овраг, напоминавший сужающееся горлышко бутылки, за поворотом их поджидали четверо каджитов.

Аттребус знавал в лицо многих представителей этого народа. В отряде его телохранителей служили люди-кошки, и вообще они довольно часто встречались в Империи. Но таких он не видел никогда.

Первое, что бросилось в глаза, — огромные оседланные коты, ростом с хорошую верховую лошадь. Толстые, точно колонны, передние лапы упирались в землю, а задние казались короткими — возможно, благодаря тому, что были далеко отставлены. Из-за такой постановки ног они сильно напоминали крупных обезьян.

Их желтовато-коричневые шкуры были покрыты полосами цвета запекшейся крови, а злые желтые глаза не предвещали ничего хорошего противникам в возможной драке.

Двое наездников мало отличались от своих скакунов, разве что носили длинные просторные рубахи и шейные платки. На свободных от одежды частях тела рос все тот же желтый мех с черными мелкими пестринами, а в лицах сохранялось гораздо больше кошачьих черт, чем у любого из каджитов, виденных принцем. Верхом они сидели сильно ссутулившись, будто бы испытывая неудобство.

Третий всадник больше походил на тех, кого привык видеть Аттребус, — его лицо было почти человеческим, хотя и с явными кошачьими чертами. Последний, четвертый каджит мог похвастать утонченной внешностью, что свидетельствовало о легкой примеси крови меров. Вдобавок его лицо покрывали черные кольцеобразные пятна.

— Так-так, — проговорил красивый каджит, точнее, если судить по мелодичному голосу, каджитка. — Значит, вот кто ездит по нашей тропе.

Аттребус откашлялся, но рта открыть не успел.

— Мы мирные люди, — опережая его, сказал Сул. — Всего лишь два всадника, едущие на восток.

Принц запоздало сообразил, что, по обыкновению, намеревался сказать правду. Интересно, красноглазый угадал его мысли?

— На восток, говоришь, — промурлыкала каджитка. — Восток — это хорошо. Оттуда приходят к нам луны. Мы чтим восток и стремимся туда. Но я не думаю, что вы цените восток так же, как и мы. Он не слишком благосклонен к людям и мерам. Ну разве что кроме Риммена. Не туда ли вы направляетесь через наши земли?

Аттребус услыхал легкий шорох за спиной и, скосив взгляд, увидел еще двоих всадников, зашедших в тыл.

— У нас нет необходимости ехать в Риммен, — ответил Сул.

— Ты прав, — вздохнула каджитка. — Где моя учтивость? Спрошу по-другому. Поехали бы вы в Риммен вместе с нами? Примете ли вы нашу защиту на пути туда?

— Почту за честь, — слегка поклонился данмер.

— Эй, погодите-ка… — начал Аттребус.

— Щенок не знает жизни! Не слушайте его! — вмешался Сул. — Такие спутники, как вы, окажут честь любому. Я понятия не имел, что восток стал таким беспокойным. И само собой, мы предлагаем Дже'м'ат в ответ на вашу доброту.

— Ах! — восхитилась всадница. — Ты тоже знаешь, что такое

учтивость, пустоземец. Замечательно! Вы будете путешествовать с моими братьями, кузенами и со мной. Мы счастливы разделить с вами все, что у нас есть.

После этих слов каджиты развернули верховых котов и направились в сторону восхода солнца.

Вскоре тропа вывела отряд на широкую промоину, где бежал полноводный, в несколько ярдов шириной, ручей. В тени рощи из тамарисков, пальм и олив стояли три палатки.

В воздухе гудели отливающие металлом стрекозы.

«Они ждали нас здесь, — подумал Аттребус. — Нас или кого-то еще…»

Ему сложившаяся ситуация очень не нравилась, но Сул казался донельзя довольным. Как предполагал принц, при желании красноглазый мог убить всех каджитов, но почему-то не хотел решать вопрос силой.

Впрочем… Почему не хотел? Не исключено, что данмер просто выжидал, если припомнить его философию.

— Располагайтесь, — Каджитка сделала широкий жест рукой. — Мы угостим вас пирогом.

На поляне был выложен из камней широкий очаг, внутри которого слабо курился серый пепел, а вокруг выстроились палатки. Сул и Аттребус спешились и уселись у очага, каджиты, сопровождавшие их, присели рядом. Даже подобные тиграм ездовые звери улеглись возле всадников.

Из-под кожаных пологов доносилось взволнованное мяуканье и обрывки слов. Двое маленьких любопытных котят выглянули из-за откидной створки и быстро спрятались.

Сразу после этого из палатки выбралась каджитка, на взгляд Аттребуса, очень старая. Она несла поднос с горкой круглых пирогов и узкогорлой стеклянной бутылкой.

Опустившись перед Сулом на колени, старуха расстелила у его ног прямоугольный кусок ткани, а сверху положила пирог. Выверенным движением она захватила щепотку порошка из тарелки, тоже стоящей на подносе, и посыпала на поджаристую корочку, а после отмерила ровно четыре капли золотистой жидкости из бутылки.

Потом она повторила церемонию с Аттребусом и с каждым усевшимся у огня каджитом.

— Теперь мы назовем свои имена, — сказала похожая на мера каджитка.

Вблизи она показалась еще более красивой и необычной, чем раньше. А кроме того, принц заметил, что черные отметины у нее на лице не естественного происхождения, а татуировка. Может быть, она вообще не была кошкой.

— Я — Лесспа, — сказала она. — Наш клан называется Ф'ааш. Это — М'каи, моя сестра. — Каджитка повернулась к соседке слева. — Дальше — Таадж, мой кузен со стороны матери. А это — Ша'джал, мой брат.

Аттребус моргнул. Кажется, она указывала на одно из верховых животных.

Принц с трудом припомнил кое-какие из уроков, полученных в далеком детстве. Или на самом деле это была история о четырех каджитах и убегающем звере, которую ему рассказывала на ночь нянька? Так или иначе, он мало знал об этой расе…

Когда Лесспа закончила представлять сородичей, принц и Сул объявили свои имена. Его высочество проявил осторожность, назвавшись Требом. После чего каждый взял по пирогу.

— Можешь просто поднести к губам, и церемония будет считаться состоявшейся, — негромко сказал Сул. — Есть на самом деле не обязательно. Пища каджитов может быть для нас опасной, и они это понимают.

Услышавшая его слова Лесспа одобрительно кивнула, но ничего не добавила.

Аттребус наблюдал, как люди-кошки жадно облизывали и поедали сладости, а живот его урчал от голода.

После окончания торжественной части из палаток выбрались все жители передвижного поселка — от мала до велика. Принц насчитал восемь взрослых и около двенадцати разновозрастных детенышей. Они развели огонь и принялись поджаривать на камнях мясо.

— А это мне можно есть? — спросил он у Сула.

— Если очень хочешь. Можно поручиться за безвредность сотового меда и супа из фиников. Пироги они начиняют лунным сахаром, а это наркотик. Из него еще делают скуму.

— По-моему, на них лунный сахар не повлиял никак… — Аттребус оглядел хозяев.

— Конечно! Они же каджиты и по-другому его воспринимают. Едят ежедневно — то в одном виде, то в другом. Каджиты отличаются от людей и от меров тоже. Их даже скума не берет. Хотя я слышал, что и среди их народа встречаются «подсевшие».

— Лесспа выглядит так, будто совсем от нас не отличается.

— Вот поэтому, — фыркнул Сул, — многие люди считают каджитов разновидностью меров. А на самом деле все это зависит от фаз наших лун. Сочетание фаз Массера и Секунды определяют разновидность каджитов и их наименование, само собой.

— Так этот зверь правда ее брат? То есть у них одни и те же родители?

— Скорее всего, да. Но на твоем месте я избегал бы

расспросов, а не то ляпнешь невзначай что-нибудь обидное.

Аттребус кивал, чувствуя себя дураком. Рядом с Сулом, обладавшим, казалось, самыми разнообразными познаниями, он выглядел полным неучем. Раньше, всякий раз, отправляясь в какую-либо провинцию, он просил принести книги, проливающие свет на незнакомые ему особенности местных жителей, или разыскать человека, способного устно удовлетворить любопытство наследного принца. Обычно этого оказывалось достаточно. Поэтому Аттребус не особенно нагружал память знаниями о местах, не намеченных для посещения в ближайшее время. И теперь вот задавался вопросом — почему не разузнал заранее о Чернотопье и чем грозит ему неосведомленность?

А кроме всего прочего, принца очень мучило сознание, что он, совершив сложный ритуал знакомства с каджитами, возможно, даже побратавшись с ними, не знал самых простых и общеизвестных основ существования этого народа. Попытавшись вспомнить свои беседы с уроженцами Эльсвейра, служившими в его охране, Аттребус пришел к неутешительному выводу, что любой из этих разговоров состоял из не более чем двух-трех фраз.

Вот и задумаешься после этого, действительно ли охранники были вдобавок друзьями его высочества, как он любил заявлять? Знал ли он своих телохранителей так хорошо, как всем говорил? Жил ли их нуждами?

И эти невеселые мысли вновь вернули его к вопросу: может быть, Сул прав?

Лесспа привлекла внимание гостей, гибко, с грацией дикого зверя, потянувшись и застыв во внешне расслабленной, но для знатока — весьма опасной позе прирожденного воина.

— Теперь, — вкрадчиво проговорила она, — пришла пора обсудить Дже'м'ат.

— Замечательно! — подчеркнуто обрадовался данмер. — Чем мы можем вам помочь?

— У нас заканчивается лунный сахар. Можно было бы пополнить запас в Риммене, однако новый управляющий города запретил кочевым кланам появляться внутри стен и заявил, что торговать с нами лунным сахаром никто не будет. Вы не каджиты, вам дозволено отправиться в Риммен и купить сахар.

— Почему он не хочет продавать его вам?

— Не любит вольные кланы. Он объявил нас вне закона на нашей же земле. Каджиты, живущие в городской черте, снабжаются всем необходимым. Но хотим ли мы такой жизни? Нет, не хотим.

— Твои доводы вполне разумны и убедительны, — задумчиво произнес Сул. — Но наш путь лежит по направлению к границе и

проходит далеко от Риммена.

— Мы повернем отсюда.

— Замечательно, — глубокомысленно кивнул данмер.

— Погодите! — воскликнул Аттребус.

— Еще чего! — отмахнулся Сул.

— Ты не понимаешь…

— Веду переговоры я! — отрезал серокожий и обратился к Лесспе: — Вы обещаете нам мир, если мы поможем вам добыть лунный сахар?

— Мы будем защищать вас.

— Защищать нас от ваших сородичей? — уточнил Сул.

— Хорошо, что вы повстречали нас — для вас это удача. На севере нет никакого порядка, там живут одни разбойники и убийцы. Они нападают на более слабые кланы каджитов, уже не говоря о людях, на которых охотятся все кому не лень. Несколько миль до Риммена и еще много миль до границы царит беспорядок. Мы поможем вам выжить, если вы поможете нам.

— А если мы откажемся? Вы нас убьете?

— Нет. Мы разделили с вами пироги. Может быть, убьем в другой раз, но не сейчас. Однако без нашей защиты вы и так погибнете достаточно скоро.

Аттребус глянул на Сула.

— Она говорит правду?

— Скорее всего, да. Последний раз, когда я проезжал через эти края, Империя поддерживала порядок, поскольку Эльсвейр был ее частью. С тех пор многое изменилось.

— Поддерживала, да, — кивнула Лесспа. — Но не теперь. Сейчас все будто одичали. Вы знаете, что Грива погиб? На юге война. Здесь пока еще просто беспорядки. И управляющий Риммена делает все, чтобы их увеличить.

— Послушай! — наконец-то смог вставить слово Аттребус, изо всех сил стараясь говорить твердо и уверенно. — Наше с Сулом дело чрезвычайно важно. В Чернотопье происходит нечто очень и очень плохое — настолько плохое, что может уничтожить всех нас. Возможность оказать нам помощь вы должны воспринимать как честь и гордиться этим.

— Мы поможем вам, — не моргнула глазом каджитка. — И вы дадите нам Дже'м'ат. А после вы отправитесь уничтожать ваше зло в Чернотопье, а мы повернем на запад.

— Я согласен! — заявил данмер прежде, чем принц успел возразить.

Этой ночью Аннаиг не ответила на вызов принца, а он и не настаивал. Возможно, девушка спала, утомившись за день, или

была занята важной работой. Поэтому Аттребус улегся, все еще расстроенный сделкой, которую заключил Сул. Кроме того, принца злило, что Лесспа наверняка решила, будто именно данмер возглавляет их маленький отряд.

Но на следующий день Аттребус поневоле согласился, что, возможно, Сул принял правильное решение. Еще до полудня они встретили два кочевья каджитов, которые явно желали смерти человека и мера. Глава первого пытался купить их, а второй рассчитывал захватить силой, но отступил ввиду преимущества отряда Лесспы.

Миновав бесплодные скалистые земли, путники выбрались на равнину, покрытую редким кустарником, на которой застывшими волнами протянулись гряды холмов. Через два дня вдалеке засияли золотые купола храмов.

— Это Риммен, — сказала Лесспа. — Мы не имеем права подъезжать ближе.

— До города еще довольно далеко, — хмуро произнес Сул. — Что мы можем встретить на пути?

— Патрули римменцев или торговцев. Вам это ничем не грозит, но для нас опасно. — Каджитка протянула потертую кожаную сумку. — Постарайтесь добраться.

Оставив Лесспу и ее клан в холмах, принц и Сул вдвоем направились к городу.

— Пустая трата времени, — проворчал Аттребус. — Мы потеряем целый день.

— Не потеряем, — ответил данмер. — Поедем прямо к границе. Не знаю, как ты, а я ничего не забыл в Риммене.

Сперва принц не поверил своим ушам. Потом подумал, что неправильно понял.

— Но ты же поклялся! — возмутился он. — Мы пообещали им помочь. Ты взял у них деньги.

— Которые наверняка нам пригодятся.

— Но они выполнили свою часть сделки! Не можем же мы…

— Еще как можем. Я нарушал и более серьезные клятвы. И ничего, пережил. Посещение Риммена не только пустая трата времени, как ты сказал, но и противозаконное деяние. Снабжать кочевые племена каджитов лунным сахаром запрещено властями.

— Мне эти законы не кажутся справедливыми.

— Хочешь поспорить? И зачем, скажи на милость? Не придумано еще закона, который был бы справедлив ко всем без исключения. Скажем так, законы против краж очень несправедливы по отношению к ворам. Подумай лучше вот о чем — сможешь ли ты освободить свою драгоценную Аннаиг, если угодишь в темницу или на эшафот?

Насмешливые слова данмера вызвали у Аттребуса вспышку ярости.

— А что я могу сделать?! — выкрикнул он. — Ты сам сказал — я совсем не тот, кем себя считаю! Я — ничтожество! Мы только вдвоем собираемся сражаться с летающим островом, да еще и я — бесполезная обуза!

Он захрипел, закашлялся и замолчал.

— Но мы идем, — невозмутимо заметил Сул.

— Что для тебя важно, в конце-то концов? Я не представляю, чтобы тебя заботила участь всех тех людей, которым Умбриэль грозит смертью.

— Верно. Меня это не волнует.

— А что тогда? Что тебя волнует? Почему ты хочешь его остановить?

Данмер медленно повернул голову, и в его ужасных красных глазах Аттребус увидел то, чего не замечал прежде. Боль.

— Когда-то я любил, — прорычал Сул. — Моя любимая погибла. Мою родину разрушили. Мой народ рассеялся по всем четырем сторонам света. Я утратил все. Виновники должны поплатиться. А один из них сейчас на Умбриэле. Тебя устраивает такое объяснение?

Его заявление лишило Аттребуса дара речи — не столько слова, сколько мука, звучавшая в голосе.

— Я сочувствую… — промямлил он, отводя глаза.

— Тогда поехали.

Но принц не мог позволить себе на этом закончить.

— Ты, наверное, был там, когда взорвалась Красная гора? Ты видел, как это произошло?

Сул не отвечал.

— Наверное, это ужасно… — продолжал Аттребус. — Я не могу вообразить…

— Ну и ладно! Во имя Мефалы, мне все равно, что ты можешь вообразить, а чего нет! Просто делай, как я говорю.

Его голос все еще звучал непривычно. Аттребус полностью не доверял спутнику, но начинал испытывать сочувствие. Во всяком случае, Сул кровно заинтересован уничтожить Умбриэль. Значит, и во многом другом они могут стать настоящими союзниками.

— Значит, Радаса говорила обо мне правду? — вздохнул принц.

— О, во имя всех богов! — едва не застонал данмер. — Ты снова начинаешь? Ты по-прежнему стыдишься? Думаешь, все знают?

— А разве нет?

— Конечно же нет. — Голос Сула немного смягчился. —

Большинство людей не догадываются, что образ героя-принца — поддельный от начала до конца.

— Мой отец, моя мать, придворные… Они, должно быть, посмеивались за моей спиной.

— И что с того? Ведь народ верит в тебя.

— Люди верят лжи. Ты сам сказал.

— Тогда она должна стать правдой, болван! Стань тем, кем они тебя считают!

— Ты думаешь, это возможно? — Надежда всколыхнулась в душе Аттребуса.

— Не знаю. Но ты можешь попытаться.

— А ты мне поможешь?

— Боюсь, мне придется помочь.

— Почему?

— Ты сам сказал — нас, идущих на битву против Умбриэля, всего двое. Нам нужно добраться до Морровинда и при этом опередить Умбриэль.

— Зачем? Что такое спрятано в Морровинде? Почему ты думаешь, что Умбриэль летит именно туда?

— Просто поверь мне. Мы не сможем одолеть летающий остров, если будем двигаться пешком или на лошадях. Я думаю, что смогу найти способ перемещаться быстрее, но вначале нам следует заглянуть в Нибенскую долину. И весьма полезно было бы обзавестись союзниками. Принц Аттребус из легенд сумел бы найти поддержку.

Аттребус подумал немного и решил, что предложение данмера не лишено здравого смысла.

— Спасибо, — кивнул он.

Сул весьма неохотно вернул поклон.

— Осталось прояснить еще кое-что… — настойчиво продолжал принц.

— Что такое?

— Легендарный Аттребус не может нарушить обещание, данное Лесспе. Уж если он взял деньги у каджитов, то просто обязан добыть для них лунный сахар.

Довольно долго Сул молчал, глядя под копыта коня, а потом его плечи расслабились.

— Хорошо! — сказал он.

Здания Риммена, цвета слоновой кости, могли похвастать немногими башнями, но большим числом куполов. Люди-солдаты, охранявшие ворота, придирчиво осмотрели Сула и Аттребуса, но в конце концов пропустили их в город. Следующую сотню ярдов приезжим пришлось уныло плестись по узкому

проходу между крепостными стенами, увенчанными площадками для лучников, магов и камнеметных машин, а потом они оказались на рынке. Суетливая, яркая толпа бурлила между жмущимися друг к другу лавками и навесами. С площади начиналась широкая улица, ограниченная по сторонам каналами. Она вела ко дворцу с золотыми куполами, который стоял на каменном возвышении в окружении деревьев. Со всех четырех сторон дворца низвергались каскады, питая каналы.

Аттребус задумался: откуда здесь может взяться столько воды? И никакого иного объяснения, кроме волшебства, в его голову не пришло.

Позади восточной стороны дворца виднелась неровная, обрамленная множеством куполов крыша здания — по всей видимости, того самого храма Акавири, о котором упоминала Аннаиг. Принц видел единственное строение с подобной архитектурой — храм Небесного Повелителя, — да и то издали, когда в возрасте десяти лет охотился с отцом и придворными в горах к северу от Брума. Он вспоминал об этой поездке почти с нежностью — тогда принцу удалось убить первого медведя.

Или уже не вспоминал? На многое из своего прошлого Аттребус теперь глядел под другим углом. Если подумать, тот медведь вел себя как-то странно… Был ранен и едва волочил ноги? Или его отравили? А может быть, околдовали, чтобы его высочеству не пришлось трудиться и подвергать жизнь опасности?

Зачем отец так поступал с ним? Почему?

Отогнав невеселые мысли, принц попытался сосредоточиться и старательно запоминать увиденное: ведь он обещал Аннаиг описать Риммен.

Для жителя Империи первой особенностью города было наличие множества каджитов: они составляли более половины толпы. Не привыкшего к этому принца поразило, что многие шли с пустым или, напротив, полубезумным взглядом, сжимая в руках трубки со скумой. Теперь он начал лучше понимать Лесспу и ее сородичей.

Пройдя через площадь, они пересекли канал по пешеходному мосту и двинулись дальше по узкой улочке. Тихонько звучали многочисленные колокольцы, развешанные под крышами домов, порхали в тени голубовато-зеленые мотыльки. Одурманенных каджитов здесь встречалось еще больше. Некоторые пытались попрошайничать, хватая прохожих за полы одежды и протягивая дрожащие ладони, но большинство, будучи телом на улице, душой странствовали в мире грез.

Наконец принц и Сул вышли на небольшую квадратную

площадь с мрачного вида зданием посредине, которое по четырем углам охраняли гвардейцы в фиолетовых сюрко и красных кушаках. Вывеска над дверью гласила, что здесь расположен государственный склад королевства Риммен.

На входе их снова осмотрели, даже похлопали по бокам, возможно, в поисках спрятанного оружия, а потом пропустили в комнату, где стояла очередь примерно человек из двадцати. За прилавком копошилось несколько сотрудников: один из них, альтмер, непосредственно общался с покупателями, а его помощники раскладывали товар в бумажные пакеты.

— Держи! — Сул протянул принцу мешок с деньгами. — Твоя идея — тебе и стоять.

— Что делать? — удивился Аттребус.

— Ты никогда не стоял в очереди, как я понимаю?

— Никогда.

— Замечательно! Заодно наберешься новых жизненных впечатлений. А я посижу под стеночкой. Когда дойдешь до продавца, я подойду.

Альтмер за прилавком выглядел не слишком приветливым — скорее всего, просто смертельно устал. Он принял золото из рук Аттребуса и взвесил мешочек.

— Чего желаете?

— Лунного сахара.

— Здесь будет на сорок фунтов.

— Шестьдесят, — возразил принц, который и раньше любил поторговаться, заключая сделки.

— Я не собираюсь с вами спорить, — устало произнес мер. — Послушайте, пустоземцы! Цена назначена управляющим города. Не хотите — не покупайте. Мне все равно.

— Мы берем! — быстро сказал Сул.

— Тогда я обязан предупредить вас, — монотонно произнес альтмер. — Если вы станете продавать или хотя бы попытаетесь продать лунный сахар в королевстве Риммен, с вас взыщут тройную стоимость товара. Если же вы продадите или попытаетесь продать более чем два фунта лунного сахара, вас возьмут под стражу. Вопросы есть?

— Нет, — покачал головой данмер.

— Очень хорошо. Напишите здесь свое имя. — Продавец толкнул по стойке толстую разлинованную книгу.

Аттребус задумался на мгновение, а потом тщательно вывел: Уриэль Трипитус.

Устроив полученное снадобье в седельных сумках, они выбрались из Риммена и направили коней на запад. Лагеря Лесспы они достигли перед закатом. Каджиты сидели вокруг

огня. Предводительница смотрела на подъезжающих Аттребуса и Сула; на ее лице застыло выражение озабоченности, причину которой принц не мог понять.

Сул натянул поводья.

— Что-то не так… — пробурчал он под нос. — Неправильно как-то…

— Спешиться! — раздался громкий повелительный крик. — Я — капитан Эвернал. Патруль королевства Риммен. Положите мечи на землю и дайте возможность обыскать ваши вьюки.

За пределами освещенного костром круга Аттребус увидел вооруженных людей.

Много людей.

Часть третья
ИЗМЕНА

Глава первая

Плавно скользя сквозь толщу воды, Светло-Глаз плыл над огромным скопищем крабов. Их плоские, усеянные шипами тела плотным ковром покрывали дно Клоаки Сущности, а выше колыхались двадцатифутовые бирюзовые щупальца с ярко-желтыми отравленными коготками на концах.

Стремительные и блестящие, словно отшлифованные клинки, рыбы-зубатки проносились мимо и скрывались среди крабов. Те, кто замешкался, поплатились жизнью — яд коснувшихся чешуи коготков действовал медленно, но надежно.

Аргонианин скучал по Аннаиг и родному Чернотопью и стремился верить, что увидит подругу и сородичей еще хотя бы раз.

Но Клоака Сущности ему нравилась — это было удивительное и красивое место, а главное, тихое, далекое от суеты. Свою работу Светло-Глаз выполнял хорошо — по крайней мере, думал, что хорошо. Его хвалили и не цеплялись по мелочам. Когда он работал с другими скроу, то старался никому не показывать, как быстро умеет плавать, но в те дни, когда оставался под водой один, вовсю использовал преимущества уроженца болот, чтобы получше изучить окрестности.

В поисках выхода он не раз уже старался нырнуть поглубже. Несколько дней назад ему показалось, будто бы в темноте подводного мира мелькнул слабый отсвет, но, к сожалению, пока его поиски успехом не увенчались. Зато совершенно случайно аргонианин обнаружил проход, почти скрытый подводными растениями и животными, сгрудившимися вокруг отверстия. Складывалось впечатление, что вода, прибывавшая из узкой дыры, особенно нравилась здешним обитателям.

Светло-Глаз углубился в туннель с низким потолком, под сводом которого скопилось немного воздуха, — получилось что-то вроде подземного ручья. И он тек сверху! Преодолевая напор воды, ящер поплыл навстречу течению. Русло потока загибалось вверх все круче и круче, двигаться стало труднее…

И вдруг Светло-Глаз услышал звук, поначалу показавшийся незнакомым, но через мгновение он сообразил, что на самом деле просто успел позабыть этот свист, это гудение на одной ноте. Да это же ветер! И чем выше аргонианин забирался по скользким камням, тем громче становился звук.

Вскоре впереди забрезжил свет. Вероятно, он проникал через то же отверстие, куда задувал ветер.

Светло-Глаз удвоил усилия, выбрался из воды и протиснулся

в дыру.

Он стоял между лесом и пустотой.

Ниже скала обрывалась пропастью в несколько тысяч футов глубиной. Летающий остров медленно плыл над бескрайними лесами и черными извилистыми реками его родины.

У молодого ящера защемило сердце и на миг перехватило дыхание. И только знакомое ощущение близости дерева удержало его от необдуманного шага.

Прямо за спиной Светло-Глаза торчал из камней исполинский ствол, толщиной с крепостную башню. Его огромные корни вгрызались в скалу, словно щупальца гигантского осьминога. На высоте не более десятка футов ствол расходился на четыре мощные ветви, одна из которых проходила прямо над головой аргонианина. Выше, в переплетении тонких побегов, угадывались еще ветки. Плотная листва почти целиком заслоняла небо.

Светло-Глаз замер, впитывая душой запахи, переливы цвета и вид шершавой коры. На него нахлынуло чувство умиротворения и дружеской поддержки.

И звуки… Птицы не менее чем тридцати различных видов пели в листве, порождая изысканную музыку. В звонкое щебетание вплетались свист ветра в кроне, шорох листвы, слабые крики внизу…

Странное ощущение зародилось в его сердце. Будто нечто тихонько, но настойчиво гудело рядом с головой. Или в голове?

А потом аргонианин понял: таинственный зов шел от дерева.

Он шагнул вперед и положил ладони на бугристый ствол. Звуки усилились, превращаясь в невнятное бормотание. Говорила кора, шептала листва.

Дерево напомнило ему о Хист.

Конечно, оно принадлежало к другой породе: на это указывали более узкие листья, более гладкая кора, другой запах. Но вне всякого сомнения, умбриэльское дерево состояло с Хист в отдаленном родстве. Как красные и белые дубы.

Охваченный любопытством Светло-Глаз подпрыгнул, вцепился в нижнюю ветку и вскарабкался наверх. Осторожно придерживаясь когтями, прошел вдоль нее прочь от ствола. По соседней ветви гуськом проследовала стайка существ, похожих на обезьян; каждое из них тащило за плечами длинную корзину, которая удерживалась переброшенной через лоб лентой. В корзинах лежали плоды, среди скроу называемые «кровавыми орехами». А вскоре аргонианин увидел эти орехи, растущие на побегах, что свисали наподобие виноградных лоз. Забравшись выше, туда, где сквозь крону пробивались солнечные лучи,

Светло-Глаз нашел и другие плоды, и злаки с тяжелыми колосьями — они росли прямо из коры, будто кто-то их там посадил.

Изучая растения, он услышал позади негромкий вздох. А обернувшись, увидел молодую женщину, цветом кожи напоминавшую данмера. Босая, в свободной рубахе, коротких штанах до колена и широкополой шляпе, она смотрела на него с нескрываемым ужасом, а при виде морды ящера отшатнулась.

— Я не враг, — сказал Светло-Глаз мягко, стараясь показать дружелюбие. — Я только хотел поближе посмотреть дерево.

— Ты меня удивил, — ответила женщина. — Я не видела никого, похожего на тебя.

— Я работаю в Клоаке Сущности.

— О! Это все объясняет. Я никого не встречала оттуда. — Она взглянула пристально. — Тебе нравится Клоака Сущности?

— Я выполняю свою работу, вот и все. Мне нравится вода и существа, живущие в ней. И это интересно. Мы помогаем рождаться… А здесь у вас красиво. — Он посмотрел по сторонам. — Тебе должно быть приятно здесь работать.

— Забавно, что ты заметил, — улыбнулась она. — Я никогда не задумывалась. Ну, до тех пор, пока не увидела вот это… — Женщина показала рукой на проплывающее внизу Чернотопье.

— А что там было раньше?

— Да ничего, насколько я помню. Старшие работники деревьев утверждают, что и раньше было время, когда вверху находилось небо, а внизу земля. А некоторые даже говорят, будто в старину Умбриэль не летал, а оставался на одном месте, как те холмы внизу. Правда, забавно? Жить на одном месте…

— Знаешь, до недавнего времени и я так жил.

— Что ты хочешь сказать?

— Я оттуда. — Ящер кивнул на Чернотопье.

Слова сорвались с языка и вылетели, а Светло-Глаз уже пожалел, что не может втянуть их обратно. Вдруг она расскажет кому-нибудь? Пойдут слухи, что он забрался далеко от места работы. Конечно, никто ему не запрещал покидать Клоаку Сущности, но никто и не разрешал. А насколько он успел понять умбриэльские порядки, отсутствие прямого разрешения — тот же самый запрет.

— Оттуда? — повторила женщина. — Удивительно! Никогда бы не подумала! А как ты попал сюда, к нам?

— Я прилетел, — неохотно ответил аргонианин. — Я думал, все на Умбриэле знают нашу историю. Ну, во всяком случае, в кухнях о нас знали все.

— Ты бывал на кухнях? — Она содрогнулась.

— Да. А что такое?

— Говорят, там ужасно. Я слышала всякие пугающие рассказы… Мой друг Кальмо доставляет зерно на пять кухонь, и он рассказывал…

— А ты знаешь, как отсюда добраться до кухонь?

— Нет. Но я могу спросить у Кальмо.

— Не могла бы ты сделать это для меня?

— Прямо сейчас? — Она замялась. — Я не уверена, что знаю, где он…

— Нет, когда встретишь. У меня есть друг, который все еще работает там. Мне бы хотелось с ним поговорить.

— Спросить я спрошу, а как я расскажу тебе?

— Я вернусь. Когда ты обычно здесь бываешь? Я снова приду.

— Хорошо. — Женщина улыбнулась. — Но взамен я тоже кое о чем тебя попрошу.

— И о чем же?

— Орхидейные креветки. Мы так редко получаем их из нашей кухни… Принесешь? Пожалуйста!

— Да запросто! — кивнул Светло-Глаз.

— А еще ты расскажешь мне, как живется там, внизу.

— В следующий раз обязательно, — пообещал он. — Но сейчас мне нужно уходить.

— Значит, до следующего раза! Я бываю здесь каждый день приблизительно в это время.

— Хорошо. — Ящер неловко переступил с ноги на ногу. — А ничего, если я попрошу тебя никому обо мне не говорить? Я не уверен, что имею право бывать здесь.

— О ком я скажу? Разве ты мне назвался?

— Меня зовут Светло-Глаз.

— Странное имя. Но по-другому и быть не может, правда? Меня зовут Фена.

Аргонианин кивнул, не зная, что еще сказать. Потом повернулся и неохотно отправился назад тем же путем, что и выбрался наверх, — слез с дерева, проскользнул через туннель и очутился снова в Клоаке Сущности.

Теперь у него появилась надежда разыскать Аннаиг. А она, должно быть, не теряет времени, смешивая новое зелье для полетов.

Хотя оставалось еще очень много «если»…

Нырнув поглубже, Светло-Глаз опустился на дно и убедился, что за пару часов его отсутствия ни один из мешочков не изменил цвет. Тогда он направился прямиком на отмель — Верт просил его набрать анемонов. Рыжеволосый скроу очень тяжело переносил ожоги их мягких щупалец, но сквозь чешую

аргонианина жала не проникали.

Еще с утра Светло-Глаз приметил местечко, где лиловые, увенчанные толстыми щупальцами полипы выросли особенно мощными, но, прибыв туда, обнаружил, что в этот день на дне скопилось особенно много трупов. За время работы в Клоаке Сущности он уже привык видеть объедаемых рачками и рыбами мертвецов, а потому собирался просто растолкать их и выполнить обещание. И вдруг на глаза ему попалось знакомое лицо.

Это была та женщина-повар, возглавлявшая кухню, где работала Аннаиг, по имени Куиджн. Даже после смерти ее взгляд пугал.

Потеряв голову от нехорошего предчувствия, Светло-Глаз принялся ворочать и рассматривать трупы. Все они несли на себе изодранные в клочья остатки той же единообразной одежды, что была принята на кухне Куиджн.

Что же случилось, что убило их всех и сразу?

Несчастный случай?

Казнь?

Всякий раз, переворачивая очередное тело, он боялся увидеть лицо Аннаиг, но, даже проверив всех дважды, так и не нашел ее. Правда, это ничего не значило. Вдруг тело утащил падальщик-скорп или другой крупный донный чистильщик?

Светло-Глаз уже собирался осматривать мертвецов в третий раз, как вдруг заметил на песке что-то блестящее. Нырнув, он подцепил когтем цепочку, с которой свисал знакомый медальон Аннаиг. Ее волшебный медальон, устанавливающий связь с металлической птичкой.

Когда аргонианин возвращался к пещере скроу с охапкой анемонов, в его душе бурлила ярость, смешанная с отчаянием.

Обрадованный Верт принял добычу, опасливо оглядываясь на стоящего рядом Эриоба — их надзирателя.

— Ты опоздал! — сурово проговорил Эриоб. Посмотрел на анемоны и рыкнул на Верта. — Ты отправил его делать за тебя работу?!

— Верт выполняет свою работу! — оскалился Светло-Глаз. — И даже делает больше, чем надо. Я просто помог ему. Это плохо?

Мохнатые красно-рыжие брови Эриоба опустились так низко, что едва не закрыли глаза.

— Не твоего ума дело, скроу!

— Да?! — выкрикнул ящер. — Тогда расскажи мне, что здесь моего ума! Ты же здесь самый главный! Ты не дышишь парами! Не возишься с трупами! Не вытаскиваешь новорожденных из воды! Зачем ты вообще нужен здесь, в Клоаке Сущности?! Оставь нас в покое — мы сами знаем, что нам нужно делать! Просто…

Закончить мысль он не успел — Эриоб поднял руку и ткнул перед собой кулаком. Искры брызнули из глаз аргонианина, а потом сменились тьмой. Ноги подломились, и Светло-Глаз без чувств рухнул на пол.

Глава вторая

В легкие врывался раскаленный воздух. Тьма давила на грудь. Очнувшись, Аннаиг обхватила себя руками и почувствовала под пальцами обнаженную, мокрую от пота кожу.

Рядом послышалось всхлипывание, перешедшее в приглушенный крик.

Слабый свет четырех тусклых янтарных глобул, развешанных по углам, позволял различить в нескольких шагах скорчившуюся фигуру.

— Слир?

— Да… — ответил безумный голос. — Что происходит? Нас сжигают заживо?

Аннаиг с трудом поднялась на ноги и осторожно пошла, вздрагивая каждый раз, когда босая подошва соприкасалась с горячим камнем. Раскаленный воздух вырывался из дыры посредине пола. Девушка протянула руку и с визгом ее отдернула.

— Это пар! — воскликнула она.

— Зачем? Что они с нами делают?

И вправду, что с ними делают? Аннаиг вспомнила сражение, синие глаза Тоэла, прикосновение к ее губам… И больше ничего.

Она почти на ощупь подобралась к стене и вскоре обнаружила стык — возможно, дверь. Слир подползла к ней, хрипло дыша.

— Я не знаю, что происходит, — попыталась ободрить ее Аннаиг. — Но я… не думаю, что нас собираются убивать. Здесь жарко, но не смертельно. И пар не становится горячее.

— Похоже, — согласилась Слир. — Наверное, ты права. Зачем ему с таким трудом нас захватывать, чтобы потом убить? Он же не полный дурак… — Но ее голос звучал так, будто она пыталась прежде всего убедить себя.

— Я не знаю Тоэла, — вздохнула Аннаиг. — Я ничего о нем не знаю.

— А ты думаешь, я знаю? — возмутилась Слир.

— Я этого не говорила.

Серокожая задумалась на миг.

— Ну ладно, — сказала она. — Я слышала о нем кое-что. Он… — Она замолчала и неожиданно рассмеялась, а потом вернулась к лежанке, с которой сползла.

— Что такое? — окликнула ее девушка.

— Думаю, нас просто чистят. Я слышала, они используют пар, чтобы удалить грязь с тела.

— О! — вспомнила Аннаиг. — Я тоже слышала о таком! В Скайриме! Оттуда в Сиродиил пришел обычай мыться паром. Чернотопье гораздо дальше на юг, аргониане не потеют, поэтому там купания паром не понимают…

Страх отступил, дыхание выровнялось. Теперь, когда все объяснилось, девушка даже почувствовала удовольствие от окутывающего тело влажного пара.

— А что ты еще знаешь о Тоэле?

— То, что знают о нем все. Большинство поваров из верхних кухонь получают должность по праву рождения, но он начал путь снизу и был поначалу таким же, как мы. Если он решил что-то заполучить, то добьется во что бы то ни стало.

— Ясно.

— Остальное ты знаешь сама. Куиджн и ее кухня служили трем лордам, но Тоэл служит гораздо большему числу. И это куда опаснее. Чтобы добиться своего положения, он немало потрудился. И убил немало людей, я думаю.

— Убил?

— И всех работников нашей кухни, между прочим.

— А они все мертвы?

— Я не видела, чтобы кто-нибудь спасся.

Аннаиг почувствовала головокружение. Жарче не становилось, но горячий пар утомлял, высасывая силы.

— Как жалко… — прошептала она. — Ну я-то так и не успела познакомиться с большинством из них, но ты…

— Я ненавидела большинство из них. А почти ко всем оставшимся была равнодушна.

— Но ты спасла мне жизнь, когда Куиджн хотела…

— Ты не такая, как все.

— Спасибо.

Слир похлопала девушку по руке.

— А кроме того… Тоэл явился, чтобы захватить тебя. Если бы ты погибла, чем я могла бы ему пригодиться?

— Ты наговариваешь на себя.

— Нет, вряд ли, — мягко ответила серокожая.

Повисло неловкое молчание.

— Надеюсь, — прервала его Аннаиг, — нас вскоре отсюда выпустят.

— Я тоже…

Но вскоре воздух стал слишком горячим, чтобы разговаривать. Девушка опустила голову на колени, закрыла глаза и попыталась представить себя на дамбе Йор-Тика в Чернотопье. Будто бы Глаз отправился понырять за трепангами, а она тем временем бездельничает на солнцепеке. Поддерживать в

уме мирную картинку оказалось нелегко — перед глазами постоянно возникали сцены сражения в кухнях, резни и в особенности взгляд умирающей Куиджн.

Вспомнив о ней, Аннаиг ощупала запястье. Невидимое выпуклое кольцо все еще находилось там, но те, кто ее раздевал, его не заметили. Вот если бы узнать, как им пользоваться… Тогда она получила бы хотя бы маленькое преимущество перед врагами. Девушка сжала браслет, рассчитывая найти кнопку, выпускающую невидимое лезвие, но не преуспела. А потом жар и усталость отбили у нее всякое желание заниматься поисками: мысли едва-едва шевелились в голове.

Когда Аннаиг решила, что терпеть больше не в силах, дверь распахнулась, внутрь ворвался яркий свет, а вместе с ним — свежий прохладный воздух, сладкий, как поцелуй.

— Выходите! — прозвучал властный голос. — Прыгайте в воду!

Аннаиг замешкалась, стесняясь наготы, но ей очень хотелось хоть немного остыть. За дверью она увидела водоем, от которого так и веяло прохладой.

Слир первая шагнула за порог, и девушке оставалось лишь последовать за ней. К ее удивлению, за дверью не было ни единого живого существа, хотя источник звука, казалось, находился совсем рядом.

Чистая, прозрачная вода оказалась такой холодной, что потемнело в глазах и захватило дух. Пронзительный визг помимо воли вырвался из ее горла.

— Каос! — закричала она, погружаясь до подбородка.

— О, дерьмо! — задохнулась Слир.

Их взгляды встретились, и обе расхохотались, неудержимо и без остановки. Веселье вырвалось из Аннаиг, как старое вино из бутылки; оно отдавало скорее безумием, чем истинным счастьем, но уж лучше так, чем горько рыдать и молить о помощи.

— Видела бы ты себя! — Слир первой опомнилась, хотя все еще давилась смехом.

— Думаю, я немного отличалась от тебя! О боги! Как же тут холодно!

Девушка огляделась по сторонам. Стены комнаты покрывала богатая драпировка из ткани золотистого, гиацинтового, лимонно-желтого и красновато-коричневого цветов. Полосы свисали со стен и потолка, создавая впечатление шатра или палатки. По углам висели такие же глобулы, как и в парной, но более яркие, заливая помещение приятным для глаз светом. На крючках в ближайшей стене Аннаиг увидела два вышитых золотом одеяния.

— Надеюсь, это для нас, — сказала она.

— Еще не пора! — неожиданно ответил голос. — Возвращайтесь и грейтесь!

На этот раз Аннаиг удалось разглядеть, кто же говорит: над дверным проемом сидело существо, покрытое зелеными, рыжими и желтыми пятнами и чем-то похожее на крупную лягушку.

— Вернуться туда? — переспросила девушка.

— Вы очень грязны, — произнесла тварь. — Нужно много времени, чтобы очиститься. Но ведь это довольно приятно, правда же?

Часом спустя Аннаиг ощутила, что лишилась последних сил: то жар, то ледяная вода, а кроме того, зверский голод. Но в конце концов лягушка-переросток кивнула и разрешила одеваться.

Прикосновение ткани к телу не напоминало ничего из испытанного раньше — она была совершенно гладкой, словно вода.

— Следуйте за мной!

Спрыгнув со стены, существо поднялось на кривоватые задние лапы и проковыляло через скрытый полотном проход в облицованный гладким камнем коридор. Несколько поворотов — и они очутились в комнате, очевидно предназначенной для сна и отдыха, как рассудила Аннаиг, глядя на приглушенные оттенки драпировки. Посредине стоял низкий столик, а на нем — кувшины, поднос с плодами, съедобными побегами папоротника и пара маленьких тарелочек с разными соусами.

— Поешьте! — приказала лягушка. — Отдыхайте! А потом будьте готовы говорить с лордом Тоэлом.

Дважды повторять ей не пришлось.

Шипучий напиток, налитый в кувшин, обладал легким запахом жимолости и сливы и отлично утолял жажду. Вкус плодов оказался незнакомым, но приятным. Маленькие оранжевые ягоды с жесткой кожурой и мягкой кисло-сладкой сердцевиной; черные четырехугольные ломтики, похожие на твердый сыр; крошечные ягоды, величиной с булавочную головку, тающие на языке. По сравнению с ними стебли папоротника казались грубыми, но густые соусы отлично дополняли и привносили толику необычности обыденной еде.

Несмотря на то что в напитке не ощущалось хмельного, насытившись, Аннаиг почувствовала, как слипаются глаза.

— Как хорошо… — прошептала она, озираясь. У стены стояли две кровати. — Как ты думаешь, это наша комната? Я хочу сказать — целая комната только для нас?

— Ну да! Как наше убежище в кухне Куиджн.

— Только больше. И с кроватями. И еда такая интересная…

— Всю жизнь мечтала об этом, — пробормотала Слир, закрыв глаза. — Но не знала, что это так хорошо.

— Мои поздравления, — усмехнулась Аннаиг.

— Нет, это все из-за тебя. — Серокожая покачала головой. — Из-за твоих выдумок… Когда Тоэл поймет, то вышвырнет меня из своей кухни, как Куиджн вышвырнула твоего друга ящера.

— Я не позволю. Без тебя я не смогла бы начать работу тогда, не смогу и сейчас. Ты мне нужна.

— Тоэл найдет целую кучу поваров тебе в помощь.

— Мало ли чего он найдет! Или мы вдвоем, или ни одной.

— Ты странная, — покачала головой Слир. — Я… — Она понурилась.

— Что?

— Я говорила, что в кухне Куиджн никто мне не был дорог. Но если бы ты погибла, мне было бы жаль.

— Спасибо, — улыбнулась Аннаиг.

— Не за что! — Серокожая встала, пошатываясь. — Какую кровать ты выбираешь?

— Мне все равно. Выбирай ты.

С трудом добравшись до мягкого ложа, Аннаиг вытянулась на восхитительно гладких простынях. А уж после жестких лежаков и сна на каменном полу это и вовсе казалось неземным блаженством.

Прежде чем заснуть, она хотела открыть медальон и поговорить с Аттребусом, рассказать ему, что с ней произошло.

Но амулет исчез.

Проснувшись поутру, девушка ощутила такую бодрость, какой не испытывала ни разу с момента прибытия на Умбриэль. Да и до того, пожалуй. Слир сопела, уткнувшись лицом в подушку, но похожая на лягушку тварь уже вернулась и терпеливо ожидала их пробуждения около стола.

— Ты позавтракаешь с лордом Тоэлом, — сказала она, увидев, что Аннаиг открыла глаза.

— Сейчас. Только разбужу Слир.

— Нет. Только ты.

Опасения, высказанные серокожей ночью, всплыли в уме Аннаиг.

— Я хочу…

— Ты не должна возражать приказам лорда Тоэла, — бесстрастно прервала ее тварь.

Девушка кивнула, напомнив себе лишний раз, что нужно набраться терпения, но выполнить миссию, которую взвалила на

плечи. Кроме того, как ей замолвить слово за Слир, если начинать знакомство с лордом с неповиновения?

— Как тебя зовут? — спросила она лягушку.

— Дулджиижбиддиждгадинджу, — пробормотала та. — Глююип.

Вот так имечко! И как прикажете это выговаривать?

— Дулбиг… — начала девушка.

— Можно Дулдж!

— Веди меня, Дулдж!

— Приведи себя в порядок вначале! — Лягушка указала короткой лапкой на стену.

Аннаиг повернула голову и увидела черное с золотом платье, сделанное, по всей видимости, из паутины или чего-то не менее утонченного, как и другая одежда, которую носили здесь.

Девушка никогда не видела такой красоты. Платье, украшенное бисерной вышивкой на манжетах и вороте, облегало все изгибы ее тела, чем привело в смущение. Она чувствовала себя неуклюжей — не то что в простой и удобной рабочей одежде. Хотя ее отец и происходил из знатного рода Высокогорья и обладал кое-какой недвижимостью в Чернотопье, их семья обеднела еще до рождения Аннаиг. Никаких балов, приемов или вечеров в театре… Вся эта мишура рассыпалась в пыль, когда аргониане изгнали имперцев и вновь вернули власть над своими землями.

Раньше ее не волновало отсутствие роскоши. Ну, по крайней мере, Аннаиг сумела себя убедить, что богатство не главное в жизни. Но сейчас помимо воли всплыл вопрос: как бы она понравилась Аттребусу в этом наряде?

— Ну-ка, ну-ка… — нетерпеливо подгонял ее Дулдж. — Нужно привести в порядок твои волосы и лицо.

С прической ей помог низенький тихий человечек, который не меньше часа провозился, укладывая ее черные локоны. И вот наконец, следуя за колченогим Дулджем, Аннаиг прошла через анфиладу богато обставленных комнат и оказалась в просторном помещении. Легкий ветерок, врывающийся через распахнутую дверь и окно, нес свежесть и прохладу.

Тоэл с усмешкой смотрел на девушку, а она… Она не могла оторвать взгляд от раскинувшейся за окном картины.

У ее ног лежал Умбриэль.

Прямо от террасы, огороженной невысоким парапетом, скала обрывалась вниз, но не вертикально, а под небольшим углом, открывая вид на коническую впадину, наподобие вулканического кратера, на дне которого раскинулось изумрудно-зеленое озеро. А на противоположном берегу вырастал из камня город —

устремленные к небу шпили и ажурные здания, дворцы, похожие на птичьи клетки из разноцветных прутьев. Еще выше на скалистой кромке вздымались замки, словно сотканные из тончайшей паутины, каждый своего неповторимого оттенка. Солнечные лучи преломлялись и играли мириадами бликов и «зайчиков», переливались сотнями крошечных радуг.

— Тебе понравился вид из моего окна? — спросил Тоэл.

Аннаиг напряглась, опасаясь ошибиться с ответом. Но затянувшееся молчание тоже выглядело не слишком вежливо.

— Очень красиво, — пролепетала она. — Я не ожидала…

— Ты не ожидала, что в Умбриэле хоть что-нибудь может показаться красивым?

Девушка открыла рот, чтобы извиниться за допущенную бестактность, но лорд покачал головой.

— Да оно и понятно. Как можно догадываться о красоте, работая в этих ужасных подземельях. Так ведь?

Она кивнула.

— Ты боишься меня, дитя?

— Немножко…

Тоэл улыбнулся и подошел к парапету, оперся руками о каменные перила, сильно наклонившись над обрывом. Аннаиг подумала, что, проявив силу и решительность, могла бы сбросить его…

Но едва ли он так беспечен и наверняка готов к неожиданностям. Двигался Тоэл с изысканной грацией и скрытой силой — сомнительно, чтобы он позволил так легко расправиться с собой.

— Тебе нравится новое жилье? — спросил он, не оборачиваясь.

— Очень! Вы так щедры…

— Я поднял тебя наверх — к свету, красоте и удобствам. Думаю, работать здесь тоже будет интереснее и легче.

Оттолкнувшись от парапета, Тоэл вернулся в комнату и уселся за небольшой стол. Указал девушке на свободный стул:

— Присаживайся. Присоединяйся ко мне.

С легким поклоном она подчинилась. Тут же слуга в жилете, украшенном множеством пуговиц, поднес им ледяной напиток с пузырьками, которые лопались на языке и кололи нёбо. На вкус — смесь мяты, шалфея и апельсиновых корочек.

— А теперь, — Тоэл глянул ей прямо в глаза, — расскажи мне о тех местах, откуда ты родом.

— Что вы имеете в виду?

— На что они похожи? Какая там жизнь? Чем ты занималась? Все в таком роде.

Сперва она растерялась и тут же осознала, что никто из местных обитателей не задавался таким вопросом. Даже Слир не интересовало ничего из ее прежней жизни, кроме того что касалось растений, животных и минералов.

— Теперь там осталось не много из того, что мне дорого… — задумчиво ответила девушка.

— Может, да, а может, и нет… Но ведь часть твоего мира живет внутри тебя здесь, на Умбриэле, не правда ли? И внутри самого Умбриэля.

— Вы хотите сказать, что души обитателей моего мира похищены и переработаны здесь?

— Не просто переработаны, — мягко возразил Тоэл. — Главным образом да, конечно. Умбриэль должен использовать жизненную энергию, чтобы удерживаться в воздухе и вообще существовать. Но часть украденных, как ты говоришь, душ преобразуется здесь, повторяется и рождается заново. Утешься этой мыслью, если сможешь. А если и нет, то не стоит тратить на сожаление время и душевные силы.

— Вы думаете, сожаление — пустая трата времени?

— И сил тоже. А как может быть иначе? Гнев, страх, удовольствие могут привести к чему-то полезному. Но горе и жалость не ведут ни к чему, за исключением плохоньких стихов, которые, если подумать, хуже, чем ничего. Ну а теперь рассказывай мне о том, о чем я спросил.

Аннаиг опустила веки, пытаясь сообразить, с чего же следует начинать. Меньше всего она хотела случайно выболтать какой-нибудь секрет своего мира, используя который Умбриэль и его хозяева смогли бы усилиться и укрепить власть.

— Мой дом, — начала она, — стоял в городе под названием Лилмот. Он находится в королевстве Чернотопье или Аргония. Там я жила с отцом. Он был…

Тоэл поднял палец.

— Извини, что прерываю. Что значит — отец?

— Возможно, я использовала неправильное слово. Я все еще плохо знаю наречие, которое используют здесь…

— Вот именно. Я раньше не слышал такого слова.

— Отец — человек, который произвел меня на свет.

Лорд ответил непонимающим взглядом.

— Ну, мужчина и женщина… Они… — Аннаиг сложила ладони вместе. — Они рожают детей…

— Да? — поднял бровь Тоэл. — Продолжай. Это может быть интересно.

Девушка почувствовала, как кровь приливает к щекам.

— Ты со мной согласна, я вижу, — кивнул лорд. — Очень

интересно. Получается, что отец — человек, с которым ты занималась порождением?

— Нет! Нет, что вы! Это было бы… О, нет… Я совсем не то хотела сказать. — Аннаиг покачала головой и начала сначала. — Мужчина и женщина — мои отец и мать — зачали меня и родили.

— Родили тебя?

— Я родилась у них.

— Бессмысленное заявление, дитя мое.

— После того как меня зачали, я росла внутри матери, пока не родилась.

Впервые на лице лорда отразилось удивление, глаза расширились. Это выражение не шло ему.

— Ты хочешь сказать, что находилась внутри женщины, а потом вышла из нее?

— Да.

— Наподобие червя-паразита зиль или древоточца?

— Да нет, вполне обычно… А разве… Разве вы не были рождены?

— Чушь! — рассмеялся он. — Какая чушь! А ты ела ее труп после того, как вышла из нее?

— Нет. Мое рождение ее не убило.

— А какого ты была размера?

Девушка показала приблизительную величину новорожденного.

— Удивительно… — протянул Тоэл. — Я надеялся не зря: беседовать с тобой необычайно интересно и поучительно.

— Значит, ваши люди… ну, на Умбриэле… не рождаются?

— Конечно нет. Мы появляемся из Клоаки Сущности.

— Да? Но вы используете слово «порождать».

— Оно обозначает просто совокупление и ничего больше.

Аннаиг почувствовала, что привычный мир переворачивается с ног на голову. До сих пор она предполагала, что все упоминания о появлении из Клоаки Сущности и возвращении в нее — не больше чем иносказание, еще один способ говорить о коловращении жизни и смерти.

Но теперь она ясно видела, что Тоэл вовсе не шутил.

— Продолжай, пожалуйста, — попросил он. — Расскажи мне еще о какой-нибудь мерзости.

Так они и беседовали. Лорд не прерывал ее больше, внимательно слушал, только иногда задавал уточняющие вопросы — как правило, по поводу незнакомых названий.

Она рассказала о своей жизни в Чернотопье, об истории аргонианского королевства, об откоде его от Империи, о развале самой Империи, но о возрождении Империи, о новом императоре

и об Аттребусе умышленно умолчала. Утаивание сведений давалось Аннаиг с большим трудом — Тоэл умел слушать, умел поощрить, подтолкнуть, чтобы хотелось рассказывать еще и еще.

Когда она запыхалась и остановилась, лорд сидел, опустив подбородок на сцепленные пальцы.

— Очень любопытно, — негромко произнес он. — Ты поведала мне о бескрайних лесах и пустынях, о государствах, размер которых превосходит мое воображение. Я никогда не бывал в таких краях. И никогда не побываю. Умбриэль — единственный мир, который я знаю и буду знать когда-либо. Теперь Умбриэль стал и твоим домом, единственным местом, которое ты будешь знать и видеть. Поэтому не трать время впустую, тоскуя о том, что потеряла. Ты никогда не вернешься туда.

— Но мой мир здесь, рядом. Он лежит внизу под Умбриэлем, — возразила девушка. — Мы можем вместе спуститься туда. Я бы показала вам все это…

— Не все так просто, — покачал головой Тоэл. — Можно сказать, что Умбриэль находится рядом с твоим миром и даже почти в нем. Но ты теперь связана с ним навеки. Ты видела личинок? Видела, как они теряют материальную форму, когда улетают слишком далеко от Умбриэля? То же будет и со мной, если я решу покинуть мой мир. Мое тело распадется, а душа вернется, и ее вновь используют здесь. Я не могу отсюда уйти. И ты тоже.

— Но я ведь не из Умбриэля! — воскликнула Аннаиг. — Я не часть этого мира!

— Пока еще. Но очень скоро ты станешь такой же частью Умбриэля, как и я.

Глава третья

Человек, назвавшийся капитаном Эверналом, вышел из-за палатки — это был усатый мужчина приблизительно сорока лет от роду, светловолосый и загорелый.

Кроме него Аттребус видел еще человек двадцать, но подозревал, что их гораздо больше.

— Что происходит? — спросил Сул.

— Зависит от того, что вы собрались тут делать, — пожал плечами Эвернал.

— Мы ничего не собираемся делать.

— Вы находитесь в миле от главной дороги.

— Это преступление?

— Это — нет, — угрюмо заметил капитан. — Но это предполагает, что вы приехали в лагерь не случайно. Поблизости нет ничего, что могло бы вас заинтересовать.

— И тем не менее это вышло случайно. — Данмер пожал плечами. — Мы прогуливались, осматривали окрестности, а когда увидели становище местных жителей, решили взглянуть поближе. Парень никогда не видел их раньше.

— Ладно, — хмыкнул Эвернал. — Может, и так. Но тогда вы не будете возражать, если мы попросим вас показать, что во вьюках?

Сул промолчал, и четверо патрульных подошли к лошадям. Чтобы найти лунный сахар, много времени им не потребовалось.

Аттребус видел, что плечи данмера слегка напряглись, и подумал: «Ого! Драться собирается, не иначе».

— А почему вас интересует наша покупка? — возмутился он вслух. — Я честно заплатил золотом…

— Значит, тебя предупредили о наказании за торговлю с дикими кошками?

— Разве я торговал? Вы видели, чтобы я предложил им что-нибудь купить?

— Ну вот… — Эвернал поднял глаза к небу. — Начинается!

Принц выпрямился, привычно приосанившись.

— Нет, капитан Эвернал! Начинается не у нас. Вы можете выдвинуть нам обвинение, как положено — основываясь на свидетельских показаниях?

— Показания? Зачем они мне нужны? — ответил командир патруля. — Я прекрасно знаю, что вы купили сахар для этих кошек. Чтобы обвинить вас, мне не нужны никакие свидетели и никаких дознавателей. Все очевидно.

— Я это вижу. Тогда, капитан, вы и ваши люди — просто

разбойники.

— Мы — патруль Риммена и обеспечиваем соблюдение законов.

— Вы противоречите сами себе, — фыркнул Аттребус. — Сами только что сказали, что можете убить нас совершенно безнаказанно, и гордитесь тем, что вам не нужны свидетели, расследование и доказательства. Так кто вы после этого, сэр, если не разбойник?

Эвернал покраснел, но на лицах многих из его людей появилось смущенное выражение. Они отводили глаза и переминались с ноги на ногу.

— Уезжайте прочь! — решившись, приказал капитан. — Оставьте сахар и уезжайте.

Аттребус почувствовал, что тугой комок в животе слегка расслабился, но тут увидел лицо Лесспы.

— А как же они? — спросил принц.

— Я сказал, уезжайте! — отрезал капитан. — Благодарите своих богов и убирайтесь прочь.

— Поехали, — негромко проговорил Сул.

— Нет! — твердо заявил Аттребус. Он уже все для себя решил.

— Нет? — переспросил Эвернал.

— Как вы думаете, кто я? — Принц повысил голос. — Я узнал ваш нибенский выговор, капитан Эвернал! Вы можете работать на головореза, который всем заправляет в Риммене, но ваши душа и тело принадлежат Империи. И вы не узнали меня?

Он видел, как расширились глаза капитана, как дрогнул уголок его рта.

— Милорд…

— Неправильно! Еще попытка! Уверен, мою внешность хорошо знают даже в этой глуши!

Капитан сглотнул.

— Мой принц? У вас слегка ушиблено лицо. Поэтому…

— Угадали наконец-то. Поэтому я вас прощаю. Думаю, вы не станете подвергать сомнению законность моих поступков и задерживать моих сопровождающих?

— Сопровождающих? — Эвернал оглянулся на каджитов.

— Это мое дело, капитан. Мы покинем ваши земли через день и больше не вернемся.

— Но, ваше высочество…

— Чего боитесь? Вы же представитель власти.

Капитан вздохнул и подошел поближе.

— Я сражался под знаменами вашего отца, — сказал он. — И много слышал о вас, ваше высочество. Но в Сиродииле мало

работы для воина…

— Тогда вы знаете… — заявил Аттребус гораздо мягче. — Тогда вы можете прочитать в своем сердце, что правильно, а что нет. Вы слышали обо мне. Сейчас я выполняю миссию небывалой важности и уже потерял много времени. Неужели вы хотите, чтобы о вас упоминали как о человеке, попытавшемся воспрепятствовать принцу Аттребусу Миду?

— Нет, ваше высочество, — ответил Эвернал с легким поклоном. — Не хочу.

Принц похлопал его по плечу.

— Вы хороший человек!

Эвернал снова поклонился, а потом поманил одного из солдат и шепнул ему на ухо пару слов. Через несколько мгновений на поляне оставались лишь каджиты и Сул с Аттребусом.

— Ты рисковал, как настоящий игрок, — сказал данмер, глядя в спины уезжающим патрульным. — Было весьма опрометчиво заявить им, кто ты есть на самом деле. Что, если бы они решили взять за тебя выкуп?

Принц улыбнулся, вдруг ощутив слабость в ногах.

— Я заметил, что он до сих пор носит значок восемнадцатого легиона, справа, под плащом, рядом с локоном какой-то девушки, и понял, что он не только сражался в свое время под знаменами моего отца, но и по-прежнему гордится этой службой.

Насмешливое выражение лица Сула смягчилось.

— Ты дрожишь, — сказал он.

Аттребус сел на землю прямо там, где стоял.

— Нет, в самом деле, — пробормотал он, приглаживая пальцами взмокшие волосы. — Я и правда не подумал о последствиях. Мне случалось произносить зажигательные речи, и люди слушались, устремлялись за мной. Но если вся моя жизнь — ложь…

— Сейчас ты был очень похож на настоящего принца, — заверил его Сул. — Уверенный, властный.

— Ну да… Только вся моя уверенность и властность — одно заблуждение…

— А вот это зря, — рассудительно произнес данмер. — Для Эвернала легенды о тебе — истина. Ты отлично сыграл роль и тем избавил нас от очень крупных неприятностей.

— Если бы я мог стать тем, кем меня считают… — пробормотал принц и поднялся, увидев приближающуюся Лесспу.

Каджитка помедлила пару мгновений, а потом расцарапала кожу вначале у себя на подбородке, а потом у Аттребуса.

— Вы принесли лунный сахар, — сказала она. — Другие,

возможно, удрали бы вместе с нашими деньгами. И также мы благодарны за то, что вы сейчас сделали.

— Вы защищали нас в пути. Как я мог поступить иначе?

— Твои слова звучат как музыка для моего сердца. — Каджитка кивнула. — Ты правда принц?

— Да.

Одна из палаток упала, и ее тут же принялись сворачивать.

— Мы будем готовы меньше чем через час, — буднично сказала Лесспа. — Прошу подождать нас.

— Но вы же говорили, что возвращаетесь на запад. А нам нужно на восток.

— Они сожгли бы наш скарб, убили стариков, а остальных бросили в темницу, где держали бы до тех пор, пока мы не стали бы похожи на призраков, способных лишь скулить в городской пыли и вымаливать щепотку скумы. Ты не обязан был заботиться о нашей участи, но поставил наши интересы выше своих. Мы называем это Сей'дар. И никогда не забываем. — Она улыбнулась. — Кроме того, если ты выживешь, то станешь рано или поздно императором. Ведь так? А дружить с императором всегда выгодно.

Восточнее Риммена гряды пологих холмов перешли в предгорья, заросшие кустарником и чахлыми дубами, а выше начинались настоящие леса.

Всхолмье кишело каджитами, ищущими поживы, но благодаря Лесспе и ее сородичам все они держались в отдалении, не рискуя приблизиться на расстояние полета стрелы.

Преодолев горы, отряд очутился в Нибенской долине, то есть снова во владениях Империи. Из-за влажных туманов, окутывающих земли графства Брэвил, Аттребусу показалось, будто они спускаются прямо в облако; по сравнению с сухим воздухом степей Эльсвейра разница была особенно заметна. Толстая лесная подстилка из папоротников и мха приглушала топот копыт, а раскидистые ветви ясеней и дубов укрывали путников от солнечных лучей.

Непривычная природа слегка раздражала каджитов Лесспы.

Зеленой дороги отряд достиг перед закатом и разбил лагерь на обочине.

— И что будем делать дальше? — спросил Сул.

Аттребус смотрел на дорогу. Смеркалось. Лягушки в болотах орали как полоумные, задрав головы к Массеру, появившемуся над деревьями. Ивы шелестели под дуновениями ночного ветерка, сычи стонали и жаловались на несчастную жизнь. В папоротниках перемигивались светлячки.

— Север манит, — ответил принц. — Зовет домой. Теперь уж отец мог бы прислушаться к моим словам, дал бы войско…

— Ты правда так думаешь?

— Нет. Я потерял своих телохранителей — бойцов, благодаря которым отец считал меня достойным доверия. Он и сейчас, скорее всего, не видит в Умбриэле серьезной угрозы. Потому, думаю, мне уготована чрезвычайно уютная и удобная темница, где я буду чувствовать себя как дома. А уж император постарается, чтобы я не сбежал раньше, чем обеспечу его наследником-внуком.

— Ну и что же тогда? Ты говорил, будто Умбриэль стремится на север, к Морровинду. Мне почему-то кажется, что он направляется к городу Вивеку. Или к тем руинам, что от него остались. Если это так, то мы должны перехватить Вуона и уничтожить его именно там.

— Ты и раньше утверждал это. Но не объяснял почему.

На щеках Сула заиграли желваки.

— Где сейчас остров? — резко спросил данмер. — Как быстро он летит?

— Трудно с уверенностью ответить на эти вопросы. Раньше он двигался медленно. Умбриэлю потребовалось больше половины дня, чтобы покрыть расстояние от южного побережья Чернотопья до Лилмота, а там, как говорила Аннаиг, не больше пятнадцати миль.

— Будем считать, тридцать миль в сутки. Ну что же, у нас есть несколько дней.

— Несколько дней, чтобы добраться до Вивека? Через горы Валус? Да мы и за двадцать суток не успеем! Вот если бы нам попасть в Лейавин и нанять там судно…

— Нет, вряд ли получится! Разве что вы знаете капитана — владельца летучего корабля. Придется проплыть вокруг половины материка. Или пройти по суше через обширную пустошь.

— Ладно, давай еще поразмыслим. Почему мы должны перехватить Умбриэль именно в Вивеке?

— Там припрятана одна вещица, которую, я уверен, очень хочет заполучить властелин Умбриэля. Нечто, чего он боится.

— Иногда мне кажется, что ты знаешь об Умбриэле все. Кроме самой малости — где его искать. Что ж, я сказал, куда он летит. Не думаешь, что пора и тебе слегка просветить меня? Не пришло ли время поделиться знаниями?

Сул фыркнул.

— При встрече с патрулем ты держался неплохо, но не позволяй случайному успеху вскружить тебе голову. Ты не мой повелитель, мальчишка.

— А я никогда и не претендовал. Но я был откровенным с тобой. По-моему, хорошо бы ответить правдой на правду.

Глаза данмера полыхнули алым огнем, а потом он потер подбородок.

— Я не слишком-то много знаю об этом твоем летучем городе… Так, на уровне догадок. Полагаю, его владыка — данмер по имени Вуон. Он исчез в Обливионе сорок три года тому назад, а теперь, как мне кажется, возвратился.

— Этот Вуон… Он повинен в смерти твоей женщины?

— Не будем об этом, — решительно потребовал Сул, и его тон убивал всякое желание продолжать разговор на эту тему. — В городе Вивек находилось нечто, называемое Министерством Правды.

— Я слыхал о нем. Небесное тело, вырвавшееся из Обливиона и силой Вивека остановленное над городом. С тех пор оно плавало в воздухе над храмовым кварталом и считалось одним из чудес нашего мира.

— Да, именно так. Наш бог, Вивек, приказал падающему на город камню замереть. Но после Вивек покинул нас, а мудрецы были вынуждены бороться со скоростью падения Министерства.

— Что ты хочешь сказать?

— Понимаешь, эта огромная скала падала на город с неба. Она летела очень быстро. Быстрее, чем ты можешь вообразить. Вивек приказал ей остановиться. Но скорость падения никуда не делась. Она, как бы точнее выразиться, заснула и ждала только удобного случая. Понимаешь, что это значит?

— Ты хочешь сказать, что рано или поздно скала закончила бы свое падение?

— Да! Наши мудрецы понимали это и боялись. Вуон был одним из выдающихся ученых — умный, изобретательный, решительный. Он создал инжениум, при помощи которого удерживал Министерство Правды в воздухе. Но цена…

— Какая цена?

— Для работы инжениум требовал души.

Аттребус почувствовал, как мороз пробежал по коже.

— Умбриэль! — воскликнул он. — Аннаиг говорила, что ему тоже нужны души. Он поддерживает свое существование за их счет.

— Вот видишь!

— Но что же произошло с Министерством?

На сей раз Сул долго молчал, и принц даже подумал, что данмер не хочет больше говорить на тему, вызывающую неприятные воспоминания.

— Инжениум взорвался, — вздохнул красноглазый. —

Высвободившаяся сила вышвырнула Вуона в Обливион. А Министерство рухнуло на город, разрушив половину Ввардендфелла.

— Красный город! — охнул Аттребус. — Так это он виноват? Вуон?

— Не только, но часть и его вины тут есть. А теперь он возвратился.

— Для чего?

— Я не знаю, чего он хочет, что ищет в Тамриэле, но думаю, цели у него есть, и вряд ли они понравятся большинству здешних обитателей. А главная его цель — меч, как мне кажется. Это древнее и опасное оружие, так или иначе связанное с Умбриэлем и Вуоном.

— Все эти годы ты охотился на Вуона?

— Большую часть времени я просто старался выжить.

— Ты был в Морровинде, когда все это случилось?

Сул издал неприятный звук, который, как позже дошло до Аттребуса, был не чем иным, как горьким смешком.

— Я находился в Министерстве, когда разрушился инженіум. Меня тоже выбросило в Обливион, и там я пробыл тридцать восемь лет.

— Вместе с Вуоном?

Данмер потер лоб.

— Инженіум использовал души, чтобы держать открытым источник связи с Обливионом. А если быть точным, то с владениями принца-дейдра Клавикуса Вайла. О нем ты слышал, я думаю?

— Конечно! Недалеко от Имперского города есть его святилище. Говорят, что с Вайлом можно заключить договор, если помолиться…

— Верно. Хотя договор с ним не принесет удачи тому, кто его заключил. Он не самый любезный из принцев Обливиона.

— И, несмотря на это, он позволял Вуону тянуть силу из своего мира?

— Вайл получает силу из украденных душ. Возможно, он даже не заметил утечки. А скорее всего, радовался удачной сделке, поскольку получал силы больше, чем отдавал. Я не исключаю, что Вуон мог вступить в сговор с принцем. Но наверняка я не знаю ничего. — Сул развел руками. — Когда нас втянуло в Обливион, там нас ждало нечто. Но не Клавикус Вайл, я уверен. Это нечто походило очертаниями на человека, созданного из первородного мрака. В его руках был меч, и когда мы лежали обессиленные, эта тварь расхохоталась и швырнула оружие в дыру, через которую мы проникли туда. Я попытался

последовать за мечом, но не успел.

— Человек из мрака ждал вас? Откуда он мог знать, что вы попадете в Обливион?

— Сгусток тьмы назвал себя Умброй. Как и Вайлу, мощь ему придавали отобранные души. Он почувствовал утечку силы, вызванную работой инжениума, и даже пытался увеличить ее, но не преуспел. Поэтому стал ждать, рассчитывая на счастливый случай, и предвидел, что наступит день, когда дыра расширится. Вот так он и оказался там.

— Только для того, чтобы выбросить меч?

— Похоже на то. Умбра пленил нас. Ох и силен же он… Почти не уступает мощью принцам. Как я потом выяснил, он обладал силой дейдра — ему удалось отщипнуть немножко от самого Клавикуса Вайла.

— Что? Отщипнуть от принца-дейдра?

— Нет, не кусочек тела вроде руки или сердца, — пояснил данмер. — Дейдра не плотские существа, как ты или я. Но в определенном смысле Умбра достиг успеха и частично повредил Вайла, а тем самым стал сильнее, хотя и не таким же сильным, как Вайл. Во всяком случае, сил сбежать из владений этого принца ему не хватило, и Вайл заточил его.

— Заточил?

— Он слегка изменил сущность границ своих владений, сделав их совершенно непроницаемыми для Умбры и силы, им похищенной. Понимаешь ли, принц старался любой ценой не допустить побега Умбры. Чары, наложенные Вайлом, оказались столь сильны, что вор не смог пройти в возникший разлом… Но выбросить меч сумел.

— Но почему? Почему меч? — задумался Аттребус.

— Умбра утверждал, что когда-то был пленником этого оружия. Он боялся, что Вайл сможет завладеть мечом и вновь загонит его в темницу.

— У меня голова кругом…

— Но ты же сам хотел, чтобы я все рассказал! — резко бросил Сул. — Ладно, обойдусь без излишних подробностей, хорошо? Клавикус Вайл пытался заживить рану и охотился за Умброй. Тот же использовал украденную силу, чтобы спрятаться в одном из городов на окраине владений Вайла. Но убежать он все еще не мог. Вуон пообещал ему, что построит новый инжениум — конечно, при условии, что Умбра сохранит ему жизнь, и тогда они оба получат возможность сбежать из Обливиона. Умбра согласился. Соединив все, что я знаю, можно прийти к выводу, что летающий остров — их рук дело.

— Им удалось стащить целый город?!

— Вот это мне неизвестно, — пожал плечами данмер. — Я никогда не видел город целиком — лишь малую часть. Вуон не слишком-то ласково ко мне относился. Просто не давал умереть, чтобы сохранить возможность меня мучить. Через несколько лет пытки ему наскучили, и мне удалось сбежать. Кое-какими магическими навыками я владею и потому сумел удрать из заточения и от Вайла. Так я оказался в другой части Обливиона…

— Значит, добыть меч стремится Умбра, а не Вуон?

— Все может быть… Кто знает, вдруг Вуон злоумышляет против Умбры и хочет заключить его в клинок? Но как бы там ни было, мы не должны позволить им добиться успеха.

Аттребус открыл рот для нового вопроса, но Сул решительно покачал головой.

— Довольно! Больше знать тебе пока не надо.

— Я… Я вот что хочу сказать: похоже, мы не сможем добраться туда вовремя…

— Сможем, — заверил его серокожий. — Я же говорил, что есть особая дорога. Если мы не погибнем на ней.

— Что это за дорога такая?

— Мы срежем угол. Пройдем через Обливион.

Сказав это, данмер ушел, оставив принца сидеть под ивами и слушать вкрадчивое щебетание ночных пичуг.

Глава четвертая

— Великолепно! — восхищенно произнес Тоэл, и его легкая загадочная улыбка потеплела.

Лорд опустил палец в тарелочку с вязким желе и поднес к губам, медленно облизнул, стараясь ощутить тончайшие оттенки вкуса. Второй рукой он легонько погладил Аннаиг по шее, и девушка почувствовала, как заполыхали щеки.

— Я пришел, чтобы познакомиться с твоим лучшим изобретением. Сегодня вечером мы должны его обсудить.

Тоэл небрежно кивнул вытянувшимся в струнку поварам и удалился.

Все еще смущенная Аннаиг уставилась в тарелку, а остальные работники молча вернулись к столам. Все, кроме Слир.

— Еще один вечер с Тоэлом? — вкрадчиво осведомилась она с изрядной долей яда в голосе. — Должно быть, он наслаждается беседой с тобой.

— Надеюсь, ты не думаешь, будто между нами что-то…

— Откуда мне знать? Меня никогда не приглашают в чертоги лорда, как же я могу вообразить, есть у вас что-то или нет?

— По-моему, ты и так слишком много навоображала! — выпрямилась Аннаиг. — Но если ты мечтаешь о чем-то непристойном, то не надо обвинять меня!

— Твои постоянные посещения лорда уже сами по себе — непристойность и нарушение всех норм морали!

— Скажи об этом ему самому!

Слир дернулась, едва не рассыпав порошок, который просеивала во время разговора.

— Прости меня, — сказала она, отводя глаза. — Ты же знаешь, я переживаю…

— Но ведь ты все еще здесь, разве нет?

— Все еще… Каких-то несколько дней. И он даже не обратился ко мне ни разу.

— Ты говоришь так, словно влюблена. — Аннаиг усмехнулась.

— Я просто волнуюсь о своем положении, — искоса глянула на нее серокожая. — Больше ничего.

— Ну ладно! — Девушка вскочила со скамьи. — Волнуйся себе спокойно, а я схожу проверю чаны для питания корней.

Кухня Тоэла очень отличалась от огненного ада под началом Куиджн. Здесь был всего один очаг с открытым пламенем и одна печь, весьма умеренного размера. Посреди зала тянулись столы

из отполированного красного гранита, на которых стояли перегонные кубы, испарители, мелкоячеистые сита для процеживания смесей, а также сотни различных алхимических препаратов. Другие предназначались для обработки сырья. На кухне Куиджн лишь незначительная часть работ приходилась на дистилляцию, смешивание и выпаривание духовной субстанции, но здесь «кулинарии душ» посвящалась более чем половина всех изысканий. Оставшаяся часть работников занималась кормлением деревьев.

Аннаиг помнила странное обрамление из растительности по краю Умбриэля, которое сумела разглядеть, стоя на скале. Если до недавнего времени ей было не до деревьев, то сейчас девушка задалась вопросом — как же они выжили на летающем острове? Ведь общеизвестно, что растениям — так же, как людям и животным — для жизни нужен солнечный свет и вода. Солнца хватало, а вот воду, насыщенную питательными солями, готовили на кухне Тоэла. Огромные насосы поднимали воду вперемешку с частицами грязи и отходов из Выгребной Ямы в отстойные чаны, где из нее выделяли составляющие, наиболее полезные для деревьев. Все лишнее возвращали обратно — в Выгребную Яму, а обогащенную вытяжку подавали насосами к корням.

Тоэл хотел, чтобы Аннаиг изучила все виды работ на его кухне, а потому каждый день около часа она проводила возле емкостей, испытывая различные виды добавок для улучшения свойств питательной жидкости.

Девушке нравилось там бывать: чаны располагались довольно далеко от шума и суеты, а кроме того, в большой пещере рядом с ними хранилось самое полное собрание снадобий и алхимических компонентов, какое она когда-либо видела.

Димпль, ее новый хоб, ожидал на месте и уже выбрал четыре заказанных ею пузырька с веществами. Но к сожалению, ни один из них не пах так, как нужно, и девушка отослала помощника, а сама вернулась к исследованиям питательного состава для деревьев. Ее очень интересовало, способны ли винные деревья отличать одну жидкость, омывающую их корни, от другой. Добавив реактив, который здесь называли «кальприн», в прозрачную бутылочку, Аннаиг задумчиво наблюдала, как содержимое окрасилось в ярко-желтый цвет.

Краем глаза она заметила, как вернулся Димпль, с трудом удерживая в лапах десяток пузырьков и баночек. Закончив смешивать новое зелье, девушка решила рассмотреть, что же принес помощник. Одна из бутылок была наполовину заполнена вязкой черной жидкостью, напоминающей… Неужели это то, что надо? Аннаиг боялась открыть пробку и понюхать — вдруг

надежды в очередной раз разобьются вдребезги?

А потом осторожно поднесла горлышко к лицу.

— Да… Вот оно, — прошептала девушка. — Наконец-то.

Но почему-то вместо радости накатило разочарование и чувство опустошенности. Да, теперь она может составить зелье для полета. Но где Светло-Глаз? Ведь не годится бросать друга в беде. А самое главное, она все еще не разгадала тайну Умбриэля. И медальон пропал, а без него она не сможет сообщить Аттребусу, где ее искать.

Если принц, конечно, жив. Во время последней беседы он показался каким-то уязвимым, незащищенным, и обращался к ней так, словно рисковал жизнью только ради нее.

Отогнав плохие мысли, Аннаиг прочитала надпись на бумажке, приклеенной к бутылке.

«Ихор крылатых сумерек».

Красиво. И с намеком на истинное предназначение.

Девушка спрятала снадобье в ящик, где стоял уже десяток разных пузырьков, которые она использовала для опытов с питательной жидкостью.

Час почти истек — пора было возвращаться на кухню.

Слир придирчиво осмотрела новое платье, которое Дулдж принес для Аннаиг, — оно было сшито из тончайшей, как паутина, ткани насыщенного изумрудно-зеленого цвета.

— Не забывай обо мне, — довольно мрачно бросила она вслед девушке и вернулась к наполовину опустошенной бутылке вина.

Как обычно, Тоэл ждал Аннаиг на балконе.

Они пригубили из кубков алую жидкость, обжигавшую холодом гортань, но согревавшую желудок мягким теплом.

— Лорд Иррел прислал благодарность, — сказал Тоэл и с улыбкой кивнул. — Он в восхищении от приготовленной тобой еды. Должен признать, работа проделана с вдохновением. Я — художник. Но ты добавила новые тона к моей палитре. Лорд Иррел обычно доволен поступающей к нему пищей, но в последнее время его благодарности звучат чаще и гораздо искреннее.

— Я счастлива быть полезной.

Аннаиг чувствовала легкое головокружение, но не могла понять — из-за выпитого или благодаря похвалам.

— Со мной ты можешь достигнуть подлинного величия, — продолжал Тоэл. — Но следует стремиться к большему, чем быть просто художником. Нужно быть изобретателем, уметь видеть цель и обладать достаточной силой, чтобы достичь желаемого. Ты

меня понимаешь?

— Кажется, да, повар…

— Нужно учиться быть беспристрастной и руководствоваться холодным разумом.

Девушка отпила из кубка. Ей почему-то не нравилось направление, в котором развивалась беседа.

— Забирая тебя у Куиджн, я сохранил жизнь Слир. Но, глядя на ее работу здесь, не могу убедить себя в ее полезности. Она должна уйти.

— Без нее я никогда не сумела бы привлечь ваше внимание, — возразила Аннаиг. — Благодаря ей я выучилась всему так быстро.

— И все же теперь ты значительно опередила ее, а она слишком медленно вникает в работу моей кухни. Ты в самом деле думаешь, что от нее здесь может быть хоть какой-то толк?

— Она спасла мою жизнь. — Девушка прибегла к последнему доводу. — Куиджн убила бы меня.

— Я знаю… В тот момент она принесла значительную пользу — и тебе, и мне. Но этот момент давно в прошлом.

— Я прошу вас… — жалобно произнесла Аннаиг.

— Не надо меня умолять. Я оставляю решение за тобой. Ты можешь поступить в помощники к Саре или Лою. С ними ты начнешь учиться быстро. Гораздо быстрее. Ты могла бы работать непосредственно со мной, как мой личный помощник. Но пока Слир здесь, ты будешь держаться за нее. Это плохо. Если ты попросишь, чтобы я избавил тебя от нее, я выполню твое пожелание немедленно.

— Позвольте ей остаться. Пожалуйста.

— Ну я же сказал… — разочарованно протянул Тоэл. — Выбор за тобой. Я не стану тебя принуждать, но рассчитываю, что ты примешь решение беспристрастно и здраво. Тебя ждет великое будущее.

— Я постараюсь оправдать ваше доверие. — Девушка поклонилась. — Но хочу достичь успеха, не предавая друзей.

— Так принято в тех местах, откуда ты родом?

— Я… Я не знаю. Но надеюсь, что так должно быть.

Тоэл задумчиво покивал, не отрывая от нее пристального и оценивающего взгляда. Выражение его лица немного пугало и подавляло волю. Аннаиг вновь почувствовала нежное прикосновение к шее, и ее пробрала дрожь.

— Но есть и еще один выбор, который я тоже оставлю за тобой, — вкрадчиво проговорил лорд. — Ты вольна сделать это в любой вечер, какой пожелаешь.

Она не смогла подобрать слов для ответа — даже подумать

стеснялась. Когда-то, еще в Лилмоте, она отвечала на ухаживания нескольких мальчишек, с некоторыми даже целовалась украдкой, но детские увлечения казались неуклюжими и смешными и, уж конечно, не шли ни в какое сравнение с любовью, описанной в романах.

Лорд Тоэл не был мальчишкой. Этот взрослый мужчина хотел ее, очень хотел и мог взять силой в любое время, если бы пожелал.

Аннаиг вдруг поняла, что все это время не дышала.

— Я… — жалко проблеяла девушка. — Можно мне немножко воды?

Тоэл улыбнулся и откинулся на спинку стула, приказав слуге принести воды. Оставшуюся часть вечера она просидела растерянная, чувствуя себя маленькой глупой девочкой. Ей казалось, что лорд видит ее насквозь, читает все мысли.

Но в глубине души Аннаиг звучал настойчивый голос, который напоминал ей, что в любом случае она будет решать сама, не полагаясь на волю случая или стечение обстоятельств. Внутренний голос продолжал поддерживать ее, вселяя надежду и веру в собственные силы, пока не закончился обед и она не возвратилась в комнату, где ждала Слир, едва живая от беспокойства.

Глава пятая

Короткий утренний переход привел отряд к холму, на котором стоял Вотер-Эдж, шумный рыночный город, как и десятки ему подобных, разросшийся за несколько последних десятилетий. В годы, когда старая Империя рухнула, а получившие независимость Лейавин и Брэвил постоянно враждовали между собой, он служил свободным портом, защищаемым от набегов этими двумя городами и остатками имперского флота. Ведь даже непримиримые враги нуждались в тихом местечке, где споры и разногласия не мешали бы торговле.

Теперь же, когда Империя начала возрождаться в прежних границах, Вотер-Эдж усилился и окреп, привлекая предприимчивых купцов, которых не устраивал погрязший в преступности Брэвил.

— Все-таки я не понимаю, почему бы нам не поехать в Брэвил? — подозрительно глянул на данмера Аттребус. — Он хотя бы в нужном направлении.

— Сюда ближе, — пожал плечами Сул. — Расстояние не так важно, как время. А нам не хватает времени. Если я раздобуду здесь кое-какие вещи, то мы с лихвой покроем этот маленький крюк.

— А если не раздобудешь?

— У Колледжа Ворожбы здесь есть отделение. Те вещи, что мне нужны, часто используются всеми, кто занимается магией.

— А я думал, что открытие прохода в Обливион потребует чего-то необычного…

— Само собой, — кивнул красноглазый. — Но это у меня уже есть.

С этими словами он вскочил на коня.

Аттребус посмотрел на данмера и решительно уложил седло на спину своей лошади.

— Что ты делаешь? — удивился Сул.

— Тебе же нужна помощь? Я собираюсь посмотреть: вдруг окажусь полезным?

Данмер окинул его кислым взглядом.

— Позволь мне вначале поискать магические принадлежности. — Он стукнул коня пятками и порысил в сторону города.

Принц упрямо продолжал затягивать подпруги.

— Ты тоже хочешь поехать в город? — подошла к нему Лесспа.

— Да, — кивнул Аттребус. — Там есть гарнизон, а его

командир — мой знакомый. Мне нужно передать весточку отцу — пускай знает, что я пока еще жив. Кроме того, нелишним будет усилить отряд несколькими солдатами.

— Разве нас недостаточно, мой принц?

— Ну… — замялся он. — Я очень благодарен вам за помощь. Но вы имеете право знать, против чего мы боремся. Просто выслушай меня. Если захочешь, пойдешь дальше; если откажешься, я пойму.

— Обращаю слух к твоему высочеству, — произнесла каджитка.

Тогда Аттребус рассказал ей все. Или, по крайней мере, все, что знал об Умбриэле и о стремлении Сула достигнуть Морровинда. Когда он закончил, Лесспа колебалась лишь мгновение, а потом отвесила поклон.

— Благодарю за доверие, мой принц.

Закончив седловку, он умылся в ручье и побрился.

К тому времени, как принц вскочил в седло, каджиты свернули одну из палаток.

Аттребус вздохнул, но в глубине души испытал облегчение. Да, он нуждался в помощи людей-кошек, но не хотел вести их на верную смерть.

Въехав в город, принц впервые с того времени, как пересек границу, ощутил себя вернувшимся в Империю: вокруг были лавки с обновленными, подкрашенными вывесками, дети, смеющиеся и играющие в салочки прямо на улице. Настроение Аттребуса улучшилось.

Разузнав дорогу у весело улыбающейся девчонки, набирающей воду из колодца, он отправился к имперскому гарнизону — его составляли несколько деревянных казарм, окруживших старинное каменное здание. Охрана на воротах носила цвета Титуса Мида.

— Доброго дня! — поприветствовали подъехавшего принца караульные.

— И вам доброго дня! — ответил Аттребус, внимательно выискивая на лицах солдат малейшие проблески узнавания. Но они или не знали, как выглядит наследный принц, или умели тщательно скрывать чувства. — Не подскажете, кто из офицеров сейчас командует гарнизоном?

— Капитан Ларсус, — ответил один из них.

— Флориус Ларсус?

— Так точно!

— Можно мне повидать его?

— Само собой. Как прикажете представить вас?

— Скажите ему, что приехал Треб.

Глаза охранника слегка округлились, и он едва ли не бегом поспешил к каменному дому. Мгновение спустя двери распахнулись, на пороге появился Флориус. Он выглядел рассерженным, но когда заметил Аттребуса, застыл, открыв рот от удивления.

— О Предназначение! — воскликнул капитан. — А все говорят, что ты умер!

— Я думаю, что имею право на собственное мнение по этому поводу! — улыбнулся принц.

Ларсус подбежал к нему и обнял, похлопывая по спине.

— Великие боги, друг! Ты нашелся! Ты знаешь, сколько людей разыскивают тебя по приказу твоего отца?

Аттребус прошел следом за капитаном в чистую комнату, обставленную без излишеств: стол, несколько книжных полок и буфет, откуда Ларсус извлек бутылку бренди и два бокала.

— Если все думают, что я мертв, то почему отец отправил людей на поиски? — поинтересовался принц.

— Да потому, что он не верит в твою смерть. Правда… Ходят слухи, будто бы найден труп.

— Всего лишь слухи. Такие же лживые, как и другие.

Ларсус разлил бренди и подал бокал Аттребусу.

— Ну ладно. Я рад, что вижу тебя живым. Но не дай мне умереть от любопытства. Расскажи, что с тобой произошло?

— Всех моих спутников перебили, а меня захватили в плен и повезли в Эльсвейр, чтобы там продать. Но по пути похитители сами погибли. И вот я здесь.

— Это просто… Я даже не знаю, что и сказать. Ты правда один?

— Да, — не моргнув глазом, соврал принц.

— Отлично! Выглядишь крепким и здоровым. Ну разве что усталым чуть-чуть… Послушай! Я немедленно помещу тебя в лучшую гостиницу и отправлю курьера сообщить императору добрую новость.

— Курьера можешь послать. Но в Имперский город я не вернусь.

Капитан нахмурился, но тут в комнату вошел смутно знакомый Аттребусу человек с вьющимися темными волосами и бретонскими чертами болезненного лица. Кажется, принц видел его при дворе или, по крайней мере, во дворце.

— Риент! — воскликнул Ларсус. — Погляди, кто здесь!

Бретонец окинул Аттребуса быстрым взглядом и учтиво поклонился.

— Ваше высочество! Просто поразительно, что вы живы.

— Капитан Ларсус и я только что это обсудили.

— Хорошо. Тогда я не буду злоупотреблять вашим терпением, — сказал Риент. — Вообще-то я пришел, чтобы доложить: вопрос в таверне «Малый Орсиниум» благополучно разрешен.

— Спасибо, Риент, — улыбнулся Ларсус.

— Капитан. Ваше высочество, — поклонился бретонец и, развернувшись, вышел.

— Так о чем ты говорил, Треб? — Ларсус повернулся к принцу. — У меня имеется приказ — вернуть тебя в Имперский город без проволочек.

— А я дам тебе другой.

— Ты не можешь отменить распоряжение отца, — нерешительно возразил капитан. — Согласно его приказу, я имею право доставить тебя силой, если возникнет необходимость.

— Но ты же не сделаешь этого?

Ларсус помешкал с ответом, но твердо заявил:

— Я должен.

— Послушай, Флориус. — Принц наклонился вперед. — Я всегда считал, что мы с тобой друзья. Хотя недавние события заставляют меня сомневаться в дружбе. Я теперь знаю, что моя жизнь до сих пор — не что иное, как выдумка, миф. Может быть, ты, как и другие, только делал вид, что любишь меня? Но ведь я еще помню годы, когда мы впервые познакомились. По сколько лет нам было? По шесть? И теперь все это потеряло значение?

— Нет, — покраснел Ларсус — Мы друзья, Треб. Но приказ императора…

— Я не могу вернуться сейчас. Вначале я должен закончить одно дело. И мне понадобится твоя помощь.

Капитан вздохнул.

— Какое дело?

Второй раз за день Аттребусу пришлось пересказать все, что он знал об Умбриэле. Когда он закончил, Ларсус признал:

— Я слышал о летающем острове. Но это ничего не меняет. Если император узнает, что я тебя отпустил, прощай моя голова.

— Я этого не допущу.

— Как ты сможешь не допустить, если будешь в это время в Морровинде? Причем наверняка погибнешь там…

— Поэтому я предлагаю, Флориус, идти со мной. На сей раз речь идет не о пустячном приключении. Все слишком серьезно, и я хотел бы видеть тебя рядом.

— Мы поедем вдвоем?

— Нет, я не сказал тебе всей правды. У нас есть еще один союзник.

— Даже если ты убережешь меня от пожизненного

заключения, о продвижении по службе можно будет забыть… — сокрушенно проговорил капитан.

— Если мы добьемся успеха, никто не посмеет нас упрекнуть. Победителей не судят. Моему отцу в голову не придет наказывать спасителя Сиродиила. Меня любят в народе и в армии. Я постараюсь послать весть своим биографам — через несколько дней история нашего похода уже превратится в легенду. — Он возвысил голос, будто бард. — И тогда принц, которого никто не чаял увидеть в живых, оправился от тяжести поражения и двинулся навстречу коварному и могучему врагу… — Аттребус улыбнулся и заговорил как обычно. — Отцу придется поддержать эту легенду. А ты станешь частью ее.

Флориус глянул искоса, будто рассчитывал увидеть зависшие в воздухе слова принца, а потом нехотя кивнул и вынул несколько листов бумаги.

— Хорошо. Подготовь письма и отправь их из «Квакающей лягушки» — это таверна в черте города. Я пошлю к императору курьера, чтобы сообщить, что ты в безопасности. А заодно прошение об отставке. Встретимся в той же «Лягушке», скажем, через три часа.

— Я знал, что могу на тебя положиться. Спасибо, Флориус.

— Я болван, — пробормотал Ларсус.

— Но теперь ты мой болван.

— Ладно, иди. Увидимся.

«Квакающая лягушка» была почти пуста. Аттребус вошел в зал, довольно чистый и светлый для захолустной таверны, и сел у дальнего стола, покрытого зарубками и вырезанными именами прежних посетителей. Приятно пахло пивом и тушеным мясом. Принц заказал кружку и, лениво прихлебывая, написал два более-менее одинаковых письма для самых прославленных своих биографов, а потом передал их хозяйке заведения — женщине-орку с выбитыми передними зубами. Она пообещала отправить их ближайшей имперской почтой.

Около полудня Аттребус попросил рагу из баранины и еще два пива. Сытый и умиротворенный, он расслабился и сидел, отдыхая душой и размышляя: удалось ли задуманное данмеру?

Несколько посетителей, заглянувших пообедать, быстро закончили трапезу, и вновь в зале осталась только орка-хозяйка и принц. Но едва ушел последний клиент, двери со стуком распахнулись. Аттребус поднял голову, рассчитывая увидеть явившегося пораньше Флориуса, но вместо него в таверну ворвались несколько незнакомцев — все в масках и с обнаженными мечами в руках.

Принц вскочил, хватаясь за рукоять Высверка. Хозяйка негромко хрюкнула, пошатнулась и тяжело рухнула позади стойки.

— Кто вы?! — отчаянно выкрикнул принц. — Откройте лица!

Он ткнул острием клинка в сторону ближайшего, но тот с легкостью уклонился. Остальные окружали принца, отрезая его от выхода и окон.

Двери снова открылись, так сильно ударившись о стену, что полетела штукатурка.

Человек слева от принца обернулся; воспользовавшись случаем, Аттребус полоснул того по ребрам. Раненый выругался и отскочил, а его напарник ударил, целя принцу в голову, но тот успел присесть, и лезвие пролетело над ним, коснувшись волос.

Он отчаянно пытался выкрутить руку так, чтобы достать врага, когда что-то большое и стремительное смело с ног человека в маске. Трое других с трудом отбивались от Лесспы и ее кузенов. Только сейчас Аттребус понял, что на его противника напал брат женщины-кошки, Ша'джал, прижав человека к полу могучими лапами.

Схватка закончилась так же быстро, как и началась. Принц подбежал к стойке, заглянул за нее. Хозяйка лежала мертвой — из ее правой глазницы торчал метательный нож.

— Ты в порядке? — окликнула его Лесспа.

— Благодаря вам! — ответил Аттребус. — Я думал, вы уехали.

— Нет-нет… Мы отослали стариков и детей под охраной нескольких воинов, а прочие остались с тобой и наблюдали издали. Похоже, у этих ребят в масках были самые серьезные намерения.

— Покажите мне их лица! — распорядился принц.

Трое из убийц оказались совершенно незнакомыми, а четвертый… Четвертого он видел в кабинете капитана Ларсуса. Это был Риент.

— Флориус! — охнул Аттребус, охваченный нехорошими предчувствиями.

Двести ярдов, отделявшие его от гарнизона, принц пробежал, не глядя по сторонам и не заботясь, следуют за ним каджиты или нет. С мечом наготове толкнул дверь.

Флориус сидел на стуле, уронив голову на столешницу. Крови почти не было — сильный удар сломал капитану основание черепа.

— Я же сказал: ждать меня здесь! — с холодной яростью прошипел Сул. — Или мне нужно было связать вас всех перед

тем, как уехать?

— Он собирался идти с нами, — отрешенно ответил Аттребус. — Я уговорил его. Значит, его убили из-за меня.

— Само собой! Он был приговорен в тот самый миг, когда узнал тебя. Кстати, кого-то из охранников на воротах тоже убили? Ты спрашивал?

— Да, — кивнул принц, чувствуя себя хуже некуда.

— Вначале перебили твоих спутников. Теперь убивают здесь… Тебе нужно основательно подумать — кому же выгодно, чтобы тебя считали мертвым?

Аттребус закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться.

— Я видел Риента прежде в Имперском городе. И кое-что из речей Радасы заставляет думать, будто ее наняли, причем в самой столице. Вероятно, заговорщики. Но кто они? Нет, не могу догадаться.

— Они не просто заговорщики, — сурово бросил Сул. — Это заговорщики с огромным количеством связей. Возможно, им донесли, что ты едешь сюда, в Вотер-Эдж. Но скорее всего, я думаю, они везде расставили своих людей: здесь, в Брэвиле, в Лейавине, словом, в любом городе, где ты мог бы появиться.

— Один из герцогов — брат моего отца, быть может? Похоже, за мной охотится тот, кто не хочет видеть меня императором.

— Да? А почему сейчас? Почему не год назад? К тебе могли бы подослать… Да хоть женщину с отравленной помадой на губах. Быстро и надежно. Но почему они начали действовать только сейчас?

— Ты думаешь, нападения на меня как-то связаны с Умбриэлем?

— А почему бы и нет? — Данмер нахмурился. — Давай вспоминать. Кто знал, куда ты намерен ехать?

— Гулан. Мой отец. Аннаиг. Хьерем, министр моего отца Но мы особо не таились. Разговор вполне мог подслушать кто-то еще.

В глазах Сула мелькнула легкая тень. Аттребус напрягся, но данмер не стал высказывать предположений. Наоборот, махнул рукой:

— Ладно! Все равно сейчас все это спорно.

— Флориус мертв. И это, к сожалению, совершенно ясно.

— Оставим это. Я добыл все необходимое. Ночью, когда в небе взойдут обе луны, мы найдем какой-нибудь пустырь, где нас никто не увидит. А сейчас я поеду в город, чтобы продать коней — все равно мы не сможем взять их с собой. Заодно куплю припасов на дорогу. Кто-нибудь из кошек поможет мне, я надеюсь, а ты постарайся тем временем больше не влезать в неприятности.

Глава шестая

За несколько часов до заката Сул вернулся и повел свой маленький отряд на север — вначале тропинкой, а потом по бездорожью — и уже в сумерках достиг своей цели. Здешние руины ворот Обливиона почти не отличались от виденных в Айоне — за исключением того, что никто здесь не построил вокруг них город. Аттребус и люди-кошки собрались возле Сула и встали на колени на оплавленной, гладкой земле. Данмер достал баночку с красной мазью и каждому нанес отметку на лоб, в том числе и себе, после чего спрятал остатки снадобья в мешок.

— Возьмите только самое необходимое, — распорядился он. — Путешествовать придется налегке. Когда начнется переход, держитесь как можно ближе ко мне. И не вздумайте мешкать.

Аттребус кинул через плечо лямку дорожной сумки и взялся за рукоять Высверка. Окинул взглядом приготовившихся к опасному походу каджитов, четырех мощных сенчей, напоминавших тигров, и четырех всадников: Лесспу на Ша'джале, Тааджа на С'енджаре, М'каи на Ахапе и Дж'лашу на М'куаре.

— Вы понимаете, на что идете? — спросил принц.

— Наши копья с тобой! — отрезала Лесспа.

— Только копья, — добавила М'каи. — Сейчас отдадим и уедем.

Она не очень внятно выговаривала человеческие слова, зато произнесла фразу столь торжественно, что Аттребус не заподозрил подвоха. И лишь когда Таадж фыркнул, не сумев сдержаться, понял, что М'каи пошутила.

— Мы готовы, принц, — улыбнулась Лесспа. — Приказывай.

— Хорошо. — Аттребус повернулся к Сулу. — Мы ждем. Можешь начинать, когда тебе удобно.

Данмер кивнул и поднял голову к звездному небу.

С некоторых пор Светло-Глаз полюбил прогулки к Спирали Края и теперь замечал, что проплывающие под Умбриэлем земли разительно изменились. Исчез густой лес, прихотливые изгибы рек и голубые глаза озер, зато появились безжизненные, пепельного цвета пустыни и горные гряды — остроконечные и зазубренные. Значит, летающий остров покинул Чернотопье и движется, скорее всего, над Морровиндом.

Никогда раньше аргонианин не покидал родину. Не то чтобы он придавал этому большое значение: для Хист он умер, все его друзья и родичи погибли, больше ничего не связывало его с Чернотопьем — нынче все заботы и хлопоты его находились на

Умбриэле. Так что пересечение границы показалось мелочью, не стоившей особого внимания.

Конечно, он мог попытаться спрыгнуть вниз — последнее время Светло-Глаз частенько об этом задумывался. Почему бы и нет? Удар о камни раздробит все кости, и вряд ли после этого его сумеют превратить в одного из ходячих мертвецов.

Аргонианин зашипел. Может быть, позже, но не сейчас. Пока нет окончательной уверенности, что Аннаиг погибла, нужно бороться и искать, а не давать волю чувствам.

Он вскарабкался вверх по стволу, к тому месту, где встречался с Феной.

Через полчаса подошла и она, как обещала. Светло-Глаз вручил ей полный мешок орхидейных креветок, и ее улыбка стала еще шире.

— Я думала, что ты уже не вернешься.

— У меня были небольшие неприятности в прошлый раз, — вздохнул он.

— Честное слово, я никому не говорила! — Она сразу стала серьезной.

— Ты тут ни при чем, — заверил ее ящер. — Просто я увлекся и опоздал. С тех пор стараюсь вести себя осторожнее.

— Вот и хорошо. Мне так приятно, что ты вернулся. Все, кого я тут встречала, одинаковые, если можно так сказать, похожи друг на друга. А ты отличаешься. Ты странный.

— Да? Спасибо…

— Я не то хотела сказать. Это же здорово — быть не таким, как все…

— Будем считать, что я так и понял.

Фена уселась на развилку ветвей, скрестив ноги.

— Там, откуда ты прибыл, все такие же странные? — Она вытащила одну креветку из мешка и с наслаждением разгрызла панцирь.

— Моей родины нет больше, и виноват в этом Умбриэль, — угрюмо ответил Светло-Глаз. — По крайней мере, того города, где я родился и вырос, теперь не существует, а все, кого я знал, наверное, погибли.

— Я знаю… Ой, прости. Я хотела сказать…

— Понятно, что ты хотела сказать. Мою родину, где жил мой народ, называли раньше Чернотопьем. Там было много похожих на меня, а по соседству обитали и другие виды разумных существ, почти как здесь, на Умбриэле.

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь «другие виды существ»?

«Ах да! — вспомнил аргонианин. — Они же все вылупляются

из червей. Внешность на Умбриэле ничего не значит»…

— Сейчас объясню. Есть, например, целая раса похожих на тебя — мы называем их данмерами. Когда-то они жили в Морровинде — как раз над этой местностью мы летим сейчас. Но большинство из них ушло оттуда.

— Жить в другом месте?

— Случилась катастрофа: ожил вулкан и уничтожил большинство данмерских городов. После этого пришел мой народ — наши убивали данмеров и прогоняли тех, кто выжил.

— Зачем? Они хотели получить их души?

— Нет, не поэтому.

— А почему?

— Длинная история. Данмеры охотились на мой народ на протяжении многих столетий. И мы отомстили им. Та ничтожная их часть, что избежала смерти, рассеялась по миру. Многие нашли приют на острове Солстейм — отсюда это очень далеко, на север.

— Я не понимаю половину из того, что ты говоришь! — Фена захлопала в ладоши. — Больше половины!

— Чему ты тогда радуешься?

— Но ведь теперь я могу задавать новые вопросы, а я очень это люблю. Что такое вулкан?

— Это гора, внутри которой есть огонь.

— Ух, ты! А что такое гора?

Их беседа продолжалась довольно долго. Светло-Глаз получал искреннее удовольствие, отвечая на ее бесхитростные вопросы, но наконец вспомнил о времени и поднялся, собираясь уходить.

— А мы встретимся еще? — спросила Фена.

— Я постараюсь прийти… — Аргонианин собрал всю храбрость, чтобы поинтересоваться тем, о чем боялся спрашивать, но она его опередила.

— А я нашла твою подругу! Я должна была сказать сразу, но испугалась, что тогда ты не станешь со мной болтать и уйдешь.

— Ты узнала, где Аннаиг? Она жива?

— Извини меня… Ты думал, что она умерла?

— Нет, но… Где она?

— Когда я спрашивала, то никому не сказала о тебе, — заверила Фена. — Она стала очень известна на кухнях. Особенно после побоища.

— Побоища?

— Да! Она работала на одной кухне. Но другая кухня ворвалась туда, чтобы захватить ее. Это похоже на историю о том, как твой народ вторгся в Морровинд, правда? А теперь она в

более высокой кухне.

— В какой? Ты не выяснила это?

Фена задумалась на миг, а потом лицо ее прояснилось.

— Тоэл! — воскликнула она. — Кухня Тоэла.

— И ты знаешь, где она находится?

— Нет, — расстроилась женщина. — Я почти не бываю за пределами Спирали Края, откуда мне это знать? Но я могу спросить у Кальмо или еще у кого-нибудь, кто относит еду на кухни. Правда, если я буду задавать слишком много вопросов, они захотят узнать, зачем мне это надо.

— Ну ладно, — вздохнул Светло-Глаз. — Пока не спрашивай. Я не хочу, чтобы из-за меня у тебя были неприятности. Довольно и того, что я знаю: она жива!

— Я рада, что помогла.

— Ты даже не представляешь, как ты помогла! — Аргонианин помешкал мгновение, а потом коснулся мордой щеки Фены.

Она удивленно отшатнулась.

— Что ты делаешь?

— Это называется — поцелуй, — смущенно пояснил ящер. — Люди и меры так делают, когда…

— Я знаю, что такое поцелуй! Мы целуемся во время порождения. Немного не так, но похоже. Ты хочешь, чтобы мы занялись порождением?

— Нет… — опешил Светло-Глаз. — Нет. Это совсем другой поцелуй. Выражение благодарности. Я не собирался… Нет.

— А все же интересно, смогли бы мы… — задумалась Фена.

— Мне пора уходить! — поспешно сказал аргонианин, начиная спускаться но стволу.

Светло-Глазу снился дурной сон — в нем были страх, боль, отчаяние… Открыв глаза, он понял, что кто-то окликает его по имени, а вскочив, различил в полумраке силуэт Верта.

— Что случилось? — хмуро спросил аргонианин.

— Идем со мной, — сказал желтокожий скроу. — С тобой хотят поговорить.

Пошатываясь, ящер последовал за Вертом через запутанные переходы и вскоре оказался в затхлой пещере — вряд ли тут часто бывали. Посреди светились зеленоватые гнилушки, а вокруг стояли восемь скроу, работающие в Яме.

— И что это значит? — недоверчиво проговорил Светло-Глаз.

Верт откашлялся и начал:

— Ты пререкался с надзирателем.

— Ну и что? Я был зол. И я не привык, чтобы со мной так обращались.

— Его раньше никогда не били, — угрюмо заметил один из скроу. — Не думаю, что он хочет еще раз испытать боль.

— Правда? — спросил Верт.

— Что «правда»? — не понял аргонианин.

— Ты смог бы снова возразить надзирателю?

— Не знаю. Если на то будет причина. Боль — это всего лишь боль.

— Он мог тебя убить… Скорее всего, ты жив только потому, что слишком ценный работник. Не такой, как мы. Но скоро все изменится.

— Погоди! — напрягся Светло-Глаз. — Почему ты завел этот разговор? Почему вас заботит моя жизнь?

— Ты сам тогда сказал. Почему мы должны дышать парами? Я и сам не понимал, пока не услышал от тебя. У нас даже мысли такие не возникают. Ты — другое дело, большую часть жизни ты прожил без надзирателей и видишь мир по-другому, не так, как мы.

— То есть вам в голову не приходило, что вы можете жить лучше?

— Нет. Но ты подсказал нам, и теперь трудно прогнать эти мысли.

— И ты поделился с другими?

— Точно!

— А что вы от меня хотите?

— Предположим, мы хотим больше не дышать парами. Посоветуй, как нам этого добиться?

Светло-Глаз едва не расхохотался. Да, здесь есть инакомыслящие. Не совсем то, что предполагала Аннаиг, но все же… Чем не движение сопротивления!

— Хорошо, — медленно, взвешивая каждое слово, ответил он. — Правда, я не уверен, что желаю…

— О чем ты?

— Я имею в виду, что для меня это в диковинку. Я никогда раньше не участвовал в бунтах и восстаниях.

— Как это — не участвовал? — горячо воскликнул Верт. — Если бы не ты, мы не оказались бы в таком положении!

— В каком еще положении? Вы же ничего не сделали!

— В положении, — упрямо повторил скроу.

— Нет, послушай… — начал Светло-Глаз, но остановился на полуслове.

А ведь он может их использовать! Пускай думают, что он согласился возглавить их бунт, а он тем временем попробует разыскать Аннаиг. Он обвел глазами товарищей — в глазах их светилась надежда.

— Послушайте! — громко сказал аргонианин. — На Умбриэле все рождаются в Клоаке Сущности. Как я понимаю, больше половины пищи поступает отсюда же. Добавим к этому воду, питающую деревья Спирали Края, которые дают оставшуюся часть еды. А мы работаем в Клоаке Сущности, заправляем тут всем.

— Да, но надзиратели управляют нами.

— Но они же не могут… и не хотят… делать то, что делаем мы. А если все разладится, если пойдет наперекосяк? Никто не будет знать, что за этим стоим мы. Они будут шуметь, ругаться, может быть, даже захотят наказать нас. Но все будет и дальше делаться не так. Вода не пойдет к Спирали Края, орхидейные креветки ни с того ни с сего передохнут… А на самом деле мы просто не разбросаем вовремя подкормку. Они не смогут убить нас — кто тогда научит новых скроу, да и где их наберут? А потом мы откроемся, выдвинем свои требования, потребуем улучшения условий. Долой пары! Пусть придумают что-нибудь безвредное и безболезненное!

Его слушали, раскрыв рты и выпучив глаза.

— Это безумие… — прошептал один из скроу. — Он сумасшедший.

— Нет, — задыхаясь, ответил Верт. — Он — гений! Глаз, когда начинаем?

— Спокойно, — сдержал его порыв аргонианин. — Торопиться не следует. Знаешь, с чего мы начнем? Составим карты.

— Карты?

— Ну, нарисуем все места, где мы добываем еду, питательные смеси, ил… Да все, что угодно. Я хочу знать, куда идут протоки у самого дна и зачем они нужны. Можно ли через один из них пробраться к инжениуму?

— Ага! — кивнул Верт. — Ты только объясни, на что похожа карта.

Светло-Глаз едва не застонал, но взял себя в руки и начал рассказывать.

Глава седьмая

Аттребус визжал, забыв обо всем на свете. Каджиты завывали. Члены маленького отряда словно падали, но не вниз, а сразу во всех направлениях. Вздыбившийся полог пыли и пепла скрыл обе луны, душный, жаркий воздух смердел серой и железной окалиной.

Придя в себя, принц обнаружил, что стоит на гладком черном обсидиане. Впереди полыхали лавовые озера.

— Держитесь все вместе! — крикнул Сул.

Он осторожно шагнул в сторону, и вновь их охватили ни с чем не сравнимые ощущения. Теперь они оказались в кромешной темноте, наполненной звуками: вокруг раздавались стрекот чьих-то голосов и бешеная дробь многих сотен ног.

Они стояли в огромном дворце из цветного стекла.

Они парили на ледяном облаке в пылающем небе.

Они плыли в темно-красной реке, задыхаясь от запаха крови.

Они блуждали в самом дремучем лесу, какой Аттребус когда-либо видел.

Лишь только он приготовился к следующему переходу, как услышал проклятия Сула.

— Что случилось? — воскликнул принц. — Где мы? Это Обливион?

— Да… — ответил данмер. — Нас остановили. Должно быть, он нащупал мою тропу и поставил ловушку.

— О чем ты?

— Мы сейчас на тропе, которую я проложил, чтобы удрать из Обливиона, — объяснил Сул. — Мне потребовались годы, чтобы ее создать. Она начинается во владениях Азуры и заканчивается в Морровинде. Я использовал сродство дагоновых ворот, чтобы войти на мою тропу, проходящую там. И мы начали движение с середины дороги. Еще несколько поворотов, и мы были бы у цели, но… — Он поскреб щетину на подбородке и посмотрел на закрывающую небо листву, после чего пробормотал: — Нам еще повезло. До темноты остается время, и это дает нам надежду.

— Кто — он? Кто наш враг? — спросил Аттребус.

— Отец охоты — принц Гирцин, оборотень.

Откуда-то издалека донесся слабый зов рожка. Потом, с небольшим промежутком, еще один.

— За нами гонится принц дейдра?

— Мы называем его Голодным Котом, — вмешалась Лесспа. Она казалась взволнованной. — Я знала, что поход с вами принесет нам много чести. Нет и не может быть более достойного

противника, чем принц Гирцин.

— Может быть, — поморщился Аттребус. — Но я не собираюсь тут умирать, даже если моя смерть будет благородной и достойной.

— Ему не обязательно нас убивать, — рассеянно пробормотал Сул. Он оглядывался по сторонам, пытаясь хоть что-нибудь различить за могучими стволами деревьев. — Меня он просто захватил в плен и держал несколько лет.

— И как тебе удалось убежать?

— Это очень длинная история. Без посторонней помощи я не вырвался бы.

— Ладно, а что он намерен сделать с нами сейчас?

— Думаю, убьет. В той стороне тропы, — данмер ткнул пальцем, — находится выход из Обливиона. Не тот, который я предпочел бы, если бы выбирал сам, но хоть какой-то.

— Ты уверен, что это не очередная ловушка?

— Гирцин всегда оставляет надежду, — сказала Лесспа. — Этим он отличается от других принцев дейдра.

— Она права, — согласился Сул. — Что же это за охота, если добыча не может убежать?

Вновь зазвучали рожки. К ним присоединился третий — как раз с той стороны, куда показывал данмер.

— Плохо дело, — заметил Аттребус.

— Это загонщики Гирцина, — пояснил Сул. — Не сам принц. Его рожок мы еще не слышали. Поверь мне, это ни с чем не перепутаешь. Но если мы прикончим загонщика, то появится надежда прорваться.

— Мы убьем его! — оскалилась Лесспа. — Принц Аттребус! Садись позади меня. Сул! Ты поедешь на С'енджаре с Тааджем.

Аттребус запрыгнул на спину сенча. При отсутствии седла держаться было не за что, и принц не придумал ничего лучшего, как обхватить каджитку за талию.

Тигры сорвались в неспешный галоп — лишь чуть-чуть быстрее, чем движется бегущий человек. Лесспа сжимала копье в правой руке. У Тааджа Аттребус заметил такое же, а два других каджита вытащили из чехлов маленькие луки, тем не менее казавшиеся на вид весьма опасными.

Рожки запели опять. Теперь тот, к которому навстречу они скакали, звучал гораздо громче прочих.

Деревья закрывали обзор, поэтому Гирцинова загонщика принц видел мельком, но на последних тридцати ярдах сумел хорошенько рассмотреть будущего противника.

Перед ними предстал могучий беловолосый нординг с длинными жилистыми руками и синими татуировками,

покрывавшими обнаженное по пояс тело. Сидел слуга принца на огромнейшем медведе — Аттребус не думал, что такие бывают, — а рядом бежали четыре поменьше.

— Медведи! — выдохнула Лесспа: похоже, она радовалась предстоящему бою. Каджитка взмахнула копьем и выкрикнула парочку приказов на родном языке.

Стрелки дружно натянули луки и дали залп. Ша'джал внезапно рванулся с такой скоростью, что Аттребус едва не свалился. Окружающий лес смазался, превращаясь в разноцветные пятна, и лишь стремительно приближающаяся цель оставалась четкой и ясной.

Оглушительно взревев, Ша'джал прыгнул на одного из медведей, оттолкнулся от него, взвиваясь в воздух. Прямо под ними загонщик замахнулся копьем с листовидным наконечником, который не уступал в длину обычному мечу, но недостаточно быстро, чтобы поразить огромную кошку, а Лесспа вонзила копье ему прямо в грудь. Сила толчка сбросила Аттребуса со спины сенча; больно ударившись плечом о землю, принц все же вскочил на ноги, поскольку помнил об окруживших его медведях.

И вовремя! Первый зверь уже бросился на него. Выхватив меч из ножен, Аттребус ударил наотмашь, но Высверк отскочил от крепчайшего черепа, а медведь, похоже, только сильнее разъярился. Что здоровенному хищнику царапина на голове?

Медведь зарычал и встал на дыбы, норовя сграбастать Аттребуса когтистыми лапами, но открыл живот. Принц не замедлил воспользоваться оплошностью врага, вонзив Высверк по самую рукоятку. Зверь взвыл и повалился вперед, не думая умирать. Оружие вывернулось из ладони. Принц вскинул руки, прикрывая голову, и попытался откатиться в сторону.

Но не слишком-то преуспел. Медведь навалился всем весом, когти заскрежетали по звеньям кольчуги. Аттребус изо всех сил оттолкнул мохнатую тушу ногами и сумел вывернуться из-под раненого зверя. Подхватив меч, принц ударил медведя по шее, ощутив, как позвонки хрустнули под напором стали.

Яркая молния осветила прогалину. Обернувшись, Аттребус увидел, что другой медведь, дымясь, тяжело рухнул на землю — это вступил в сражение Сул.

Беловолосый великан исчез, а на его месте сражалось с сенчами нечто, напоминавшее одновременно человека и медведя. Сильными ударами ему удалось отбросить двоих каджитов, но Ша'джал, накинувшись сзади, сомкнул подобные тискам челюсти на загривке загонщика. Прочие каджиты добили ездового медведя.

Вскоре все звери лежали, похожие на кучи окровавленных

шкур.

Вербер хрипел и пытался высвободиться от хватки Ша'джала. Тогда Сул шагнул вперед и небрежным взмахом меча рассек его от промежности до грудины.

Сенчи принялись добивать остальных оборотней, вспарывая им животы и перегрызая глотки. Аттребус едва успел вздохнуть раз двадцать, когда они уже закончили свою работу, а потом каджиты и данмер с принцем вновь забрались на спины тигров.

Вновь зазвучали охотничьи рожки. Судя по всему, один загонщик со свитой настигал их сзади, а второй приближался с левой стороны.

— Держись! — выкрикнула Лесспа.

«Зачем?» — едва успел подумать Аттребус, как сенчи рванулись вниз по склону холма, будто каменная лавина. Когда они выскочили из лесу, солнечный свет на мгновение ослепил принца, а тигры на полной скорости перемахнули через широкий поток и понеслись по заросшей травой равнине. Алое солнце касалось горизонта, окрашивая стремнину в красный цвет. Впрочем, в Обливионе не стоило удивляться, повстречав реку крови. На юге — по крайней мере, принц думал, что это юг, — паслись несколько крупных животных, но исчезли вдалеке прежде, чем он смог рассмотреть их подробнее. Теперь стадо находилось между каджитами и одним из загонщиков, который приближался, трубя в рог, и Аттребусу очень хотелось надеяться, что животные хоть чуть-чуть задержат погоню.

— Степь похожа на нашу! — выкрикнула через плечо Лесспа.

Только тогда принц обратил внимание, что М'куар бежит без всадника.

— Где Дж'лаша? — спросил он.

— На пути Кенарти!

— Мне жаль.

— Он умер достойно. Не нужно горевать.

Стадо антилоп с гнутыми рожками разбежалось с их дороги.

Лесспа похлопала Ша'джала по шее, и, когда сенч перешел на шаг, спешилась. Таадж и Сул последовали ее примеру.

— Другие загонщики все еще преследуют нас, — предостерег Аттребус.

— Сенчи отлично бегут на короткие расстояния, но им не хватает выносливости, — пояснила каджитка. — Им нужно восстановить дыхание. Тогда мы двинемся дальше.

Теперь они шли по берегу реки, прорывшей каньон глубиной не меньше ста футов. Принц не слишком обрадовался возможности быть прижатыми к обрыву погоней, которая может выскочить с какой угодно стороны, и напрямую заявил об этом

Сулу.

— Мы идем по течению, — поразмыслив, сказал данмер. — Там склон должен выполаживаться, и мы сможем спуститься. Врата, которые мы ищем, находятся в каньоне. Милях в двух впереди или что-то около того.

— Ты думаешь, у нас получится?

— Сам Гирцин не появится, пока не стемнеет. Он охотится со свитой оборотней. Все, что нам остается пока, — не подпускать близко загонщиков.

— Земля дрожит! — вмешалась Лесспа.

Аттребус тоже почувствовал, как мелко трясется скала под ногами. Сперва он подумал, что это особенность владений Гирцина, ведь легенды гласили, будто многие земли в Обливионе весьма изменчивы. Но, заметив приближающееся с юга облако пыли, понял, что слышит топот многих тысяч копыт.

— Думаю, вот это нам тоже не стоит подпускать близко, — махнул он рукой.

— Загонщик! — зарычал Сул.

— Бежим! — звонко закричала Лесспа, запрыгивая на спину Ша'джала.

И опять сенчи огромными скачками понеслись вдоль края пропасти. Кто их преследовал, Аттребус не мог разглядеть — мелькали только коричневые тела.

— Вперед! — командовал данмер. — Видите? Вот оно — место, где мы спустимся!

Принц разглядел промоину в обрыве, но также он отлично видел быстро приближающееся стадо косматых толсторогих быков шести футов высоты в холке.

Невероятно, но сенчи еще прибавили скорости, стремясь достигнуть спасительного спуска. Но стена рогатых голов не отставала. От фырканья и рева закладывало уши.

Внезапно тигр с Сулом на хребте оттолкнулся от края утеса и ринулся прямиком в пропасть.

Ша'джал тоже взвился в воздух.

Бездна разверзлась внизу, словно во сне. Казалось, что они парят. Рядом медленно-медленно проплывал утес… Ша'джал оттолкнулся от дерева, вцепившегося корнями в скалу, а потом Аттребус похолодел, увидев прямо перед собой шершавый камень.

Когда принц пришел в себя, то понял, что маленький отряд столпился на узком выступе, похожем на карниз. Ниже маячил узловатый ствол, спасший жизни ему и спутникам, а сверху сыпалась лавина косматых вонючих тел, не удержавшихся на краю. Аттребус посмотрел по сторонам — все каджиты и Сул

стояли, прижавшись спиной к скале. Мелкие осколки сланца падали им на головы, и оставалось лишь надеяться, что копыта быков не обрушат отвесную стену.

Мычащие, вращающие глазами, дрыгающие ногами быки продолжали падать.

Неожиданно Лесспа расхохоталась. Каджиты присоединились к ней, и даже принц захихикал, сам себе удивляясь.

И вот последний бык свалился в пропасть, и наступила тишина — даже шуршание камешков по осыпи стихло.

— Теперь быстрее, — сказал Сул. — Я думаю, мы можем спуститься вон с той стороны, но думать особо некогда — пора действовать.

Данмер оказался прав — от их убежища начинался промытый дождями овраг, по которому можно было спуститься на дно каньона. Тела разбившихся животных запрудили реку, в воздухе висел густой запах крови, мочи и навоза.

Они пошли вниз по течению, перепрыгнули через небольшой ручей. Окончательно стемнело, и Аттребусу пришлось напрягать зрение, но каджитам и Сулу темнота не доставляла сложностей. Берег оказался неожиданно удобным — песчаный и ровный, а вскоре взошла луна, озарив каньон серебристым светом.

Выше пропели два рожка — совсем близко, почти над головой.

Им ответил еще один. От его невероятно глубоких, насыщенных звуков принц почувствовал себя кроликом, которого в чистом поле окружили волки. Потеряв голову от ужаса, он рванулся вперед.

Кто-то схватил его за плечо, вынуждая остановиться. Аттребус отчаянно дергался, пытаясь вырваться, пока не понял, что его удерживает Сул.

— Легче! — проговорил данмер. — Не теряй головы!

— Это Гирцин! — пролепетал принц. — Все кончено.

— Пока еще нет!

Голос рога пронесся над пропастью, и, словно отвечая, залаяли волки.

— Держитесь рядом, — предупредил Сул. — Когда доберемся до места, придется поторопиться.

По обе стороны каньона возникли темные фигуры. Лай, рычание, рев зазвучали над головами беглецов, отражаясь от каменистых стен. Но по всей видимости, загонщики хотели лишь не дать им уйти, а право убить добычу принадлежало господину.

Они побежали, спотыкаясь и сбивая дыхание. Сул что-то кричал, но Аттребус не слышал его за шумом волчьей стаи. Оглянувшись, принц увидел обрисованный лунным сиянием

силуэт человека огромного роста с ветвящимися оленьими рогами на голове.

— Он здесь!

— Мы тоже почти на месте! — выкрикнул данмер. — Гляди! Впереди, где сужается проход! Нам туда! Быстрее!

И они мчались, не останавливаясь. Завывание приближалось. Казалось, клыки сейчас вопьются в затылок. Стены каньона сходились — вот уже между ними не больше двадцати футов.

— Еще шагов пятьдесят! — подбадривал Сул.

— Слишком много, — ответила Лесспа.

Она остановилась и сказала пару слов сородичам, которые, подчиняясь приказу, развернулись лицом к погоне.

— Мы догоним вас после того, как убьем его! — усмехнулась каджитка.

— Лесспа! — охнул Аттребус, но Сул схватил его за руку и потянул за собой.

— Не делай бессмысленной их жертву! — прошипел данмер. — Ты отблагодаришь их, если выживешь!

Позади раздался боевой клич воинов-каджитов. Пронзительно взвыл от боли волк.

Принц сосредоточился, чтобы не упасть. Легкие горели.

Да, ему было страшно. Но он хотел стоять рядом с Лесспой и сражаться с ней плечом к плечу. Однако знал, что должен бежать — бежать, чтобы остаться в живых и продолжить борьбу.

Скалы сдвинулись еще теснее — до десяти футов. Река стремительно неслась по валунам, угрожая сбить с ног. Позади что-то с шумом плюхнулось в воду.

Еще один шаг!

Внезапно поток исчез, и Аттребус полетел в пустоту без дна.

Глава восьмая

Аннаиг нацедила чуть-чуть субстанции, которая прежде была чьими-то душами, и отсоединила трубку от стеклянного шара, наполненного зеленоватым паром. Подобные туману капельки быстро уплотнились в кристаллы, немного похожие на бисер. Девушка подождала, когда они окончательно затвердеют, и, осторожно раскрыв емкость, пересыпала опалесцирующие частицы в прозрачную тарелочку.

— Опять сначала… — пробормотала она себе под нос. — Еще сорок восемь раз…

Вкусы лорда Иррела иногда казались совершенно дурацкими. Он требовал еду, прошедшую не меньше тридцати циклов возгонки, а чтобы наверняка угодить ему, повара увеличивали эту цифру до пятидесяти.

Почти все, что он ел, тем или иным образом приготавливалось из украденных душ. Поначалу Аннаиг ощущала безотчетное отвращение, но как брезгливый мясник рано или поздно привыкает к крови, так и она стала менее щепетильной и сосредоточилась на стремлении изобретать более интересные и разнообразные блюда. Лишь изредка девушка задавалась вопросом — уничтожает ли она безвозвратно последнюю частицу человека, когда отправляет душу в перегонный куб? Приходивший понаблюдать за работой Тоэл заверял ее, что попадающая на кухни субстанция проходит предварительную переработку в инжениуме, а следовательно, полностью очищается.

В конце концов девушка стала до такой степени равнодушной, что иногда думала, будто теперь сможет запросто разделывать человеческие трупы, не терзаясь угрызениями совести.

Услышав за спиной мягкое покашливание, Аннаиг обернулась. Позади в нерешительности переминалась с ноги на ногу молодая краснокожая женщина с рожками. Девушка видела ее впервые, но по одежде опознала работницу кладовых.

— Простите меня, повар, — произнесла женщина — Я не уверена, что имею право вас отвлекать, и приму любой ответ, но сюда прибыл скроу, поставляющий припасы, и утверждает, что будет говорить только с вами.

— Скроу? Что это?

— Так называются работающие в Клоаке Сущности.

Сердце Аннаиг упало. Светло-Глаз работал именно в Клоаке Сущности — по крайней мере, так утверждала Слир.

— Хорошо, — сказала она, стараясь не терять самообладания. — Кажется, у меня есть немножко свободного времени. Отведи меня к нему.

Пройдя за краснокожей через кладовые и подсобные помещения, девушка оказалась на площадке доставки сырья, где раньше никогда не была. В полу и в потолке зияли четырехугольные отверстия, предназначение которых Аннаиг вначале не поняла, но после увидела, как из одной дыры поднялась корзина, привязанная к прочному канату, и несколько рабочих, сидевших до того без дела, вскочили и кинулись ее разгружать.

Светло-Глаза на площадке не оказалось. Вместо него к девушке подошел немытый и нечесаный человек в обтрепанной набедренной повязке, держащий в руке большое ведро.

— Это он, повар, — пискнула краснокожая.

— Отлично, можешь идти, — кивнула Аннаиг.

Поклонившись, ее сопровождающая убежала.

— Итак, — девушка глянула на скроу, — что у тебя?

— Ничего такого, госпожа, — каркнул человек. Он выглядел нездоровым и сердитым. — Просто мне приказали передать это вам и только вам.

Она заглянула в ведро, заполненное светящимися червями и битыми моллюсками.

— Вот это?

— Да, госпожа, именно это.

— Ладно, давай сюда.

Она подхватила ручку ведра и отвернулась, ужасно расстроенная. Вспыхнувшая было надежда увидеть друга разлетелась вдребезги. Неужели это чья-то злая шутка? Или все же весточка от Светло-Глаза?

В одной из кладовых Аннаиг остановилась и разложила дары моря — хотя правильнее сказать, Выгребной Ямы — по мискам и горшкам. Подбираясь к самому дну, ее пальцы наткнулись на нечто гладкое и твердое, удивительно знакомое на ощупь.

Там лежал медальон!

Она крепко сжала украшение в кулаке. От счастья закружилась голова — пожалуй, это было одно из лучших мгновений всей ее короткой жизни. Светло-Глаз нашелся, и к ней вернулся амулет, принадлежавший матери. А с ним возвратилась надежда. Без связи с Требом, без разговоров с ним, его поддержки она начала сдаваться, покоряться Умбриэлю, гнала мысли о спасении. А теперь возвращается сама возможность борьбы.

Аннаиг осознала, что улыбается словно сумасшедшая, и одернула себя, постаравшись придать лицу серьезное выражение.

Спрятав медальон в карман, она вернулась к работе и, только миновав чаны с питающей корни винного дерева жидкостью и убедившись, что никто не подсматривает, открыла медальон.

Внутри обнаружился маленький кусочек кожи или пергамента, покрытый значками. Несмотря на сырость, буквы не смазались и не расплылись. Аннаиг узнала тайнопись, которую они со Светло-Глазом, будучи детьми, придумали для своих бесконечных игр.

«Аннаиг, я нашел тебя и выход в небо. Мне есть что тебе рассказать. Сообщи мне, где ты и что с тобой. Послание можешь отправить с любым из скроу».

Девушка сунула медальон в один из сундуков, а записку опустила в купорос и задумчиво наблюдала, как та растворилась без остатка. Потом девушка вернулась на свое рабочее место на кухне.

Она как раз снимала тонкие пленки с бульона, когда подошла Слир.

— Не попробуешь ли это? — Она протянула небольшую плошку. — Я продолжаю изучать, как можно использовать эти черные пупырчатые ягоды… Как ты их называешь? Все время забываю…

— Ежевика?

— Точно! Очень интересная ягода: сама черная, а сок алый, словно кровь.

— Да, это так.

Аннаиг зачерпнула крошечной ложечкой и положила капельку желе на язык. Тщательно распробовала. По вкусу и правда немного напоминало ежевику, но гораздо больше смолуживицу, приправленную лимоном.

— Весьма неплохо, — одобрила девушка. — Должно понравиться лорду. Мне кажется, это прекрасно подошло бы к белой шелковистой лапше в качестве соуса.

— О! Я тоже об этом подумала! — воскликнула Слир. — Спасибо за поддержку! — Она склонила голову к плечу. — А я тебя искала совсем недавно. И не могла найти нигде.

— Я ходила в кладовые. Мне кое-что понадобилось.

— Ах вот как! Это многое объясняет.

Но что-то в ее голосе подсказало Аннаиг, что Слир лукавит.

Девушка вздохнула, глядя в спину уходящей помощнице. День ото дня серокожая становилась все ревнивее, что ей не удавалось скрывать при всем старании. В ее сердце жило непоколебимое убеждение, будто при каждой удобной возможности Аннаиг убегает на свидания с лордом Тоэлом. Иногда девушка была готова поговорить с ней, чтобы рассеять

заблуждение, но всякий раз пугалась — не выйдет ли хуже.

Закончив очищать бульон, Аннаиг вернулась к чанам с питательной жидкостью для винных деревьев, рассчитывая, что там, в уединении, сможет воспользоваться медальоном. Но, едва добравшись до объемистых чанов, она почувствовала жжение в гортани. Нос казался будто налитым свинцом, в ушах звенели колокола, сердце стучало с перебоями.

— Слир! — охнула Аннаиг, опираясь ладонями о бадью.

Легкие со свистом втягивали воздух, но она все равно задыхалась. Закрыв глаза, девушка сосредоточилась, чтобы вспомнить вкус, запах, ощущения зелья, которое серокожая ей подсунула, а потом, привалившись плечом к стене, откинула крышку сундука с различными снадобьями и добавками. Звон в голове нарастал и усиливался. Аннаиг заметила, что пальцы на руках и ногах холодеют.

Она уже почти догадалась, как воздействует яд, из чего состоит, и была готова подобрать соответствующее противоядие, но тот распространялся по телу слишком быстро. Не успеть… Девушка почти рухнула на стол, переворачивая бутылки и разбивая пузырьки. Она действовала бессознательно, полностью доверившись звериному чутью: тут отпила глоток, там обмакнула палец и слизнула…

Бой колоколов в голове разрывал череп изнутри. Со слабым стоном девушка провалилась в беспамятство…

Аннаиг пришла в себя на балконе в покоях Тоэла. Она лежала на кушетке, на белой простыне, укутанная в покрывало. Сам лорд сидел неподалеку, внимательно изучая свиток. Наверное, она охнула или застонала, поскольку Тоэл поднял глаза и улыбнулся.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он. — Смерть подобралась к тебе очень близко.

— Что это было?

— Тебя отравили, а что еще, по-твоему? Она использовала растительный яд. Он действует не сразу, через какое-то время после попадания внутрь, но когда полностью впитывается в кровь, то срабатывает стремительно. Звучит вполне обыденно, да?

Она кивнула и с испугом осознала, что под покрывалом полностью голая.

— Ты должна была умереть, но выжила, — продолжал Тоэл. — А все потому, что вольно или невольно приняла противоядие. С его помощью ты выиграла у смерти лишние полчаса, а потом на тебя наткнулись работники. Конечно, без моего вмешательства ты все равно умерла бы, но я должен признать… Отличная работа!

— Я не знала, что делала, — прошептала Аннаиг.

— И тем не менее тебе удалось спастись. — Он наклонился вперед, опираясь ладонями о колени. — Ладно! Как мне ее наказать?

— Слир? — Девушку охватил гнев, граничащий с ненавистью.

Почему? Что она сделала данмерке, чем заслужила смерть от ее руки? Ведь она защищала ее. Следовало ожидать благодарности, а не яда.

И все же наказание…

— Не говори, не надо! — Тоэл откинулся на спинку кресла, очевидно прочитав все мысли Аннаиг по ее лицу.

— Она просто боится.

— Ты хочешь сказать, ревнует? Завидует твоему успеху?

— Наверное, да, — вздохнула девушка. — И еще она, как мне кажется, не только боится, что потеряет свое положение здесь. Она также хочет вашего… внимания.

— Вот это да! — улыбнулся лорд. — Когда я дарую внимание, то не забываю об этом так быстро.

— Что вы хотите сказать?

Он закатил глаза.

— Ты и в самом деле такая наивная? Ты ничего не знаешь?

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Тогда подумай хорошенько. Как, по-твоему, ты попала в поле моего зрения? Как ты считаешь, почему мне с такой легкостью удалось проломить внешнюю защиту Куиджн? Задумайся — почему Слир так отчаянно сражалась, стараясь защитить тебя?

— Она предала Куиджн?

— Да. В этом она видела надежду на возвышение. Я благодарен ей. Ее положение на моей кухне значительно выше того, что она имела у Куиджн. Но она уже получила все, что заслужила. У нее слишком высокое самомнение, но не хватает таланта. А у тебя — сколько угодно таланта, зато напрочь отсутствует желание самоутвердиться.

«Вот уж нет, — подумала Аннаиг. — Я очень хочу самоутвердиться, уничтожив ваш проклятый Умбриэль, уничтожить всех вас…»

Тут же девушка себя одернула: а сможет ли она хладнокровно убить простых обитателей Умбриэля? Но, вспомнив опустошенный Лилмот, твердо ответила: смогу.

Тогда почему бы ей не пересилить себя и не разрешить Тоэлу казнить Слир? В конце концов, серокожая желала ее смерти, исподтишка накормила отравой… А из-за кого погибли работники кухни Куиджн? Разве не из-за ее предательства? Вне

всякого сомнения, Слир заслуживала жестокого наказания.

Но с другой стороны, уверенности не было. Они дружили довольно долго, делились самым сокровенным, помогали друг другу…

— Пощадите ее, — едва слышно попросила Аннаиг. — Пожалуйста.

— И оставить в том же положении? — нахмурился Тоэл. — Она все так же останется твоей помощницей? Почему ты уверена, что она не попытается еще раз?

«Чтобы я лишний раз попала сюда?»

— Она не попытается.

Он хмыкнул.

— В тебе нет ни капли мстительности. Думаю, ты в силах достичь очень высокого положения. Вероятно, выше моего. Но ты не способна на жесткость и не можешь сделать то, что должно быть сделано.

Тоэл щелкнул пальцами, и один из охранников втолкнул в двери Слир. Ее красные глаза были наполнены страданием.

— Что с тобой стряслось? — шагнула она к Аннаиг. — Я ничего не понимаю…

— Я думала, что мы друзья, — ответила девушка.

— Я тоже! — воскликнула Слир. — И я так думаю…

— Замечательно! И как трогательно! — усмехнулся Тоэл. — А теперь слушайте меня. Обе. Аннаиг, возможно, и не сумасшедшая, но весьма любопытная натура. Она дает возможность нашей кухне опережать другие, а потому я не потерплю никакой угрозы ее жизни. Если вдруг она поскользнется, упадет и разобьет голову, то ты, Слир, погибнешь самой ужасной смертью, какую я только буду в состоянии придумать. А я уверен, ты слыхала многое обо мне. Даже если окажется, что сюда заявился сам Умбра и толкнул ее — меня это не волнует, все равно ты будешь жестоко наказана и умрешь. Ты живешь, пока жива она. Понятно?

Слир согнулась в низком поклоне.

— Да, повар, — пробормотала она. — Я все поняла.

— Вот и отлично. — Тоэл повернулся к слуге, застывшему в углу. — Когда Аннаиг почувствует в себе достаточно сил, чтобы встать, принесешь ей одежду и проводишь до комнаты.

— А эту? — Охранник ткнул пальцем в Слир.

— Она проявила рвение, — задумчиво произнес лорд. — Глупое и бессмысленное, но тем не менее… Пускай она помоется, и приведешь ее в мои покои.

В глазах серокожей промелькнуло недоверие, но тут же губы искривились в торжествующей усмешке.

«Молаг Бал вас всех побери! — подумала Аннаиг — Я все-

таки вырвусь с этого острова!»

Глава девятая

Аннаиг чувствовал а себя еще очень слабой — сказывалось сильнейшее отравление. Но тем не менее она настояла на том, чтобы отправиться ночевать в собственную комнату, и слуги Тоэла не посмели перечить ее желанию. Слир так и не вернулась, за что девушка была ей весьма и весьма благодарна.

Той ночью она написала коротенькое послание для Светло-Глаза на том же тайном языке, который знали только она и аргонианин.

«Глаз! Я рада, что ты жив. У меня есть то, что нам нужно. Я готова уходить. Когда и где мы встретимся? Целую».

На следующий день, рано утром, еще пошатываясь от усталости, с бледным лицом и дрожащими руками, она отправилась в кладовую. Скроу уже ждал ее там, на этот раз — женщина.

— Что ты принесла? — спросила Аннаиг.

— Побеги тенду, — прохрипела скроу. — Спинки острозубок. Желуди пыльника…

Рабочие кладовой ненадолго задержались около них, с любопытством заглядывая в корзину, а потом разошлись по своим делам. Очевидно, подумали, что если один из поваров явился выполнять их работу, то не стоит вмешиваться.

Удостоверившись, что никто за ними не следит, девушка сунула скроу записку.

— В следующий раз мне нужен перламутр, — громко сказала она и добавила вполголоса: — Ты меня поняла?

— Да, госпожа, — ответила женщина.

— Вот и хорошо. — Аннаиг повернулась, чтобы покинуть площадку.

Она отправилась на кухню, чтобы приготовить блюдо для лорда Иррела — в этот день он прислал только один заказ, — а потом вернулась к чанам для винных деревьев. Без всяких колебаний она составила снадобье для полета и разлила его в восемь пузырьков: четыре рассовала по карманам, а остальные припрятала по разным сундукам. При этом она не чувствовала страха, будто действовала во сне или словно недавнее отравление сделало ее неуязвимой.

С того дня Аннаиг стала на кухне не такой заметной, как раньше. Тоэл вообще не разговаривал с нею, Слир держалась отчужденно, и лишь изредка девушка ловила на себе взгляды серокожей, как ни странно, презрительные.

Но разве это имело какое-нибудь значение? Следующую ночь

она снова проспала в уединении, а наутро получила ответ от Светло-Глаза.

«Сегодня в полночь. Встретимся около складов».

Что-то ударило его в пятки. Колени Аттребуса подломились, и он рухнул ничком, уткнувшись лицом в густое покрывало желтых полевых цветов, смердящих хуже хорька. Он и Сул лежали на склоне холма, густо заросшего разнотравьем. Кое-где торчали деревья со скрученными стволами и кронами, напоминавшими шляпки грибов.

Они находились на скалистом острове, торчавшем посреди бурного моря, а в низком небе сияла нефритовая луна. Поверхность острова была засыпана дробленым камнем и пеплом, а вода вокруг кипела под холодным серым небом. Ветер нес мелкую водяную пыль.

Сул огляделся по сторонам, поковырял сапогом невысокие кучки земли. Похоже было, этот переход его не удивил.

— Мы снова в ловушке? — спросил Аттребус.

— Нет, — проскрипел данмер. — Мы прибыли на место. Добро пожаловать в город Вивек.

И плюнул в пепел.

— А я-то думал, мы все еще в Обливионе.

— Не слишком уютно, правда?

— Я… — Принц с удивлением озирался.

Остров застыл посреди залива, почти круглого по форме; по внешней кромке его обрамляли горы, более высокие, чем остров, за исключением одного места, где открывался проход в море или широкое озеро. Картина напомнила Аттребусу виденный однажды при поездке в Хаммерфелл вулканический кратер.

Слева возвышались буроватые скалы.

— Разве ты не видишь, сколь прекрасен этот город? — глухо проговорил Сул, указывая пальцем через залив. — Разве ты не видишь каналы и гондольеров? Роскошные кварталы, каждый из которых сам по себе не уступает иному городу? А здесь… Да-да, именно здесь — Великий собор, дворец, Министерство Правды. Все для тебя, чтобы ты мог, восхитившись, задаться вопросом о смысле бытия.

Аттребус понурился и смущенно проговорил:

— Сул, мне очень жаль. Я не хотел обидеть тебя. Скорблю вместе с тобой о несчастье, постигшем твою родину.

— Ты не обязан скорбеть над этим местом, — резко бросил Сул, и в его обычно равнодушном голосе клокотала ярость. — Но кое-кто еще пожалеет о случившемся.

— Надеюсь, ты не собираешься отправить меня обратно, во

владения Гирцина? — усмехнулся принц, желая смягчить напряжение.

Как ни удивительно, его уловка сработала.

— Это будет нелегко. — На губах данмера промелькнула улыбка.

— Ну, лишь чуть-чуть тяжелее, чем попасть сюда, я думаю.

— Но мы справились.

— Мне жаль Лесспу… — начал было Аттребус и замолчал, понимая, что не хочет говорить об этом.

Совсем недавно он держал ее за талию, ощущал дыхание, слышал дикую, первобытную радость в боевом кличе женщины-кошки. И теперь представил ее, изломанную и холодную, с пустыми глазами, глядящими в никуда…

— Мы погибли бы, если бы не она, — ответил Сул. — Каджиты задержали погоню ненадолго, но и этой малости нам хватило. Конечно, мы могли бы умереть рядом с ними. Но как же тогда Умбриэль, Аннаиг, Империя твоего отца? Ты — принц, Аттребус. Люди иногда умирают ради своих повелителей. Привыкай к этому.

— Это не ее война.

— А она полагала, что ее. Ты заставил каджитов в это поверить.

— И ты думаешь, это меня утешило?

Благодушие данмера исчезло так же быстро, как и появилось.

— А почему это каждый должен тебя утешать? Почему любое событие должно быть тебе в радость? Правитель живет не ради того, чтобы ему было лучше и веселее. Он совершает те поступки, что должен совершить!

Принц дернулся, как от пощечины, но, помолчав мгновение, кивнул.

— Как мы разыщем меч? — спросил он, широким жестом обводя округу. — Я подразумеваю, во всем этом хаосе…

Сул какое-то время сердито смотрел на него, а потом отвел взгляд.

— Я служил Азуре, — негромко произнес он. — И поскольку не избрал другого повелителя, то предполагаю, что служу ей до сих пор. Много лет я блуждал по Обливиону, пока не обрел пристанище в ее владениях. Там я медленно сходил с ума. Для принцессы-дейдра она весьма добра, в особенности к тем, кто сумел заинтересовать ее. Она знала, что я жажду мести, и посылала мне видения, чтобы помочь ее осуществить. Я оказывал ей некоторые услуги во владениях других дейдра, выполнял поручения, а за это она обещала отпустить меня и вдобавок дать навыки тайного знания. Но после обманула, решив оставить при

себе, будто любимую игрушку.

— И ты сбежал от нее так же, как и от Вайла?

— Да. Но хотя я больше не в ее власти, Азура продолжает посылать мне видения. Иногда в помощь, иногда в насмешку. Не могу сказать, чтобы они принесли мне много пользы, но… У нее нет ни малейшей любви к нашему врагу, и поэтому по большей части я доверяю ей.

— И она показала тебе, где находится меч?

— Да.

Аттребус нахмурился.

— Ты уже бывал здесь, когда покинул Обливион. Почему же не нашел меч?

— Мою землю завоевали аргониане, — пояснил Сул. — Ящеры обычно здесь не живут, но у них есть какой-то ритуал, связанный с этим кратером, который они называют заливом Разрушения. Я оказался здесь в самый разгар ритуала. Они гнались за мной долго, очень долго, успокоились и отстали лишь в предгорьях Валуса. После этого я какое-то время… откладывал возвращение. Нелегко смотреть на все это.

— Я понимаю, — кивнул Аттребус.

— Нет, не понимаешь, — покачал головой данмер. — Подожди меня здесь. Я должен кое-что сделать. Один.

— Но даже если ты и найдешь меч, как мы пересечем кипящую воду?

— Не волнуйся о воде. Помни, я здесь уже бывал. Займи себя чем-нибудь. Следи, не приближается ли Умбриэль. А я найду меч.

Принц следил за Сулом, пока тот не пересек остров и не скрылся за обломками скал. Потом перевел взгляд на юг, откуда ожидал прибытия Умбриэля, но увидел лишь низкие облака. Поэтому Аттребус уселся на землю и раскрыл дорожный мешок в поисках какой-нибудь еды.

Он как раз жевал кусок зачерствевшего хлеба, когда Щебетун мягко заворковал. Вытащив механическую птицу, принц обрадованно уставился на лицо Аннаиг. Девушка хмурилась, ее лицо покрывала нездоровая бледность. Она широко распахнула глаза и… расплакалась.

— Ты там?! — сквозь слезы проговорила девушка.

— Да, я здесь, — попытался успокоить ее Аттребус. — С тобой все в порядке?

— Я не плакала до сих пор, — всхлипывая, отвечала она. — Не плакала ни разу с тех пор, как все это началось, держала в себе… Но… — Она замолчала, не в силах говорить сквозь неудержимые рыдания.

Принц подался вперед, стремясь успокоить ее, но, конечно же, не смог дотянуться. Сердце его сжалось. Наблюдать такое страдание и быть не в силах помочь…

— Все будет хорошо, — соврал он, хотя никакой уверенности не ощущал. — Все будет просто замечательно!

Аннаиг кивнула, но продолжала плакать, и еще долго ее голос прерывался горькими всхлипываниями.

— Извини… — наконец проговорила она, все еще хлюпая носом.

— Забудь, — отмахнулся Аттребус. — Представляю, что ты перенесла.

— Я пыталась быть храброй, — ответила девушка. — Чтобы наблюдать и запоминать все, способное помочь тебе победить остров. Но сейчас я должна убираться прочь. Я думала, будто со мной все в порядке, пока не увидела тебя. Думала, что больше не боюсь. Но я…

— Кто бы не боялся? — успокаивал ее принц. — А ты уже можешь летать?

— Да. Я изготовила новое снадобье и нашла Светло-Глаза, а он обнаружил место, откуда можно выбраться на поверхность острова. Мне кажется, я не могу ждать, пока ты придешь к нам. Сегодня же ночью мы улетим.

— Но это же здорово! — воскликнул он. — Я сейчас в Морровинде. Думаю, вы спуститесь прямо к нам.

— Вы стоите на пути острова?

— Мой спутник так думает.

— Вы не можете там оставаться! Я же говорила, что остров делает с живыми существами!

— Не волнуйся о нас! Когда вы покинете Умбриэль, я постараюсь вас разыскать. А ты мне расскажешь, как научилась летать. Хорошо?

Аннаиг кивнула.

— А я думал, ты погибла, — вздохнул принц. — Я все время пытался с тобой связаться.

— Просто я потеряла медальон. Но потом нашла.

— Значит, ты покинешь остров сегодня ночью?

— Ну, я попытаюсь. — Она вытерла глаза.

— Ты сейчас одна?

— Да, сейчас одна. Если кто-то появится, мне придется спрятать медальон.

— Хорошо. Я пойму, когда ты должна будешь уходить. А пока расскажи мне обо всем, что с тобой произошло. Расскажи, как ты жила.

Он сидел и слушал ее негромкий мелодичный голос,

понимая, как много пропустил. Пропустил ее.

Сул прошел через весь остров, пытаясь не позволять гневу взять верх над разумом. Мало того что упало Министерство, вызвав извержение вулкана, который был сердцем острова Ввардендфелл и носил то же название. Пепел, лава, а потом и морской прибой завершили разрушительную работу. А когда все успокоилось, заявились аргониане, горя желанием отомстить обитателям Морровинда за тысячелетия угнетения и рабства.

Наверное, те из них, кто обосновался в южном Морровинде, раскаялись в этом, когда их деревни оказались на пути Умбриэля.

Но осознание этого не успокаивало.

Он вновь глянул на огромный кратер. Как быстро падало Министерство? Почувствовала ли она что-нибудь? Знала Илзевен, кто ее убил?

Найти меч. Убить Вуона. Тогда все закончится.

Сул помнил взрыв инжениума. Сперва магическое устройство вспучилось и исказилось, а потом окружающий мир исчез во вспышке. А после Сул и Вуон оказались совсем в другом месте, в Обливионе.

В том видении, ниспосланном Азурой, был Умбра, швыряющий меч сквозь исчезающую дверь. А затем картинка сменилась, и Сул увидел меч, лежащий на битом камне. Пока что все скалы и их обломки, что попадались на глаза данмеру, были покрыты слоем пепла толщиной в несколько футов.

Но он и Аттребус попали на остров через остаток прохода, который привел его сюда несколько лет назад, — тот же, в который пролетел меч. Это место отличалось необычностью, поскольку несло отзвуки взрыва инжениума, разрушившегося одновременно с окончанием многовекового падения Министерства Правды. И проход представлял собой не пятно или круг, а, скорее, туннель, часть которого располагалась под землей. Если бы Сул не видел меч на поверхности, то счел бы, что клинок погребен под слоем пепла.

Нет, он видел не это место — там не было столько пепла. И еще он помнил нечто, похожее на раскоп. К сожалению, попав сюда в первый раз, Сул не успел внимательно все рассмотреть и запомнить — вокруг толпились разъяренные ящеры. Но сейчас ему не потребовалось много времени, чтобы понять: меч кто-то забрал.

Сул почти слышал хохот Азуры, которая наверняка предвидела его дальнейший шаг.

Его возлюбленная возникла из поднятой в воздух пыли.

Первоначально маленький и слабый, смерч, какие частенько случаются в пустоземье, дрожал, ширился до тех пор, пока прямо перед Сулом не появились черты ее тонкого лица. Глаза не утратили прежний цвет, напоминая о последних лучах заходящего солнца.

— Илзевен, — прошептал данмер.

Ее глаза вспыхнули чуть ярче.

— Я здесь… — прошелестела она, и он узнал тот самый голос, что часто снился ему, — последнее воспоминание о прежней жизни. — Я всегда здесь. Я — часть всего этого.

По ее лицу пробежала дрожь.

— Я узнаю тебя, Элзмаар, — сказала она. — Почему ты так изменился, любовь моя?

— Время все еще властно надо мной, — ответил Сул. — Ему по силам изменять меня.

— Но ведь не время причинило тебе столько боли, Элзмаар. Что ты сотворил с собой?

Их лица почти соприкасались. Сул ощущал легкий прохладный ветерок.

— Наше место сохранилось? — продолжала Илзевен. — Дом, где мы любили друг друга? Бамбуковая роща, сбегающий с гор ручей с ледяной водой и поющие жаворонки?

Его горло перехватил спазм, и какое-то время он не мог ничего сказать, как ни силился.

— Я не бывал там с той поры, как мы расстались, — вымолвил он наконец.

Но Сул знал, что их заветный домик находился слишком близко от вулкана…

— Все это еще живет в моем сердце. — Ее рука коснулась груди. — Тот уголок и моя любовь… Наша любовь.

Данмер прижал ладонь к вздымающимся ребрам, страшась умереть прямо сейчас, когда всего лишь шаг остался до свершения мести.

— У меня слишком мало времени, Илзевен, — извиняющимся голосом вздохнул он. — Я должен спросить тебя кое о чем.

— Я отвечу, если смогу.

— Где-то здесь, в пепле, был меч. Он упал после разрушения Министерства. Можешь ты мне подсказать, что с ним?

Ее пристальный взгляд скользнул мимо и задержался в пустом пространстве так долго, что Сул испугался утратить связь с ее духом. Неожиданно Илзевен заговорила:

— Дождь смыл пепел, обнажив рукоять меча. Его нашли. Данмеры обыскивали остров. Они забрали его с собой.

— Куда?

— На север, к морю Призраков. Их предводитель носил кольцо с печаткой драугра.

Сул чувствовал, что теряет власть над духом. Илзевен вновь коснулась его, но ее пальцы обратились в пыль и рассеялись под легким ветерком.

— Позвольте ему уйти… — прошептала она. — Он опасен, побереги себя…

— Ты не понимаешь… — начал он.

— Я — часть этого места. Я знаю, что произошло, но прошу тебя, во имя нашей любви, позвольте ему уйти.

— Не могу, — хрипло прорычал Сул, глядя, как ветер стирает черты лица Илзевен.

И еще долго стоял там, смиряя сердце и борясь с охватившим его горем. Аттребусу не годится видеть его таким.

И все же он был рад услышать ее голос — именно этого ему больше всего не хватало.

— Мне пора! — внезапно воскликнула Аннаиг. — Там кто-то пришел! Береги себя!

— Будь осторожнее, не… — воскликнул принц, но она уже ушла.

Еще несколько мгновений Аттребус держал Щебетуна, надеясь, что девушка ошиблась и они продолжат беседу, но не дождался и спрятал птицу в мешок. Потом поднялся на ноги и посмотрел в ту сторону, которую считал югом: там, насколько помнились ему уроки географии, кратер соединялся проливом с Внутренним морем.

Но и кроме кипящей воды, что-то в увиденном показалось ему необычным. Вначале он никак не мог понять, что же именно, а потом сообразил: над облаками торчала вершина горы.

А основание ее висело в воздухе ниже облаков!

— О, нет… — прошептал принц.

Слушая рассказ Аннаиг, он думал, что заметит прибытие острова даже сквозь облака. Где же вспыхивающие нити? Где личинки, ныряющие вниз? Или это бывает лишь тогда, когда под Умбриэлем оказываются живые существа, обладающие душами, а не как сейчас — скалы и пепел? Но нет…

Принц почуял запах вареного мяса и перевел глаза на побережье.

Из залива Разрушения выходили твари.

Сул услыхал крик Аттребуса.

С проклятием он выхватил меч и прыжками понесся обратно, туда, где оставил принца. На вершине холма они едва не

столкнулись на бегу.

— Он здесь! Порождение демонов уже здесь!

Данмер бросил внимательный взгляд на воду, на гремящих костями, лишенных плоти монстров. Трудно было бы сказать, к какому народу они принадлежали при жизни, если бы не хвосты.

— Что ты там говорил о пути с острова? — быстро спросил Аттребус.

— Тот путь, по которому мы попали сюда! — ответил Сул. — Мы можем попробовать и прорваться той же дорогой, что и прибыли!

— Не слишком-то радует! Ты владеешь каким-нибудь волшебством, чтобы плыть в кипящей воде?

— Нет!

Данмер видел, что его спутник боится, но изо всех сил старается не показывать виду.

— Чем больше мы тянем, тем тяжелее придется потом! — сказал Сул, вытаскивая из мешка мазь и проводя черточку над бровями принца, а потом и над своими. — Возвращаемся в то место, где оказались сразу по прибытии. Это все, что мы в силах сделать, чтобы подольше оставаться в живых.

— Тогда пошли! — кивнул Аттребус.

«Север, за морем Призраков, — размышлял данмер на бегу. — По всей видимости, речь идет о Солстейме. Проще всего туда попасть вначале по суше, а потом на корабле».

Пути на острова Солстейм через Обливион он не знал.

Да, и хорошо бы выяснить, все ли Внутреннее море кипит?

Глава десятая

Услыхав постукивание тяжелых башмаков, Колин прошептал имя Ноктюрналь и тут же заметил, как прояснились тени вокруг, как лунный свет рассеял их, так что стали видны очертания мраморного дворца, парка вокруг, булыжников из светлого песчаника. Он сам стал частью ночной тьмы и свободно впитывал звуки, запахи, образы. Из служебных помещений, занимаемых министром, во двор вышла женщина; сыщик отлично ее видел и тут же узнал, несмотря на скрывающий фигуру плащ и низко надвинутый капюшон. Эту походку он наблюдал уже в течение нескольких дней, пусть каждый раз не слишком долго — у него имелись важные и не терпящие отлагательства поручения от начальства.

Маралл ошибся в своем предсказании — от дела о пропаже принца Аттребуса Колина немедленно отстранили. Но разве он мог пустить все на самотек? Нет, не мог, хотя затруднился бы объяснить почему. Приложив немного усилий, Колин вышел на женщину по имени Летина Арес, с которой разговаривал Гулан перед походом. Она оказалась помощником министра — маленького роста, хрупкая, белокурая, лет тридцати. Молодой человек изучил ее привычки, проследил, куда она пошла вчера, после работы в министерстве.

Но сегодня вечером, как он мог видеть, она поступала вопреки обыкновению. Покинула здание в восемь часов, а не в шесть и, вместо того чтобы поужинать в «Пенной фляге» со своей сестрой и несколькими приятелями, направилась на северо-восток, к рыночной площади.

Летина Арес уверенно шагала сквозь толпу, еще не рассосавшуюся в это время на рынке. Колин превратился в призрака — он мог в случае необходимости стать невидимым и неслышным, незаметным для всех. Вскоре она свернула с широких улиц, вен и артерий Имперского города и продолжила путь по капиллярам — переулкам и узким проходам. Колин стал ее тенью — куда она, туда и он.

Женщина постучала в неприметную дверь, и та вскоре приоткрылась. Обменявшись с привратником парой слов, Летина проскользнула внутрь.

Сыщик быстро осмотрел здание. На первом этаже никаких окон — так же, как и в домах по соседству, ни лестниц, ни водосточных труб, по которым можно было бы подняться. Но, исследовав три стены, Колин нашел решение: стена ближайшего дома подступала почти вплотную. Таким образом, упираясь

руками и ногами, он попал наверх с такой же легкостью, как если бы карабкался по трубе.

Аннаиг едва успела спрятать медальон, как из коридора показалась Слир и озадаченно огляделась по сторонам.

— С кем ты болтала? — удивленно спросила она.

— Сама с собой, — беспечно ответила девушка. — Это помогает мне размышлять.

— Я заметила. — Слир переминалась с ноги на ногу и выглядела смущенной.

— Ты что-то хотела? — посмотрела на нее Аннаиг.

— Не убивай меня! — выдохнула женщина.

— Ксут побери! О чем ты говоришь? — возмутилась Аннаиг. — Ты же стояла за дверью! Ты слышала, что говорил Тоэл! Если бы я хотела твоей смерти, тебя уже не было бы!

— Я знаю! — выкрикнула Слир, заламывая руки. — Я не понимаю твоего поступка! Единственное, что я могу предполагать, — ты хочешь убить меня своими руками, когда я не буду ожидать… Ты наверняка придумала что-то ужасное. Послушай, я знаю, что ты ненавидишь меня до безумия…

— До безумия?! — неожиданно разозлилась девушка. — А ты чего хотела? Ты же пыталась убить меня!

— Да, теперь я вижу, что сильно огорчила тебя. Скажу честно, я не готова жить с этим… Я не могу…

— Да, — сказала Аннаиг, тщательно взвешивая каждое слово. — Все понятно. Ты думала избавиться от меня, но твой замысел рухнул, и я выжила. Теперь та часть достойного человека, что живет глубоко внутри твоей души, заставляет тебя мучиться.

Пока она говорила, подступившая к горлу волна гнева превратилась в самую настоящую ярость. И вдруг она почувствовала легкий толчок в правое запястье — что-то скользнуло вдоль ее указательного пальца и замерло, подрагивая от напряжения.

Секач Куиджн! Конечно же! Вот то, что могло помочь ей уничтожить кого угодно. Всего два шага, и…

— Пожалуйста, не шути со мной… — умоляюще пролепетала Слир. — Я так несчастна, что не могу даже спать.

— О чем это ты? — Аннаиг глубоко вдохнула, пытаясь успокоить бешено бьющееся сердце. — Ты же спала с Тоэлом.

— Мы с Тоэлом занимались порождением, — моргнула серокожая. — Но ты же не думаешь, что он позволил мне оставаться в его постели всю ночь? Я спала в кухне, потому что не решалась вернуться в нашу комнату, боялась тебя.

— Почему? Я вовсе не собиралась причинять тебе вред.

— И ты не отравила побеги тенду нынче утром?

— А в них разве был яд?

— Нет… Я точно не знаю. Но я слышала, что ты там была, брала их, и не составляет большого труда догадаться, что ты с ними что-то делала. Ведь ты знала, что я должна их отварить…

— Но ты же не умерла, насколько я вижу!

— Еще бы! Я приказала Кейву готовить тенду.

— С ума сойти! — развела руками Аннаиг. — И Кейв умер после этого?

— Ты достаточно изобретательна, чтобы составить яд, опасный только для меня. Я тебя знаю! Мало ли моих волос можно собрать в нашей комнате?!

Девушка подняла глаза к потолку.

— Слир, я не собираюсь тебя убивать. По крайней мере, сегодня. — Но, вспомнив о предстоящей встрече со Светло-Глазом, кровожадно улыбнулась. — Хотя, может быть, завтра…

— Я сделаю все, что ты прикажешь! Все!

— Отлично! Тогда убирайся прочь и не смей заговаривать со мной иначе чем по работе. Ясно?!

Прошло, пожалуй, не меньше трети часа после ухода серокожей, когда невидимый нож, скользнув вдоль кисти Аннаиг, скрылся в браслете на запястье.

На кухне, несмотря на поздний час, еще не спали. Хобы занимались уборкой, бормоча на странном, незнакомом Аннаиг наречии. Время от времени она задумывалась — здесь все утверждали, будто вышли из Клоаки Сущности и туда же вернутся, когда придет срок… Или что-то подобное. А как насчет хобов и скампов? Являлись ли они живыми существами так же, как и повара, скроу и прочие работники? Или они — нечто подобное тем продуктам питания, которые поставлялись из Клоаки Сущности или росли в лесах Спирали Края?

Может, Глаз знал ответ? В конце концов, он же работает в Яме.

Когда девушка проходила по кухне, хобы бросали на нее любопытные взгляды, но ее это мало волновало. Вряд ли они проболтаются, а если и наябедничают хозяевам, будет слишком поздно.

Прежде чем войти в кладовую, Аннаиг оглянулась. На мгновение ей показалось, что она видит позади призрака, как две капли воды похожего на нее. Вернее, на такую Аннаиг, которой она могла бы стать, если бы вместо зова сердца послушалась совета Тоэла. Уверенную, решительную, загадочную.

Тем не менее она без колебаний повернулась спиной и оставила видение медленно таять в полутемном коридоре.

На приемных площадках, в отличие от кухонь, царили тишина и тьма. Поскольку девушка не взяла с собой светильника, ей оставалось лишь стоять и ждать. С каждым ударом сердца беспокойство нарастало. Безмолвие и мрак окутывали, словно саван. А что, если ее переписка со Светло-Глазом не более чем ловушка, чья-то хитрая игра?

Услышав осторожное движение, она встрепенулась:

— Глаз, ты?

— Ну…

Да, это был он! Слабый запах нашатыря, знакомое хрипловатое дыхание, большие и влажные чешуйчатые руки, обнявшие ее.

— Ты, здоровенная ящерица, ты меня намочишь, — пробормотала она.

— Ну ладно, если ты хочешь, чтобы я ушел…

Она схватила его за руку, удерживая.

— Дейдра и Провидение! Как же я рада тебя видеть, Глаз! Или почти видеть. Я думала, что ты пропал.

— Я нашел тело Куиджн, — сказал аргонианин. — И остальных с ее кухни…

Светло-Глаз издал сдавленный хрип, который она последний раз слышала в те далекие годы, когда они были детьми.

— Давай не будем задерживаться здесь. — Аннаиг погладила его по руке. — У нас будет еще много времени поговорить.

— Кто сможет нас догнать и задержать? Никто не в силах помешать нам убраться отсюда подальше!

— Тоэл смог бы, если бы узнал, — вздохнула она. — Поэтому — поспешим!

Они вошли на платформу подъемника и вскоре неспешно двинулись вверх.

— Я никогда не пользовался такой штукой, — хмыкнул аргонианин. — Но подозреваю, этот путь легче, чем тот, к которому я привык. По крайней мере, тебе не придется нырять под воду.

— И это радует, — ответила девушка. — Но мне все время хочется подстраховаться на тот случай, если веревка оборвется. — Она невольно погладила свой карман.

— Ты… — начал Светло-Глаз, и его голос показался немного странным.

— Что?

— Нет, ничего. Ерунда.

На поскрипывающей платформе они достигли такой же точно площадки, какую оставили внизу. Аргонианин довольно быстро обнаружил лестницу, которая привела их к Спирали Края. Умбриэль плыл в безлунном небе, словно корабль, рассекая клокочущий океан низких облаков. Спираль веером раскинулась у них под ногами — самый необычный и невообразимый лес из всех, виденных девушкой. За спинами, необычайно близко, тянулись ввысь великолепные шпили Умбриэля. Даже покои Тоэла располагались на более низком уровне. Одна из башен возвышалась над всеми остальными, мертвенно-холодная, построенная, по всей видимости, из стекла и паутины. Кто жил там? На кого он похож?

Аннаиг глубоко вздохнула и отвернулась. Теперь все это неважно.

— Пей! — Она вручила Светло-Глазу пузырек. — И помни — нас ведут по жизни наши желания. А мы хотим убраться отсюда как можно дальше, на закат.

— Я буду просто следовать за тобой.

Девушка взяла друга за руку.

— Да, мы полетим вместе.

Они одновременно выпили зелье и шагнули со скалы. А потом взлетели над Умбриэлем и поплыли в воздухе над полыхающими облаками.

Сул выгнул бровь и пробормотал что-то на одном дыхании. Воздух впереди дрожал и переливался. Внезапно чудовищный дейдра с головой крокодила возник между ними и толпой ходячих мертвецов. Он повернулся к данмеру, вперившись в него неподвижными, наполненными ненавистью глазами рептилии, и рыкнул на незнакомом языке. Толпа восставших трупов плотно сдвинула ряды и ринулась в атаку.

Выхватив меч, Аттребус следом за Сулом врубился в ряды врагов. Первым его противником оказался полуразложившийся вареный аргонианин. Высверк легко прошел сквозь расползающуюся плоть и перерубил кость чуть выше локтя. Тварь шагнула вперед, будто бы и не заметив потери, и принц с огромным трудом сдержал рвотный позыв. Ходячий труп приблизился; Аттребус отрубил его голову, но урод продолжал идти до тех пор, пока клинок не подсек ему колени.

Следующий мертвец набросился на принца, сжимая в кулаке короткий меч, которым безыскусно и бесхитростно тыкал перед собой. Аттребус с легкостью отрубил ему руку, а потом косо ударил по ногам, и этот тоже свалился.

Что неприятно удивило его высочество, так это скорость, с

которой передвигались живые трупы. До сих пор он предполагал, что они должны быть гораздо медлительнее. Теперь они с Сулом не бежали вперед, а пятились к месту, где данмер намеревался осуществить перемещение, больше всего опасаясь попасть в плотное кольцо. Их цель по-прежнему оставалась за пределами досягаемости, а толпа мертвецов все прибывала. Аттребус и Сул использовали мечи как мачете, широкими взмахами расчищая дорогу — так перерубают подлесок и лианы, прокладывая путь через джунгли. Только обычно на место срубленных лиан не встают новые.

Треб решил, что все кончено, когда один из срубленных мертвецов вцепился ему в ноги и сжал с невиданной силой. Принц пошатнулся, и тогда еще один противник прыгнул вперед, повисая на руке с мечом.

Аттребус рухнул навзничь, и волна осклизлых, холодных, отвратительных тел накрыла его. Сил хватило лишь на короткий, отчаянный крик.

«Прости, Аннаиг, — подумал он. — Я честно пытался…»

Он ждал удара ножом или зубов и когтей, рвущих тело, но ничего не произошло. Их поставили на ноги и удерживали на месте, не давая пошевелиться. Аттребус попытался вырваться, но очень быстро понял бессмысленность своего поведения.

— Что они делают? — спросил он у Сула.

Но не успел данмер ответить, как мир закружился с бешеной скоростью, и холодный, пустынный Морровинд исчез из виду.

Окно, на которое Колин наткнулся, оказалось закрыто ставнями и заперто изнутри. Однако у сыщика на этот случай имелось маленькое, но безотказное волшебство, и вскоре он уже проник в чью-то спальню, которая, к счастью, в это время пустовала. Выйдя на лестницу, он осторожно двинулся по ступеням, пока не услышал голоса. Тогда он присел и весь обратился в слух.

— …может знать? — говорила Летина Арес.

— Да кто угодно! — грохотал мужской голос. — Кто угодно, кто знает тебя и мог передать предупреждение Гулана о замысле принца!

— Об этом знали не так много людей. А как насчет той женщины? Радаса, кажется?

— Я не получал от нее вестей. Если предположить, что она ведет двойную игру, то как она объяснила им, что выжила в резне? И эта записка без подписи.

— С каких это пор в Тамриэле вымогатели ставят свои имена под записками?

— Ладно, я тебя понял.

— Но если не она, удравшая от нас с тобой, то значит, кто-то из твоего сообщества.

— Исключено!

— Я была против использования твоих людей! — фыркнула женщина.

— Работа выполнена!

— Нет! Работа не выполнена! Мало того что Аттребус жив, так еще кто-то пытается подставить меня.

— У тебя нет доказательств, что Аттребус жив. Все это только слухи.

— Как бы не так! Сегодня утром прибыл курьер из Вотер-Эдж со срочным донесением. Принц жив. Записку доставили прямо императору. Новость пока что держат в тайне, но вооруженный отряд уже отправлен.

«Вот это да!» — подумал Колин. Письмо от «вымогателя» написал он лично, чтобы подтолкнуть ее к опрометчивому поступку, но вот о курьере услыхал впервые.

— Ну ладно, — проговорил мужчина. — Я не привык оставлять работу неоконченной. Я берусь завершить дело без всякой дополнительной оплаты.

— Нет, так не пойдет. Теперь я говорю — нет!

— Давайте не будем делать глупости! — рассмеялся он. — Раз ты не хочешь, чтобы я закончил работу, так тому и быть. Но деньги я не верну. Не забывай, кто я!

— Ты — прославленный головорез, — проворковала Летина.

— Обожаю таких, как ты! — проворчал мужчина. — Вы мне платите, чтобы я кого-нибудь убил, и, таким образом, получаете отличную возможность притворяться, что у вас чистые руки. Следовательно, вы думаете, что лучше меня. Так вот, я открою тебе одну маленькую тайну: ты хуже меня. Потому, что у тебя не хватает решимости сдержать собственных псов.

— Я бы так не сказала, — ответила она с холодом в голосе. — Уж не угрожаешь ты мне?

Колин услышал стук открывающихся дверей и топот ног. Он мог ясно представить, как в комнату врываются охранники мужчины. Но тут же раздался звук рвущейся ткани, сопровождаемый порывом ветра и звоном разбитого стекла. Каждая волосинка на его теле встала дыбом.

А после в его уши ворвался рев, настолько чудовищный, что разум отказывался его понимать. Рык выходящего на охоту льва или завывания волчьей стаи по сравнению с ним показались бы легким шепотком. На мгновение лестница осветилась ярко-желтой вспышкой, и вновь пала тьма.

Во мраке раздались людские крики ужаса и боли. Колин поежился, а потом задрожал. Он все еще трясся от страха, когда последние вопли смолкли, будто оборванные, и в наступившей тишине гулко раскатился отзвук тяжелых шагов. Казалось, теперь ужасное нечто ищет его…

Когда глаза обрели способность видеть, Аттребус сперва подумал, что летит по мерцающему небу. Мгновение понадобилось, чтобы понять — да, он в воздухе, но не падает, а висит. Отблески напоминали стекло или какое-то похожее на него вещество. И оно удерживало его столь непривычным способом, что сразу и не поймешь. Только внимательно оглядевшись, принц понял, в какое странное положение попал.

Примерно в сорока футах ниже раскинулась огромная сеть — не меньше двухсот футов в поперечнике. Она походила на паутину, зацепленную восьминогим ткачом за три металлические балки, каменный выступ и толстую башню, построенную из материала, похожего на фарфор. Под сетью принц разглядел конический бассейн, наполненный изумрудно-зеленой водой, по краю которого возвышались строения причудливой формы. Вместо нитей паутина была сплетена из трубок толщиной с человеческую руку и по виду неотличимых от стекла.

Через каждые полдюжины шагов из труб росли вверх побеги, словно виноградная лоза. Они многократно разветвлялись на меньшие усики, будто полипы, анемоны или иные морские твари. Эта подвижная, непрестанно шевелящаяся поверхность была шириной примерно с кровать.

Аттребус висел в десяти футах от вершины живой поросли. Щупальца, каждое не толще портняжной иглы, плотно, но бережно облепили подошвы его сапог, ноги, спину, плечи… Да, собственно, все части тела, за исключением лица.

Принц попытался шагнуть — у него получилось, но прозрачные отростки следовали за ним, охватывая ноги и туловище. Именно благодаря им он не падал. Тогда Аттребус закрутил головой и в нескольких шагах заметил Сула, в таком же подвешенном положении.

— У тебя получилось! — закричал он, и стекловидные иголочки отозвались тончайшим перезвоном на звуки его голоса. — Мы сбежали!

— Я ничего не делал, — покачал головой данмер. — Да мы и не подошли достаточно близко к двери, чтобы прорваться в Обливион.

— Тогда где мы?

— В моем доме, — ответил незнакомый голос.

Аттребус задрал голову и увидел, как кто-то спускается к ним, а стеклянные трубочки уплотняются под его ногами, превращаясь в ступеньки. Это был данмер среднего роста с длинными седыми волосами, собранными сзади в хвост, одетый в широкий темный балахон и черные сандалии. Единственной странностью в его облике, насколько мог заметить Треб, оказались глаза — не красные, как обычно у данмеров, а молочно-белые в черных обводах.

— Поразительно! — воскликнул незнакомец. — Сул! А ты, как я могу предположить, принц Аттребус? Добро пожаловать на Умбриэль.

— Вуон! — яростно прорычал Сул.

— Да… Некогда меня так называли. Можешь использовать это имя, если тебе так удобнее.

Сул взвыл и взмахнул рукой — с его пальцев сорвалась огненная капля, один в один похожая на ту, что сожгла Шарву на берегу ручья. Но теперь пламя бессильно вспыхнуло, отражаясь в подвижных нитях, и иссякло. Аттребус кинулся вперед, рванув из ножен Высверк, но преодолел лишь пару шагов — нити уплотнились и сковали его движения. Принц застыл, не в силах пошевелиться — свободными оставались только голова и шея.

— Я бы попросил вести себя прилично, — невозмутимо проговорил Вуон. — Вы же у меня в гостях!

Он резко сел, а отростки потянулись ему навстречу, сформировав удобное кресло.

— Ты стремился сюда, чтобы убить меня, как я понимаю? — спросил он Сула.

— А ты как думаешь? — клокочущим от ненависти голосом отвечал красноглазый.

— Именно так я и думаю, просто выразил это в форме вопроса.

— Ты повинен в смерти Илзевен! Ты разрушил наш город и всю страну, обрек мой народ на скитания по свету! И ты за это заплатишь!

Вуон задумчиво покачал головой.

— Ничего из перечисленного тобой, Сул, я не совершал, — мягко произнес он. — Это же твоя заслуга. Разве ты не помнишь?

Сул бился, как рыба, в тщетной попытке приблизиться к врагу хотя бы на дюйм.

Вуон лениво пошевелил пальцами, и гладкие лозы зашелестели, по ним пробежала волна. Мгновение спустя перед каждым из людей появилась маленькая красная тарелка, наполненная желтыми шариками, похожими на ягоды. Вуон взял один из них, сунул в рот. Легкий зеленый парок вырвался у

данмера из ноздрей.

— Ты должен рассудить нас, — сказал он Аттребусу.

— Не уверен, что мне этого хочется.

Безразлично пожав плечами, Вуон повернулся к Сулу.

— Илзевен умерла, когда Министерство Правды рухнуло на город, мой старый друг, — вздохнул он. — А упало Министерство только потому, что ты разрушил инжениум, удерживающий его в воздухе над Вивеком.

— Ты высасывал из нее жизнь! — В голосе Сула звенело обвинение.

— Да, но очень медленно и осторожно. Она жила бы еще много месяцев.

— О чем вы говорите? — вмешался Аттребус. — Сул, о чем он говорит?

Данмер не ответил, зато Вуон вновь обратил внимание на принца.

— А он рассказывал тебе о Министерстве? О том, что мы изобрели, дабы удерживать его зависшим над городом?

— Да. Вы крали души.

— Мы не смогли придумать другого способа, — словно оправдываясь, произнес Вуон. — Нам нужно было выиграть время. Вначале мы убивали рабов и осужденных преступников. По десять человек в день. А потом я нашел способ, как использовать души, не убивая их обладателей. Хотя далеко не у всех людей души были — как бы это выразиться понятнее? — достаточно большими. Нам приходилось использовать по двенадцать человек за один раз. Довольно расточительно… А Илзевен я выбрал потому, что у нее была правильная душа.

— Ты выбрал ее потому, что она никогда не полюбила бы тебя! — горячо возразил Сул. — Она любила только меня!

— Мы всегда соперничали, ты и я, — сказал Вуон рассеянно, будто напоминая прописную истину. — Еще с детства. Но мы были друзьями — до того мгновения, как ты ворвался в зал, где стоял инжениум, и попытался отнять у меня Илзевен.

— Я просто хотел освободить ее, — упрямо нахмурился Сул. — Если бы ты не начал сопротивляться, инжениум не взорвался бы.

— Ты всегда ставил себя и свои желания выше всего прочего. И теперь можешь наблюдать результат.

— Ты все перекручиваешь. Сам видишь, что произошло.

— Меня это больше не интересует. — Вуон пожал плечами. — Вы разыскали меч?

— Какой меч?

Глаза Вуона сузились.

— Я думаю, не нашли! Мои слуги его не принесли. — Он возвысил голос. Куда только девалось прежнее спокойствие? Аттребусу показалось, что он слышит безграничный гнев и жестокость в тоне данмера, внезапно выкрикнувшего: — Где он?!

— Для чего он тебе? — спросил принц.

— Это тебя не касается!

— А я думаю, все, что связано с тобой, касается меня! — резко ответил Аттребус. — Неважно, что случилось в прошлом! Ты сейчас убил тысячи безвинных людей! Все обитатели Чернотопья…

Вуон откинулся на спинку кресла и вновь принял расслабленный и равнодушный вид.

— Не могу этого отрицать.

Неожиданное, сделанное как бы между прочим признание огорошило принца.

— Но почему? — спросил он, когда обрел дар речи.

— Посмотри вокруг. Разве здесь не красиво?

Неосознанно Аттребус огляделся по сторонам.

— Да, — вынужденно согласился он.

— Это — мой город, — сказал Вуон. — Мой мир. Я делаю все, чтобы защитить его.

— Разве это защита? Уничтожать мой мир, чтобы сохранить свой? Почему бы тебе не высасывать души из обитателей Обливиона?

На мгновение принцу показалось, что Вуон всерьез обдумывает его предложение.

— Ума не приложу, зачем мне тратить попусту время, беседуя с вами, — наконец сказал данмер. — Скорее всего, мне нужно попросту вас убить.

— А почему ты не сделал этого до сих пор?

— Некоторые имеющиеся у вас сведения могут принести мне пользу. Попробуйте убедить меня, что вас следует оставить в живых.

— Вначале убеди меня, — упрямо заявил Аттребус. — Объясни свои слова.

Вуон потер губы большим пальцем и пожал плечами.

— Сул рассказывал тебе, как нас выбросило в Обливион? Как мы повстречали Умбру и как я договорился с ним?

— Да. И еще как ты мучил его.

Усмешка Вуона стала зловещей.

— Это было, но вскоре наскучило. У меня не получалось мучить его больше, чем он мучил сам себя.

— Вот меня это не остановит! — рыкнул Сул.

— А ты нисколечко не изменился.

Красные тарелки исчезли, на их месте появились подносы с лениво шевелящимися оранжевыми гусеницами.

— Клавикус Вайл лишил Умбру возможности покинуть свои владения. А после твоего побега, Сул, он настолько уплотнил стены, что и я не смог бы уйти, даже если бы очень захотел. Единственный способ обойти его ограничение состоял в том, чтобы бежать и в то же время оставаться на его земле. По крайней мере, находиться в пути. Я построил новый инжениум, привел его в действие при помощи Умбры и той силы, которую тот украл у Вайла. Потом я обернул стены, ограничивающие нас, вокруг города. И закрутил их. Так мясник закручивает кишку, чтобы разделить колбасы. Так ребенок надувает и закручивает свиной пузырь, делая игрушку. И я крутил и крутил, до тех пор, пока город и гора, на которой он стоял, не оторвалась от владений Клавикуса Вайла.

Он надкусил одну из гусениц — та лопнула, выпуская на свободу бабочку, а Вуон тут же поймал ее за крыло и отправил в рот.

— Это случилось давным-давно, — продолжал он. — Мы плыли через многие владения и над разными землями, в Обливионе и вне его. Мы не можем покинуть остров, поскольку ограничения Вайла не утратили силу. Да я и не хочу отсюда уходить — я люблю это место, я его создал. Чтобы выжить в странствиях между мирами, мы были вынуждены стать замкнутой вселенной, на полном самообеспечении, со своим собственным циклом жизни, смерти и реинкарнации, континуумом материи и духа… И все это приводил в действие, всем руководил разработанный мною инжениум. Мы отказались от некоторых понятий. Например, от естественного порядка размножения — в нынешних условиях он оказался несостоятельным. Но при всем при том мы близки к совершенству. Все, что здесь есть, исходит из инжениума.

Краем глаза Аттребус заметил, как Сул нетерпеливо дернул рукой. Не отрываясь от лица вещавшего Вуона, принц скосил взгляд. Губы красноглазого беззвучно шевелились. Кажется, он хотел сказать: «Займи его разговором».

Аттребус впился глазами в Вуона, который вроде бы не заметил их переглядывания.

— Не сказал бы, что вы полностью обеспечиваете себя сами! — воскликнул принц. — Умбриэль питается душами из внешнего мира!

— Ну, я же сказал, — кивнул Вуон, — что мы стремимся к совершенству. За пределами Мундуса наша потребность в подпитке извне минимальна, а в некоторых местах вообще не

нужна. Но здесь требуется гораздо больше энергии, чтобы поддерживать тяжелую каменную гору в состоянии полета.

— Тогда зачем вы сюда явились?

— Здесь Клавикус Вайл не может преследовать нас. По крайней мере, в полную силу.

— Значит, вы добились своего! Вы свободны, но почему-то продолжаете куда-то бежать. Ведь наверняка имеется какой-то способ посадить эту штуку — в долину или в озеро.

— Не все так просто. Вайл вряд ли сдастся так быстро. Он продолжает злоумышлять против нас. Может, например, послать по моему следу убийцу. Такого, как он! — Вуон кивнул на Сула.

— Сул не служит Клавикусу Вайлу! — возмутился Аттребус.

— А ты уверен? Он много лет провел в Обливионе и очень хочет отомстить мне. Почему бы ему не заключить сделку с Вайлом? Но есть и еще одно препятствие — Умбриэль пока не полностью принадлежит вашему миру.

— Не полностью?

— Нет, — Вуон покачал головой. — Мы пока что остаемся пузырем Обливиона в Мундусе и поэтому уязвимы. Но я нашел способ, как избавиться от Клавикуса Вайла раз и навсегда.

— И для этого тебе нужен меч Умбры?

Вновь вспышка гнева исказила внешне невозмутимое лицо данмера.

— Нет! — почти выкрикнул он.

— Но ты же в самом деле этого хочешь, — проговорил Сул, нарушив долгое молчание. — Ты боишься, что меч может тебя уничтожить, правда ведь? Где сейчас Умбра, а, Вуон? Ты говоришь, он приводит в действие твой инжениум. А если Умбру опять заключить в меч, что произойдет с твоим прекрасным городом?

Вуон задрожал от ярости, но, закрыв глаза и сделав несколько глубоких вздохов, заговорил почти ровно:

— Мы прибыли не только за мечом. Я хотел вырваться из владений Клавикуса Вайла, и мне это удалось. Умбра хочет найти оружие, и мы, конечно, будем его искать, но это можно поручить наемникам. Если вы узнаете, где меч, то узнаю и я. Уж это несомненно. Но пришла пора обратить внимание на некоторые другие вопросы.

— Почему ты не использовал наемников раньше? — спросил Аттребус.

— Им было трудно проникать сквозь разлом между мирами. Кроме того, мне потребовалось немного времени, чтобы создать свою армию. Но ты знаешь, сейчас поиски уже идут. Поисковым отрядам совсем не обязательно находиться рядом с Умбриэлем.

Куда хочу, туда и отправляю. — Вуон потер подбородок. — И вот в чем ты мог бы оказаться мне полезен, принц Аттребус…

— А почему я должен этого захотеть?

— Чтобы сохранить свою жизнь и жизни многих подданных. А кроме того, чтобы стать мужчиной.

Мурашки пробежали у принца по спине.

— О чем ты? Что значит — стать мужчиной?

— О чем я? Просто я догадываюсь, что твои приключения, по всей видимости, открыли тебе глаза. Например, ты узнал, что львиная доля твоей славы покоится на самом бессовестном обмане.

— Откуда ты знаешь? Если ты совсем недавно покинул Обливион…

— Ты еще не догадался! — закричал Сул. — У него глаза и уши во дворце! Вот кто заказал твое убийство!

— Это правда? — Принц с вызовом глянул на Вуона.

— Твоя слава могла послужить некоторым препятствием для моих замыслов. Мой союзник остерегался, что ты сумеешь собрать армию и атакуешь Умбриэль прежде, чем мы будем готовы. Кроме того, ты мог существенно затруднить нам осаду.

— Осаду?

— Как это ни прискорбно, но я вынужден напасть на Имперский город. И предполагаю натолкнуться на сопротивление.

— Зачем тебе надо нападать на столицу?

— Мне нужен город или, скорее, башня Белого Золота. Когда я получу ее, все закончится: никому больше не придется погибать, а я поставлю Умбриэль на якорь и смогу наконец отдохнуть. Если ты хочешь спасти жизни своих людей, то постарайся убедить отца покинуть Имперский город без сопротивления.

— Мой отец положил жизнь на то, чтобы возродить Империю! Он ни за что не отдаст башню Белого Золота. И уж, само собой, меня он слушать не станет.

— Ну, ты мог бы хотя бы попытаться. Вот мое предложение и мой дар, достойный Бога. Возвращайся в Сиродиил и спаси свой народ. Тогда ты станешь настоящим героем.

Аттребус оглянулся на Сула.

— А как насчет него?

Вуон отправил в рот вторую бабочку.

— Сул — мой. Вначале я вытяну из него все, что он знает, а потом он умрет.

— Если ты убьешь Сула, на мою помощь можешь не рассчитывать.

— Пораскинь-ка мозгами, принц. Я, конечно, могу тебе

соврать и сказать, что сохраню ему жизнь. Но я не хочу этого делать. Если ты откажешься мне помогать, то умрешь вместе с ним. И учти — я всегда добиваюсь своего. Любой ценой.

Словно птица, Аннаиг взлетела в воздух, и сердце ее взволнованно затрепетало. В тот первый раз она была слишком напугана, чтобы задумываться над своими ощущениями, и лишь теперь поняла, как это здорово. Летать — это замечательно! Ничто в мире не сравнится с чувством полета.

Она оглянулась на удаляющуюся громаду Умбриэля. Погони за ними не было: скорее всего, их побега никто не заметил и не заметит до тех пор, пока Тоэл не начнет ее разыскивать. Но к тому времени, как она надеялась, они со Светло-Глазом будут уже миль за сто отсюда, не меньше.

Девушка покрепче сжала руку аргонианина. И тут что-то показалось ей странным. Она посмотрела на друга.

Вначале ей померещилось, будто Светло-Глаз окутан маленьким заблудившимся облаком, но потом она осознала — он расплывался, словно акварельная краска, нанесенная на мокрую бумагу.

И ее собственная рука тоже таяла.

Аттребус надолго замолчал. Сул почти видел, как мысли ворочаются в голове принца. Мальчишка, которого он спас от похитителей, не задумывался бы так. Если он по-прежнему считает себя героем, воспетым в балладах, то не бросит товарища.

Но он знал, что Аттребус многому научился за эти дни. Он даже мог принять правильное решение и пожертвовать спутником, чтобы выиграть время.

Впрочем, сейчас это не имело значения. Сул не мог себе позволить умереть, не убив прежде Вуона, который так и не понял, какую ошибку совершил.

Расспросы принца дали Сулу то время, в котором он нуждался.

Он закрыл глаза…

— Сколько у меня времени на размышления? — спросил Аттребус.

— Не слишком много, — отвечал Вуон. — Эй, Сул, что…

Адская боль пронзила Сула, скрутив в узел все мышцы. Неподготовленного человека она могла бы убить, но данмер ощущал нечто подобное прежде, причем много раз. Все, что ему было нужно, так это прорваться через путы чар и проникнуть сквозь миры — туда, где ожидало его некое существо, воплощенная ярость.

— Явись! — приказал Сул. И выкрикнул в лицо Вуону: — Зря ты напомнил мне про Обливион!

Окружавшее их стекло с треском разлетелось в мельчайшую пыль.

Колину нестерпимо хотелось пуститься бежать куда подальше: в окно, а там — вдоль по улице, прочь от этого дома. Все его существо беззвучно кричало: «Беги! Беги! Спасайся!»

Так погибают мыши, думала маленькая часть его души, сохранившая хладнокровие. Они видят тень ястреба и бегут…

Он вспомнил человека, которого зарезал. Его взгляд, умолявший не отнимать жизнь, отвести удар. Ощущал ли он себя ястребом в тот миг? Вряд ли…

«Мальчик, который родился с ножом вместо правой руки…»

Молодой сыщик чувствовал безмерную усталость. Не лучше ли сдаться и разом покончить со всем этим? Но разве он мог смириться с обнаруженной гнильцой во дворце, в самом сердце Империи? Только это имело значение.

Он сжался в темноте, притих, слился с ней плотнее, чем с любовницей, и попытался опустошить разум, изгнать все мысли.

Судя по скрипу половиц, тварь выглянула из-за угла. Ее пристальный взгляд скользнул по сыщику. Он сидел, стараясь не дышать и не отрывая глаз от пола, потому что знал: если он увидит чудовище, то утратит остатки твердости. Ниже его убежища ступени лестницы жалобно закряхтели под тяжестью мохнатого тела. Зверь постоял, принюхиваясь, и отступил.

Через несколько мгновений тварь свернула за угол. Эти секунды растянулись, казалось, на целую вечность, а потом едва слышно хлопнула дверь. Волна свежего воздуха пробежала по лестнице.

Колин продолжал сидеть, будто парализованный, пока не почуял запах дыма. Тогда он очнулся и с колотящимся сердцем сбежал вниз.

Огонь охватил уже весь первый этаж, но, насколько мог рассмотреть сыщик, останки выглядели так, словно тела взорвались изнутри. Потребовалось бы несколько часов только для того, чтобы понять, сколько же их было.

Колин вернулся наверх и выбрался в окно, жалея, что не имеет возможности обыскать дом. Как хорошо было бы найти хоть маленький намек на причастность Летины Арес к попытке покушения на принца! И заодно выяснить, почему она сама не прикончила Аттребуса.

Разумеется, расспросы нужных людей в нужных местах выявят, кто из главарей преступного мира погиб нынче ночью, но

это не казалось очень уж важным. Главное, что он узнал, — именно Летина заказала резню.

Следующий вопрос, на который предстояло найти ответ: работала она в одиночку или ее действия были частью большого заговора?

Прежде чем остаться без поддержки и рухнуть вниз, Аттребус все же успел увидеть нечто ужасное. Отчаянно извернувшись в воздухе, он ухитрился зацепиться пальцами за одну из сломанных труб, которая извивалась, подобно умирающей змее.

Над его головой шевелилась чудовищная туша с множеством хитиновых конечностей и крыльев, похожая на жуткую помесь скорпиона, шершня и паука. Монстр пер напролом прямо к Вуону; часть стекловидных побегов, не разрушенных сразу, рванулись к твари, оплетая и пытаясь задержать, и хотя не остановили ее, все же слегка замедлили движение.

Несмотря на разрушение, царившее вокруг, Вуон сумел устоять на ногах. Длинный бич белого пламени хлестнул тварь. Одна из когтистых лап отлетела, но волшебное оружие поразило и защищающие хозяина побеги.

Аттребус находился за спиной Вуона. Усики, казалось, позабыли о нем. Принц сунул Высверк в ножны, чтобы освободить обе руки. Когда раскачивающаяся труба, за которую он цеплялся, оказалась рядом с другой, он перепрыгнул на нее и, с трудом удерживаясь на гладкой поверхности, пополз вверх. Чем ближе он подбирался к Вуону, тем легче становилось карабкаться — паутина рядом с данмером почти не пострадала.

Дымящийся, воняющий горелым мясом кусок тела чудовища просвистел мимо головы. Аттребус перебирал руками и ногами как можно быстрее. Единственная надежда одолеть Вуона — застать его врасплох, пока колдун занят сражением с монстром. Испробовать на себе удар огненного кнута принц вовсе не хотел.

Ему оставалось преодолеть по меньшей мере двадцать футов, когда то, что, возможно, служило дейдре головой, кувыркаясь улетело в бассейн. Быстрый, пристальный взгляд Вуона упал на Аттребуса, и окружающие принца усики внезапно затвердели. Он разочарованно взвыл.

И тут появившийся откуда-то сверху Сул плашмя рухнул в сплетение прозрачных усиков. Принц мельком увидел кровь на его верхней губе, покрытое испариной лицо и наполненные болью глаза, а затем жилистая рука данмера сграбастала его за рукав.

— Не сейчас! — прерывающимся голосом сказал Сул.

И опять его охватило чувство падения сразу во всех направлениях.

Умбриэль исчез.

Эпилог

Больше часа Аннаиг плакала, прижавшись щекой к плечу Светло-Глаза и глядя на мир, который утратила навсегда.

— Ничего не понимаю… — бормотал аргонианин. — Ведь мы не местные жители…

Девушка посмотрела на несчастное и разочарованное лицо ящера, вздохнула и решительно вытерла слезы.

«Довольно!» — подумала она.

А вслух сказала:

— Я тоже ничего не понимаю. Но я найду выход.

— Что ты хочешь сказать? — удивился Глаз.

— Мы не можем отсюда улететь. Значит, нам нужно вернуться к своей жизни здесь. Я обязательно выясню, как это лечится. Или как это можно обмануть.

— Есть неизлечимые болезни, и не всякий враг поддастся на обман. Иногда мы попадаем в безвыходные положения.

— Нет! — как можно мягче возразила Аннаиг, а сама вспомнила о доме в Лилмоте, об отце, о прежней жизни, которая сейчас казалась несбыточной мечтой. До сих пор она жила как во сне или в театральной постановке, и вот наконец ее постигло первое по-настоящему суровое разочарование. — Нет, — повторила она. — Мы выберемся. Глаз, я тебе обещаю — однажды мы улетим отсюда. Но к сожалению, не теперь.

Они еще немного посидели вместе, прежде чем вернуться через подъемники на нижний уровень и там попрощаться.

Покинув склады, Аннаиг задержалась на пороге. Даже хобы уже разошлись. В эти недолгие предрассветные часы кухня казалась непривычно тихой и пустой.

Девушке вновь показалось, что она увидела своего призрачного двойника. По его лицу блуждала улыбка — уверенная, решительная, загадочная.

— Хорошо! — тихонько сказала Аннаиг. — Мы еще посмотрим!

И направилась на кухню.

Комментарии от переводчика

«The Elder Scrolls» (сокр. — TES; в переводе с англ. «Древние свитки») — серия компьютерных ролевых игр, созданная фирмой «Bethesda Softworks».

Работа над серией началась в 1992 году, когда компания «Bethesda Softworks», находясь под влиянием игр «Ultima Underworld» и «Dungeons & Dragons», разработала масштабную, открытую ролевую игру с видом от первого лица «The Elder Scrolls: Arena», которая вышла в свет в 1994 году.

Следующая игра из серии «Elder Scrolls» — «The Elder Scrolls II: Daggerfall» — была выпущена в 1996 году и имела большой коммерческий успех.

После выхода «Daggerfall» «Bethesda Softworks» до 1998 года не занималась разработкой продолжения, вместо этого выпустив игры «The Elder Scrolls Legends: Battlespire» в 1997 году и «The Elder Scrolls Adventures: Redguard» в 1998 году. Обе игры имели несравнимо меньший масштаб.

Для работы над «The Elder Scrolls III: Morrowind» «Bethesda» утроила количество сотрудников и снова сделала ставку на высокие системные требования. «Morrowind» стал, с одной стороны, возвращением к традиционному нелинейному и обширному игровому миру и в то же время шагом в сторону вручную проработанных ландшафтов и артефактов; кроме того, игровой мир был все же меньше, чем в играх-предшественниках. Вскоре были выпущены два дополнения для «Morrowind: The Elder Scrolls III: Tribunal» и «The Elder Scrolls III: Bloodmoon».

Сразу после выхода «Morrowind» в том же 2002 году началась работа над «The Elder Scrolls IV: Oblivion». Сильными сторонами «Oblivion» должны были стать туго закрученный сюжет и впечатляющая графика. Игра была выпущена в начале 2006 года. В 2007 году «Bethesda» выпустила два дополнения для «Oblivion»: «The Elder Scrolls IV: Knights of the Nine» и «The Elder Scrolls IV: Shivering Isles».

27 апреля 2009 года «Bethesda Softworks» анонсировала выход двух романов по вселенной «The Elder Scrolls» авторства Грега Киза. Первый роман «The Infernal City» вышел 24 ноября 2009 года.

Глоссарий

Азура — одна из принцесс Даэдра. Азуру, чья сфера заря и закат, магия сумерек, называют Лунной Тенью, Королевой Зари, Матерью Розы, Принцессой Рассвета и Заката, и Королевой Ночного Неба. Днем Азуры считается двадцать первый день месяца Первоцвета (праздник называется Хогитум).

Айлейды, или *Дикие эльфы*, они же *Древние эльфы Хартленда* — одна из эльфийских рас, потомки альтмеров, переселившихся в Сиродиил с острова Саммерсет.

Акавири, или *цаэски* — вампирский змеиный народ с материка Акавир. Высокие, покрытые золотой чешуей, красивые и страшные одновременно, нестареющие существа. Именно цаэски истребили всех людей и эльфов Акавира. Они же поработили гоблинов с окрестных островов, те работают на них и дают свежую кровь.

Альтмеры, или *Высокие эльфы* — уроженцы острова Саммерсет. Высокие эльфы обладают б*о*льшими способностями к тайным искусствам, чем остальные расы.

Аргониане — раса рептилиеподобных зверолюдей, отлично приспособившаяся к жизни в воде, родом из провинции Аргония, она же Чернотопье.

Босмеры — жители западных Валенвудских лесов, также известные как лесные эльфы. Босмеры по праву считаются лучшими лучниками Империи!

Боэта — одно из божеств Тамриэля. Его сферой деятельности является хитрость и конспирация, тайные заговоры с целью убийства, измены и незаконное свержение власти.

Бретоны — человеческая раса Тамриэля. Своими магическими талантами бретоны обязаны небольшой доле эльфийской крови, текущей в их жилах. Бретоны — также самая красивая раса в Тамриэле, они высоки и стройны, хорошо сложены, кожа их бледнее, чем у имперцев, но темнее, чем у нордлингов, волосы русого либо рыжего цвета. Изредка встречаются темноволосые.

Валенвуд — родина лесных эльфов (босмеров). По суше граничит с Эльсвейром и Сиродиилом, по воде — с островом Саммерсет. Климат жаркий, частые лесные пожары на границе с Сиродиилом.

Вварденфелл — провинция, расположенная на одноименном острове, огромном массиве, посреди которого возвышается

гигантский вулкан Красная гора; остров отрезан от материковой части Морровинда окружающим его Внутренним морем.

Вейе — местечко неподалеку от Имперского города.

Вербер — оборотень, который становится медведем.

Веркрок — оборотень, который становится крокодилом.

Вивек — город в провинции Вварденфелл, на берегу залива Норвейн.

Высокогорье, или *Хай Рок* — самая маленькая провинция Тамриэля, которая находится на северо-западе Империи. Коренное население составляют две расы — бретоны и орки.

Гирцин — принц дейдра. Сфера Гирцина — охота, спорт дейдра, Великая Игра, скачки. Говорят, что этого принца дейдра невозможно вызвать, как других, но его днем является пятый день месяца Середины Года.

Грива — уникальная особь племени каджитов, наделенная особым статусом. Согласно традиции каджитов, одновременно может жить только один Грива, и есть мнение, что Грива многократно возрождается в разных телах. Грива может родиться только во время редкого выравнивания Массера и Секунды, когда, согласно легенде, на небосклоне появляется третья луна.

Данмеры, или *темные эльфы* — уроженцы провинции Морровинд. Они славятся владением мечом, луком и магией разрушения.

Двемеры — исчезнувшая раса эльфов, ранее обитавшая в Морровинде. Люди называли двемеров гномами.

Дейдра — сущности, подобные демонам. «Дейдра» в примерном переводе означает «не наши предки». Существуют шестнадцать принцев дейдра: Азура, Боэта, Ваернима, Гирцин, Клавикус Вайл, Малакат, Меридия, Мефала, Молаг Бал, Намира, Ноктюрнал, Перайт, Сангвин, Шеогорат, Хёмаус Мора и Мехрун Дагон.

Дибелла — богиня красоты. Популярное божество пантеона Девяти. В Сиродииле у нее около дюжины различных культов, некоторые посвящены женщине, некоторые искусству, другие любовным отношениям.

Дни недели в Тамриэле: морндас — понедельник, тирдас — вторник, миддас — среда, тюрдас — четверг, фредас — пятница, лоредас — суббота, сандас — воскресенье.

Дороги Империи — провинцию Сиродиил покрывает сеть крупных дорог, обычно расходящихся от озера Румар: Красная кольцевая дорога образует кольцо вокруг озера; Серебряная идет на север — в Бруму и храм Повелителя Облаков; Черная — на

северо-запад, в Коррол; Оранжевая соединяет Коррол и Серебряную дорогу; Золотая ведет на запад — в Скинград, Кватч и Анвил; Зеленая и Желтая идут на юг в Лейавин и Брэвил по обоим берегам Нибена; Синяя ведет на восток в Чейдинхал.

Драугры — нежить, обитающая на острове Солстейм, материальная, как и ходячие трупы.

Дреуги — древние морские чудовища, троглодитная форма человека, полулюди, полуосьминоги, обитающие в морях вокруг Тамриэля. Дреугов можно отнести как к разумным расам, так и к животным.

Имперский город — столица Империи, находится в провинции Сиродиил. Стоит на острове посреди озера Румар.

Каджиты — раса, разумные зверолюди, подобные кошкам, родом из провинции Эльсвейр, они умны, проворны и ловки. Возможно, потомки больших пустынных кошек.

Кэтей и *Кэтей-рат* — зверолюди, являются одним из видов каджитов Эльсвейра и похожи на больших прямоходящих ягуаров, прирожденные воины. Одна из самых распространенных форм. Кэтей-рат шустры и грациозны. Они небольшого роста, с остроконечными ушами, огромными желтыми глазами, пестрым мехом и хвостом, похожим на кнут.

Кенарти — божество каджитов.

Клавикус Вайл — принц дейдра. Его сфера — дарование сил, исполнение желаний смертных и заключение договоров. Клавикус Вайл опасен, так как воздействует на волю смертных. Его изображают в виде рогатого карлика, сопровождаемого зверем.

Красная Гора — это знаменитый большой вулкан в самом центре Вварденфелла. В сердце его расположена цитадель Дагот Ур.

Культ девяти божеств — главный религиозный культ Сиродиила. Состоит из пантеона восьми Эйдра и бога-героя Тайбера Септима.

Лейавин — город в Сиродииле.

Лорхан — мертвый бог, иногда еще называется потерянным. Лорхан был расщеплен другими Аэдра за то, что вынудил их создать Нирн. На месте, куда Эт'Ада кинули его сердце, появился вулкан Красная Гора.

Массер и *Секунда* — луны мира Нирн. Останки Лорхана, образовавшиеся после его низвержения на Нирн.

Меры — общее наименование для эльфов в мире Нирна.

Отсюда отдельные разновидности эльфов: данмер, босмер, альтмер, двемер и так далее.

Мефала — один из принцев дейдра. Двуполое божество. Его сфера влияния — секреты, секс, убийство.

Мехрун Дагон — один из принцев дейдра. Его изображают как ужасного четырехрукого воина с двулезвийной секирой. Его сфера — уничтожение, изменения, разрушение, революции, сила и амбиции.

Молаг Бал — один из принцев дейдра. Его сфера — господство над смертными и порабощение их разума. Более всего Молаг Бал жаждет пожинать души, переносить их в пределы своего влияния, разбрасывая семена споров и раздора в сфере смертных.

Морровинд — родина данмеров (темных эльфов), имеет очень разнообразный климат, в центре — большой остров Ввардендфелл.

Нирн — вымышленная планета, на которой происходят действия серии игр The Elder Scrolls. Название планеты означает «Арена» на языке древних эльфов. Нирн также называют Мундус.

Ноктюрналь — Ночная Хозяйка, Ноктюрналь Непостижимая, Повелительница Ночи, ее сфера — Ночь и Тьма. Ее измерение — цитадель Опасная Тень, некогда разрушенная Мехруном Дагоном. Ноктюрналь почитают создательницей гильдии воров.

Неквинал — старая столица Эльсвейра, родины каджитов.

Нордлинги — граждане Скайрима, это высокий и светловолосый народ, сильный и суровый. Из них получаются очень хорошие воины. Бытует стереотип, что нордлинги не блещут интеллектом.

«Организм» — городской совет Лилмота.

Орки — жители Ротгариана и хребта Драконьего Хвоста. Оркские оружейники широко известны своим мастерством, а воины, облаченные в тяжелые доспехи, признаны одними из самых замечательных бойцов во всей Империи.

Редгардцы — одна из человеческих рас. Происходят с западного континента Йокуда, который был затоплен морем в древние времена. В поисках новой родины флот редгардов направился на восток, где они натолкнулись на провинцию Хаммерфелл на континенте Тамриэль.

Риммен — главный город в западных областях провинции Эльсвейр.

Саммерсет, остров — плодородный регион, родина высоких

эльфов (альтмеров), которые когда-то прибыли сюда с Альдмериса. Имеет только морские границы с Валенвудом.

Сенч и *Сенч-рат* — самый крупный кот в Тамриэле, одна из форм каджитов. Их используют как ездовых животных более мелкие разновидности каджитов, но вряд ли сенч позволит оседлать себя представителям другой расы.

Сиродиил — колыбель высокой цивилизации Тамриэля, родина имперцев, оттуда пошли все блага Империи. Сиродиил делится на несколько областей: Золотой берег, Западный лес, Великий лес, Коловианские нагорья, горы Джералл, горы Валус, Центральные земли, Нибенайский бассейн, Нибенайская долина и Черный лес.

Скайрим — еще известен как Старое Королевство, поскольку именно туда пришли первые люди с Атморы и оттуда началось строительство великой Империи. В Скайриме суровый климат — там вечная зима, как в Арктике. Столицей Скайрима является Винтер Холд.

Скума — это чрезвычайно опасная производная лунного сахара, наркотик, вызывающий привыкание.

Слардже́й — ездовое животное, используемое в пустынях Эльсвейра.

Стендарр — бог милосердия, покровитель праведной силы и милосердного воздержания. Он вдохновитель судей и правителей, покровитель имперского легиона и утешитель законопослушных граждан.

Талмор — временное правительство в Валенвуде.

Тамриэль — самый большой материк на Нирне, который состоит из девяти провинций: Сиродиил (Имперская провинция), Скайрим, Хай Рок, Хаммерфелл, Валенвуд, Элсвейр, Чернотопье (оно же Черное Болото, и оно же Аргония), Остров Саммерсет и Морровинд.

Топал — море, омывающее южные берега провинций Эльсвейр, Аргония и Сиродиил.

Хаммерфелл — большая провинция на западе Тамриэля, климат разнообразный. Основу составляют степи, пустыни и полупустыни. Коренное население — редгардцы.

Хист — особый вид спороносящих деревьев, которым поклоняются уроженцы Аргонии.

Чейдинхал — город в Сиродииле.

Чернотопье (Аргония) — обширные болотистые земли, которые являются родиной звероподобных существ — аргониан

(по сути, людей-ящеров).

Эльнофекс — древний язык Нирна. Принадлежал мерам (эльфам).

Эльсвейр — провинция Империи Тамриэль. Это регион — самый молодой из современных, единственный был основан в Общую Эру, около шестисот лет назад. Населен расой разумных звероподобных существ, каджитов.

Эра (эпоха) Меритик — историческая эпоха Тамриэля, в которую жили и работали выдающиеся ученые и волшебники. В то время меры (эльфы) властвовали над людьми и прочими расами.